

ИРЕНА ШЕВЧЕНКО

ЗАЛОЖНИК СИЛЫ

ТАМ, ГДЕ ГОРИТ СВЕТО

Если бы она знала, чем это обернется, то держалась бы подальше от Торговой слободы, не ходила бы с розами на набережную и вряд ли стала бы вытаскивать из заснеженного проулка истекающего кровью парня.

Если бы он знал — предпочел бы получить еще одну пулю, лишь бы не разминуться с нею.

Сирота-цветочница и ловкий карманник — двое из разных миров. Но даже они сами не знают, насколько разных.

Заложник силы. Там, где горит свет

— Здравствуйте!

Аптекарь поправил на носу очки и продолжил раскладывать монетки: серебряные листры в один столбик, медяки — в другой. В стороне сиротливо лежала потрепанная банкнота.

— Здравствуйте! — повторил тоненький голосок.

Старик оторвался от своего занятия. Хотел сказать что-то нелестное тому, кто посмел мешать ему в столь важном деле, но взгляд наткнулся на худенькую девчушку лет двенадцати, смущенно мнущуюся у прилавка: чистое, но почти до дыр застиранное платьице, тоненькие русые косички с потрепанными ленточками, кроткие голубые глаза — на такую и голос повесить стыдно.

— Ты что-то хотела, милая? — вырвалось само собой.

— Мне... — Маленькая покупательница положила на прилавок потертый медный кругляшок. — Пузырек касторового масла, пожалуйста.

— Касторового? — Аптекарь поглядел на запылившийся стеллаж: давно нужно нанять помощника, да где ж его взять? — Сейчас, сейчас...

Кряхтя, он приставил к полкам шаткую лесенку и взобрался на две ступеньки. Достал пузатую бутылочку темного стекла и сверил название на ярлычке.

— Вот, возьми.

— Спасибо, господин. — Девочка склонила головку и присела в неловком книксене. — До свидания.

Какое милое дитя! Торговец целебными снадобьями проводил ее взглядом и вновь обратился к столбикам монет. Серебряный показался ему несколько ниже...

— Держите ее! — Выскочил он на улицу. — Держите воровку!

Непонятно, к чему были эти крики: девчушка лишь на пару шагов успела отойти от аптеки, и когда старик выбежал следом, сама остановилась, растерянно озираясь по сторонам.

— Воровка! — визжал он, вцепившись в тоненькое запястье. — Глядите, люди добрые, воровка!

Добрых людей подобным было не удивить, шли себе мимо, с ухмылкой поглядывая на покрасневшего от криков аптекаря и перепуганную, готовую в любой миг разреветься девчонку. А вот недобрый люд насторожился: щипачи, промышлявшие на рыночной площади, не одного раззяву упустили, чтобы поглядеть, кто там отличился. А приметив, что подруга-то левая, ни под кем из трех царей не ходившая, свистнули кому надо, шепнули кому след. Загребут сейчас мелкую, краденое из кармашков вытряхнут, недельку на казённых харчах подержат, да отпустят, а там ее смотритель местный встретит — вот тогда и поймет несмышлеха, как без царского благословения в Торговой слободе промышлять. В лучшем случае еще всыпят да в учение кому отдадут. Только эту вряд ли: раз попалась, значит, не лежат ни душа, ни руки к тонкому воровскому делу. Тогда к мамке какой — хоть и малолетка еще, да ладная. Но скорее уж, сразу промеж собой разыграют...

— Жалко ее, — вздохнул негромко Шут. — Дура же.

— Дура, — сплюнул через дырку в зубах Валет. — А дур не жалко.

Собралась толпа. Девчонку, ревущую уже захлеб, заставили вывернуть карманы, обшарили всю, от косичек до сбитых башмачков. После кликнули толстуху Жюльену, вдову прежнего городничего. Та завела мелкую в караулку и заставила раздеться догола: пацаны с соседних крыш подсматривали в окошко и сердито улюлюкали на задернутые шторы. Вернувшись, пожала плечами.

— Сколько хоть пропало, господин аптекарь?

— Кто его знает, — наморщил лоб старик. — Может... — Посмотрел в обиженные глазенки, поежился виновато. — Может, и не пропало ничего.

Бывает и так.

Народ стал расходиться, и скоро у дверей аптеки остался лишь сам торговец и заплаканная, нерешительно приминающаяся с ноги на ногу девочка.

— Я могу идти? — спросила она робко, когда старик, махнув на нее рукой, уже хотел вернуться в лавку.

— Иди уж.

— А я... Я могу забрать масло?

Пузырек, чудом не разбитый в сутолоке, стоял на фонарной тумбе. Аптекарь посмотрел на него, на девчонку и молча ушел к себе.

— Пустышка, — вывел Шут. — Видно, старый Ганс совсем считать разучился.

— Красиво работает, — прошептал одними губами Валет. Товарищ его не услышал, но вор к этому и не стремился.

Царям теперь девчонка неинтересна, но он решил проследить за мелкой. Так, из любопытства.

От аптеки Софи пошла в сторону почты. Не оглядывалась, по сторонам старалась не смотреть. Свернув за угол, зашагала быстрее, а когда и через квартал никто не окликнул, побежала. Щеки горели, дыхание сбилось... Люк, должно быть, уже проснулся и плачет. А она даже свежего хлеба не успела купить — снова придется размачивать братишке сухари.

Но ничего, скоро отъедятся на славу!

Девочка остановилась в тени пышного куста давно отцветшей сирени и откупорила бутылочку. Зажмурившись, отпила сразу половину. Ух и гадость!

— Животом мучишься? — спросил кто-то язвительно.

Софи обернулась и увидела перед собой парня лет шестнадцати-семнадцати. Тот лыбился во весь рот, демонстрируя отсутствие верхнего левого резца, а на смуглом лице насмешливо блестели яркие зеленые глаза.

— Что, денежку проглотила, боишься, сама не оправишься?

Девочка испугалась, теперь уже по-настоящему, но чужак усмехнулся:

— Не бойся, не выдам. Только в слободу не ходи больше, второй раз цари чудес не потеряют.

Софи благодарно кивнула и со всех ног припустила домой.

Валет с ухмылкой поглядел ей вслед и зашагал в противоположную сторону.

Если бы юный вор проследил за девочкой дольше, а не ушел, удовлетворившись решением одной загадки, то вскоре получил бы следующую, куда более интересную.

Миновав железнодорожный переезд и вырвавшись за пределы Торговой слободы, отрезанной от остального города с одной стороны черными полосками тянувшихся от

речного порта к центральному вокзалу рельсов, а с другой — убранной под своды мостов рекой, Софи не помчалась, как решил Валет, в сторону бедняцкого Приречья и не вывернула в фабричный район. Пробежав еще квартал, она остановилась у заброшенной часовни, поклонилась полустертому лику на стене, кривясь, опустошила и забросила в кусты бутылочку, и нырнула в дыру в покосившемся заборе. Миновав зеленый сад, по ночам охраняемый собаками, а сейчас совершенно пустой и тихий, девочка добралась до высокой кованой ограды. Подобравшись, протиснулась между прутьями и, отряхнув платице, быстрым шагом пошла по ровной улочке мимо аккуратных домиков, блестящих чистыми оконцами из-за зеленых палисадников.

У одного из таких домов Софи остановилась, приподнявшись на цыпочки, достала из тайничка ключ и открыла калитку.

Люка она услышала с крыльца. На счастье, проснулся он недавно и еще не успел испугаться и зайтись плачем. Лишь громко звал сестру, бродя по комнатам, но голосок его уже дрожал от подступающих слез.

— Я здесь, хороший мой! — Влетев в дом, Софи подхватила бросившегося к ней малыша. — В саду была.

Люк успокоенно прижался к ней. Русые кудряшки защекотали шею, напомнив, что еще вчера собиралась подстричь братишку, но в суете позабыла. Из ясных глазок исчезла тревога.

Но и худощавый малыш был для Софи еще тяжел, особенно сейчас. В животе заурчало, и девочка спешно вернула братишку в детскую. Вытащила из-под стула коробку с игрушками.

— Посиди тут пока. Потом поедим и гулять пойдем... Если мне совсем худо не станет...

Иные дети в три года только и знают, что капризничать да хныкать целыми днями, но Люк был совсем не такой. Послушный, умненький. Скажешь: сиди, играй — и будет себе играть. Скажешь есть — поест. И добавки не попросит, потому что знает, что неоткуда этому счастью в их доме взяться. И спать ложился ровно по часам, и просыпался так же, почти минутка в минутку, иначе вряд ли она сегодня решилась бы уйти так далеко. И неизвестно, как бы они протянули следующие две недели. А то и три, пока пунцовая Кларисса распухнет.

А теперь проживут!

Нет, девочка не гордилась тем, что сделала. Но и угрызений совести не испытывала. Старого Ганса она выбрала не случайно: осенью, когда мама только-только заболела, Софи бегала в его аптеку — соседка присоветовала, мол, там подешевле, чем у других. Тогда и заметила, как любит старик среди дня выкладывать на прилавок монетки и пересчитывать в отсутствие покупателей... А доктор после сказал, что дрянные были микстуры, не по рецепту сделанные, а то не запустили бы так обычную простуду...

Ганс ее не узнал, но это и не диво. Во-первых, старый уже, в очках дальше собственного носа не видит. А во-вторых, осенью Софи совсем не так на люди выходила: и шляпка у нее была, и теплый плащик с пелериной — совсем как у взрослой барышни. И в платье, в котором обычно в саду копалась, никогда не подумала бы за калитку ступить.

Шляпку среди прочего она еще в весну продала: на холода и платка хватит. Плащ и сапожки сохранила, хоть за последние и боялась — а как нога подрастет за лето? Из платьев, кроме этого, затертого, еще два оставила. В одном по лавкам ходила. В другом, нежно-голубом, с белым кружевным воротничком, — на набережную вечерами. Правда, за последнюю неделю ни разу его не надевала, не с чем было выходить: снежно-белая

Маргарита уже отцвела, Кларисса лишь набирала бутоны, а других цветов по этому времени в саду не было. Но к концу месяца можно будет снова забыть о нужде. Прогуливавшиеся по набережной молодые люди покупали розы с охотой. И как не купить у таких милых детей? Люку, бывало, и просто так давали монетку или две. Потом приходилось отдавать треть заработанного сидевшей на ступеньках нищенке, но все равно оставалось достаточно, чтобы купить еды и не думать о завтрашнем дне...

Но недавно Софи поняла, что думать все равно надо. И не только о завтрашнем, но и о послезавтрашнем тоже. В доме уже не осталось ничего на продажу, а розы не могут цвести круглый год...

Когда Валет еще не был валетом, он был солдатиком, девяткой. До того еще полгода ходил семеркой или, как в колоде говорили, свояком. Но шутлом-шестеркой Валет не был никогда.

А вот Шут дожил шутлом до двадцати и, похоже, останется им до конца жизни.

— Манон, крошка моя! — надрывался он под закрытыми окнами. — Лапушка! Кисонька! Рыбка!

Первые зеваки, привлеченные этими выкриками, останавливались и с улыбкой посматривали на встрепанного парня в яркой красной рубаше, заправленной в широкие, заплатанные на коленке, штаны, и щегольских лакированных штиблетах. Польщенный их вниманием, Шут пригладил торчащие во все стороны льняные волосы и воодушевленно продолжил:

— Манон, малышка! Хватит дуться! Не верь тому, что говорят: я никогда тебе не изменял, любимая!

В ответ на это заявление оконце над мастерской точильщика отворилось, и на мостовую полетел горшок с геранью.

— Ну может лишь раз! — поспешно признал проворно отскочивший в сторону белобрысый. — С Лизеттой. Но я тогда был пьян, крошка моя, почти ничего не помню. Это же не считается? — спросил он с надеждой.

Вслед за цветочным горшком отправилась старая жестяная лампа.

— А, так ты имела в виду не Лизетту!

Заинтересованных прибавилось.

— Если ты о Катрин, то это было еще до тебя, милая. Мы давно расстались!

Со звоном разбившаяся у ног пустая бутылка освежила память незадачливого любовника.

— Мы расстались, Манон! Честно. Но, возможно, я пару раз забывал об этом. Ты же знаешь, какой я рассеянный, крошка? Разве можно считать это изменой?

Кто-то хихикнул, ожидая очередного "подарка" от разгневанной красотки, но той стало жалко разбрасываться и без того скудным имуществом, и она соизволила выглянуть самолично. На узкий подоконник тяжело легла пышная грудь, надолго приковавшая к себе взгляды зевак, и лишь вдоволь налюбовавшись на выпирающие из тесного лифа округлости, размерами не уступавшие продаваемым неподалеку дыням, те обращались взглядами к пылающему праведным гневом лицу, несмотря на обозначившийся второй подбородок и пухлые щеки, довольно милому.

— Крошка моя! — радостно выдохнул Шут.

— Кобель! — сердито взвизгнула "крошка". — Все-то у тебя не считается! Ни Лизетта, ни Катрина. Жюли тоже?

— Эта — тем более! — храбро заявил парень.

— Почему? — заинтересовалась Манон.

— Мне не понравилось! — сообщил Шут во всеуслышание.

Валет втиснулся в уже немаленькую толпу случайных свидетелей семейной размолвки. Задел кого-то плечом, извинился. Кому-то наступил на ногу, но на него только шикнули беззлобно: спор влюбленных был куда интереснее неуклюжего мальчишки.

— Милая, нупусти меня, — умолял белобрысый.

— И не подумаю! Видеть тебя не хочу!

— А ты не видь, лапушка. Закрой глазки и открой дверь.

— Убирайся!

— Но где же мне жить, кисонька?

— Где угодно, только не у меня! Пусть девки, что тебя ублажают, теперь еще тебя и кормят!

— Они кормят, рыбонька... Но жить-то мне где?

После такого Манон расщедрилась на еще один цветочный горшок.

— Значит, все кончено? — с тоской спросил Шут.

Зевак занимал тот же вопрос, но толстуха не снизошла до ответа.

— Ты разбиваешь мне сердце, Манон! — трагично возрыдал отвергнутый гуляка. — Может, ты дашь мне хоть что-нибудь на память о нашей любви? Хотя бы... Хотя бы одну из своих юбок. Я сооружу себе шатер, чтобы не спать под открытым небом...

Дальше Валет не слушал. Выбрался из толпы, негромко насвистывая, прошел вдоль рыночных рядов и свернул в пустой переулок.

Шут был плохим вором, правду сказать, он вообще вором не был и к колоде прибилсь то ли по недоразумению, то ли потому, что среди слободских так принято, но он был очень хорошим шутом, его представления неизменно собирали зрителей. А Валет не стал бы валетом к своим годам, если бы не ловкие пальцы и умение оставаться незаметным, даже будучи на виду. Каждый был талантлив по-своему, и когда доводилось работать в паре, добычу всегда делили поровну.

— Тьен, погоди! — белобрысый нагнал приятеля уже у реки. — Ну, как сегодня?

— Нормально.

Улов Валет скинул сидевшему на перекрестке Речной и Почтовой нищему. Таскать все с собой было небезопасно: жандармы в слободе прикормленные, но случалось, стопорили кого-нибудь из колоды — надо же было показать, что не зря форму носят. В кармане осталось лишь несколько монет, купить чего-нибудь перекусить, да портсигар.

— Ух ты! — восхитился Шут, вне колоды становившийся просто Лансом. — Дай позырить.

— Руки! — прикрикнул Тьен. — Сам не насмотрелся.

Рассмотрел в мелочах с одного только взгляда, когда высокий, небедно одетый господин, которого непонятно каким ветром занесло на окраину города, вынул портсигар из кармана, но еще не насмотрелся. А вещица была занятная: серебро, затейливая чеканка, накладки из слоновьей кости в виде пышной розы.

Вор вытащил тонкую папироску, обнюхал, медленно протянув под носом, — куда там дешевому развесному табаку! — и достал из кармана спички.

— Себе оставлю, — решил он, выпуская в воздух струйку легкого дыма.

— Это ж месяц жизни! — попытался урезонить его Ланс, навскидку оценив товар.

— И так не бедствуем.

— Ты-то — да...

Валет подозрительно сощурился — глаза, словно два изумруда, блеснули под густыми черными ресницами.

— Опять проигрался? — спросил он сурово.

— Ну-у...

— И Манон? В самом деле выгнала? — Только сейчас заметил, что приятель прижимает к груди тощий узелок.

— Ну-у...

— Дурак, — со вздохом прокомментировал эти новости Валет. — И куда пойдешь?

— Ну-у...

— И не мечтай!

— Хоть пару деньков! — взмолился Шут. — Она отходчивая, ты же знаешь. Завтра-послезавтра сама назад позовет.

Тьен знал. По его мнению, с подружкой приятелю повезло, и не только в том смысле, что девица при собственном жилье и при заработке, а вообще. Хозяйка, каких поискать, добрая, не болтливая. Умная... если не считать, что с дурнем этим связалась. Так он ей раньше не такие, как сегодня, серенады пел. Лет с пятнадцати за ней бегал, цветочки носил, камушки в окно кидал... Точно, сама позовет. Хоть Шут за свои гульки и не заслуживает.

— Ладно, — сжалился вор. — Идем.

В Торговую слободу Валет, который тогда еще не был валетом, попал лет десять назад. Его привела какая-то старуха — то ли бабка, то ли тетка, то ли совсем чужая женщина, где-то подобравшая хорошенького темноволосого мальчика с нереально-зелеными, добрыми и ясными глазенками. Привела, усадила на Людном перекрестке... И на том перекрестке он просидел без малого три года. Днем менял без счета монетки на пирожки или сладости с лотков, вечером приходила горбатая Нэн, сгребала в карманы собранную им милостыню и тащила в ночлежку у реки, чтобы поутру опять привести на знакомое место. Прохожие охотно подавали скромному миловидному ребенку, но когда с румяных щечек спала детская припухлость, а в зеленых глазах появились лукавые искорки, стали обходить стороной, опасливо придерживая мошну. Зато подросткам мальчишкой заинтересовались другие — не слободские, тут таких не жаловали — те, что искали по городу смазливых детишек и сдавали в угоду похотливым толстосумам. В тот вечер, когда Тьен повстречался с ними в пустой подворотне, он и лишился недавно сменившегося переднего зуба. И познакомился с Шутом, который тогда уже был шутом.

Дальше завертелось-закрутилось... Но зуба как не было, так и нет. А Ланс как был, так и есть. Лишь для него Валет, который никогда и никого не впускал ни в свое убежище, ни в свою жизнь, делал исключение.

Жил Валет на чердаке доходного дома. Внизу — три этажа суеты, детского плача, бабьего визга и пьяной брани, а у него тут — тихая, опрятная комнатка под скошенным потолком. Пол застелен старым, не раз латаным ковром, кровать, шкаф, два стула и стол под кружевной скатертью, в нескольких местах прорванной, но так, что почти незаметно. На столе петунья в надтреснутом горшке, в шкафу — книги, в основном изрядно потрепанные, но были и новые. В углу рядом с буфетом без дверец примостилась чугунная печурка. На крючке над умывальником — неизменно чистые полотенца

Шут не раз удивлялся, откуда у приятеля это — не вещи, с ними-то понятно — откуда

такая страсть к чистоте, домашнему уюту? Сам Ланс еще и мать, сгоревшую от чахотки, и отца, после ее смерти запившего пуще прежнего, помнил, и дом у него когда-то имелся, с занавесочками да салфеточками, и сейчас у Манон обретается, а та по части порядка чисто фурия... Но Тьен-то на улице рос, с ворами и попрошайками, там не учили руки перед едой мыть, а бутылку вина, если вдруг случалась такая радость, пускали по кругу и пили прямо из горлышка.

Сейчас Валет достал бокалы на длинных ножках: настоящий хрусталь, только у одного скол на тонкой кромке, а у второго желтая трещина на затейливо ограненном боку — иначе вряд ли угодили бы в лавку старьевщика. Вино он тоже пил не абы какое. Не то, конечно, что по пять листров за бутылку, но никак не меньше чем по два. Красное, сухое. Кислятина, как Ланс считал: лучше бы крепленое брал — и дешевле, и приятнее, и хмелеешь скорее. Но на халяву, бают, и уксус сладкий, что уж о вине говорить?

Шут взял наполненный бокал и через окно выбрался вслед за товарищем на покатуую крышу. Сел, прислонившись к широкой кирпичной трубе, поглядел на раскинувшийся внизу город, на реку, верткой змеей огибавшую зеленые берега, на кажущихся отсюда мелкими букашками людей. Потянулся.

— Хорошо.

— Хорошо, — согласился Тьен. Бесстрашно приблизился к краю крыши и остановился у хлипкого бортика. — Полетать бы, да?

— Отсюда — нет, — не согласился белобрысый. — Лететь недолго, приземляться больно, и второй раз уже не повторишь. На ярмарку сгоняй: там снова шар надули.

— Шар — это не то, — вздохнул Валет. — По-настоящему бы. Хоть во сне.

— Дались тебе эти сны! — отмахнулся Шут, морщась от терпкого вина.

Тьен промолчал. Достал из кармана портсигар, погладил пальцем белую розу и вытащил папиросу.

Все летают во сне, кого ни спроси. Если теперь не летают — значит, раньше было.

Валет никогда не летал. Хотел, но за миг до того, как ноги должны были оторваться от земли, падал, придавленный страхом, и просыпался в липком поту. Со временем и пытаться перестал...

В последние недели лета вдруг похолодало, и Кларисса зацвела позже, чем ожидала Софи, но денег из аптекарской лавки хватило, чтобы пережить это время. Еще и осталось немного, но девочка все равно собиралась вечером выйти на набережную: цветы не монеты — впрок не напасешь.

Правда, неожиданно обнаружилась новая проблема. Голубое платье, которое она не надевала всего месяц, извлеченное утром из шкафа оказалось мало. Весной Софи исполнилось тринадцать, но в последний год она почти не менялась и, что особенно радовало, могла носить ту же одежду и обувь. Даже думала иногда, что такой и останется — бывают же совсем маленькие люди? А тут так некстати выяснилось, что она все-таки растет! Пришлось спешно расшивать платье в груди и дотачивать подол из обрезков маминой юбки, но Софи понимала, что это ненадолго и трат на новую одежду не избежать.

Неудивительно, что в таких обстоятельствах настроение у нее было хуже некуда. Вернее, это она думала, что некуда, но оказалось, есть куда. Ох, как есть...

— Софи!

Девочка возилась в саду, срезала розы и бережно укладывала в устланную влажным холстом корзину. Подошедшего к калитке мужчину сразу не заметила, и тот долго смотрел за ее работой, прежде чем решился позвать.

Обернувшись, она недоверчиво моргнула, словно ожидала, что высокий худощавый шатен в сером, выдавшем виды костюме и примятом котелке растает в воздухе, а когда этого не произошло, отложила большие садовые ножницы и медленно подошла к ограде.

— Здравствуй, малышка, — заискивающе улыбнулся нежданный гость. — Ты так выросла.

Девочка поморщилась, вспомнив о платье, но мужчина принял это на свой счет.

— Я понимаю, — вздохнул он. — Понимаю... А где мама?

— На кладбище. Скоро год уже.

Мужчина судорожно сглотнул, растерянно хлопал голубыми, как и у девочки, глазами.

— Как?

— Да вот так, — она развела руками.

— Впустишь? — спросил после долгого молчания гость.

Она замотала головой.

— Но как же? Как ты? Вы? С кем вы живете?

— Я с Люком, — ответила Софи. — А Люк — со мной. Нас хотели забрать в приют, но сударыня Жанна сказала, что ты уехал на заработки и скоро вернешься.

— Она приглядывает за вами?

Девочка кивнула. Какая разница, что престарелая соседка никак не может за ними приглядывать, потому что давно ослепла? Разговор ведь не об этом.

— Впусти, пожалуйста, — попросил мужчина. — Хотя бы поговорим нормально. Я... Я не знал. И времени мало. Я в городе проездом... Хотел повидать вас, подарки привез...

Софи приняла через забор бумажный сверток и коробку с дешевыми конфетами, но открывать не торопилась.

— Если не думаешь оставаться, то и не заходи, — сказала она, совсем как мама в

последний раз, когда он приходил.

— Я не могу... Я же не знал... Проездом... Поезд уже через час...

Он мямлил еще какие-то оправдания, а потом вдруг четко произнес то, самое главное, из-за чего на самом деле не останется:

— Скоро у тебя будет еще один братик или сестричка.

Софи не знала, что на это сказать, а потому промолчала.

Он тоже молчал. Долго. Затем, видимо, вспомнил, что времени остается все меньше, и спросил о Люке.

Малыш спал, но сестра разбудила его и вынесла во двор.

— Этот господин принес тебе конфет, — объяснила она мальчику, поднеся его к калитке. — Что нужно сказать?

— Спасибо, — пролепетал кроха.

— Зачем ты так, Софи? — выговорил мужчина горько.

— Все равно он тебя не запомнит, — ответила она, опуская братишку на дорожку. — Не успеет.

Ему нечего было на это возразить. И говорить было уже не о чем. И некогда: поезд вот-вот подадут, а нужно еще добраться до вокзала...

— У меня есть немного денег. Я взял бы больше, если бы знал... — Он достал из кошелька две смятые банкноты, присовокупил к ним две серебряные монеты и три медяка и протянул девочке. Потом вынул из кармана часы на длинной цепочке. — Это для Люка...

— Смотри, Люк, — воскликнула девочка с наигранной веселостью, — добрый сударь подарил тебе еще и часики!

Мужчина не выдержал этого, развернулся, не прощаясь, и быстрым шагом пошел прочь от их дома.

А у Софи теперь были деньги на новое платье, но ее это отчего-то совсем не радовало.

К Иветте Валет ходил с весны. Только к ней. И не потому, что денег не брала. Воротило от шумных борделей и вшивых размалеванных девок. А у Иви — своя квартирка, чистая и ухоженная, и сама она не потасканная еще, не пропитая в хлам, не прокуренная, как те шалавы, что по-за углами с кем ни попадя трутся: миленькая, мягонькая, уютная какая-то что ли. Ну и денег не брала. Говорила, и с клиентов хватает, а Валет ей — для души. Правда, тот, хоть убей, не понимал, каким боком тут душа. Да и, деньги деньгами, а с пустыми руками ни разу не появлялся. То конфет принесет, то колечко какое или цепочку — не из краденного, хоть и за краденное купленное. То платок, бывало, то чулки, вот как теперь.

— И куда мне такие? — Иви наморщила носик, на котором под слоем белил прятались золотистые веснушки. — Серые, как у...

— Порядочной девушки, — подсказал с порога завалившийся на кровать Валет. День выдался суматошный, устал, что тот фабричный.

— О, так вот тебе какие нравятся! — Неподдельная обида искривила подведенные алой помадой губки.

— И такие тоже, — не спорил вор. — Одевайся, гулять пойдем.

— На кой?

— Не на кой, а на набережную.

— Как порядочные? — угадала Иветта и надулась еще больше.

— Вроде того.

— Надо очень! — Девушка плюхнулась на пуф у туалетного столика, взяла щетку и принялась остервенело взбивать густые рыжие кудряшки. — Хочешь, сам иди. А я найду, чем заняться. И с кем...

Брезгливо брошенный на пол серый чулок вдруг оказался обернутым вокруг ее шеи, и Иви вздрогнула, почувствовав, как медленно затягивается петля.

— В-валет... Ты чего? — испуганно прошептала она, как замороженная глядя в отразившиеся в зеркале глаза стоящего за спиной парня. Шелковая удавка становилась все туже...

— Ничего, — усмехнулся вор, отпуская чулок. — Не хочешь на ногах — на шее носи, как шарф. Не хочешь на набережную — оставайся, я и один прогуляюсь.

— Хочу! — крик остановил его уже в дверях. — Очень хочу, правда.

— Тогда одевайся, — разрешил Валет. — И умойся. Я внизу подожду.

Выйдя на улицу, он извлек из кармана портсигар и вытащил тонкую папироску — теперь покупал только такие, хоть и стоили они недешево. По сложившейся уже привычке погладил пальцем белую розу и достал спички. Отвернулся от ветра и тихо выругался, закусив мундштук: на противоположной стороне улицы стоял, опираясь на трость, высокий темноволосый господин в дорогом костюме — бывший владелец только-только вернувшегося в карман портсигара.

Тьен моргнул. Секунда — и уже никого.

Среда. Незнакомец всегда являлся ему по средам и пятницам. Уже месяц.

Иви, без белил и румян, со всеми своими веснушками, с собранными рыжим венчиком кудряшками, в закрытом синем платье с белым отложным воротничком и с небрежно болтающейся на согнутой руке сумочкой «под крокодила», ничем не напоминала слободскую бланкетку[i] (1). Обычная девушка. Может, курсистка, а может, горничная в богатом доме. С такой не только на набережную, но и на передвижную выставку сходить незастенчиво, или в кофейню к художникам на чтения... Так не поймет же.

— Идем?

Вор галантно, как видал, бывало, со стороны, подставил руку, и Иветта, насмешливо поджав губки, вцепилась в рукав его почти нового, серого, в модную полоску, пиджака.

Неспешно прогуляв подругу до закрывшегося на ночь почтамта, Тьен свернул на ведущую в центр улицу. Выйти к реке можно было и быстрее, но тогда пришлось бы топтать через вонючий рыбный рынок и мимо верфей — маршрут никак не подходящий для запланированного вечернего променада. То ли дело — ровные, мощенные гладкой плиткой тротуары, стеклянные витрины больших магазинов, желтые шары фонарей вдоль дороги. И публика приличная... Так и тянуло задеть плечом какого-нибудь разряженного франта, вежливо извиниться и шагать дальше уже с его часами и запасным бумажником на случай непредвиденных расходов...

— О, простите, бога ради! — Этот налетел на него сам: забавный пухленький коротышка в высоком цилиндре.

— Ничего страшного, — снисходительно улыбнулся Валет.

Вор ловко перехватил потянувшуюся к его собственным часам руку, и за сдавленным воем толстяка никто не расслышал хруста ломающихся пальцев.

— Еще раз встречу, убью, — шепотом пообещал ему Тьен, прежде чем отпустить восвояси.

И плевать, что это уже не Слобода, а чужой, не подчиняющийся законам колоды, район: никто не вправе лишать его честно украденного и портить выходной.

— Ушибся, наверное, — пояснил он растерянно глядящей вслед жалобно скулящему пузану Иветте и парочке остановившихся рядом прохожих.

В кармане остался кошелек незадачливого конкурента. Продолжая прогулку, Валет одной рукой выпотрошил добычу, а сам бумажник незаметно выбросил в урну рядом с лотком, на котором купил Иви карамели.

На набережной, как всегда в погожий теплый вечер, было шумно илюдно. Вдоль высокого парапета, отделяющего мостовую от узкой полосы галечного пляжа, прогуливались влюбленные парочки, семейства с детьми и веселые компании. Одна такая компания — не веселая, а правильное сказать, развеселая — шла как раз перед Валетом и его спутницей: шестеро молодых людей, по всему, студентов, в ореоле незамутненной радости и винных паров, раскачивающимся на волнах ледоколом прорубали себе дорогу в волнуемом людском море.

— Поберегитесь, мамаша, не то ножки отдавим... Вай-вай-вай, какой милый малыш! А подрастет, шнобель будет как у папы... Ничего, сударь, ровным счетом ничего — у вас выдающийся профиль... даже слишком... Эй, красавица, обернись! Ох, ты ж... Нельзя же так вводить в заблуждение! Вуаль вам пойдет, барышня. Двойная!

Дежурившие под фонарями жандармы глядели на юнцов, насупив брови, но порой и они не могли скрыть улыбки: молодо-зелено, пьяно-весело.

— Ты погляди, какая куколка!

Тьен равнодушно скользнул взглядом по худенькой фигурке цветочницы, которую взяли в кольцо расшумевшиеся гуляки: нашли к кому привязаться — девчонка совсем, еще и с пацаненком мелким на прицепе.

— Подари розочку, красавица!

— А лучше две!

— Давай уже все!

По реке, дав протяжный гудок, проплыл пароход, привлекая к себе всеобщее внимание. Из трубы валил густой белый дым, но никто не замечал его в свете праздничной иллюминации. А на палубе устроился оркестр, и веселая музыка и смех заглушали работу двигателей. Плавающий остров счастья...

— Потанцуем?

Негромкий вскрик заставил Валета отвернуться от реки туда, где один из распоясавшихся кутил схватил перепуганную девчонку за руку, оторвав от цеплявшегося за нее малыша, и закружил под хохот своих товарищей. Завертел так, что корзина с розами не удержалась в слабых тоненьких пальцах, выскользнула и то ли сама взлетела вверх от неловкого движения, то ли кто из приятелей «танцора» подтолкнул так, что она взмыла к темному небу, и цветы осыпались на головы завизжавшей от восторга компании. Одному из парней досталась сама корзина вместо отсутствующей шляпы, что вызвало новый взрыв смеха и у его друзей, и у прогуливавшихся поблизости. Даже суровые жандармы улыбались. Только не девчонка-цветочница.

Когда разудалые студенты, оставив ее, двинулись дальше, досаждают другим гражданам, она притянула к себе чудом не расплакавшегося в этой канители малыша, подобрала брошенную корзину и, опустившись на мостовую, принялась собирать рассыпавшиеся розы.

Но, к несчастью, цветы к тому времени были уже безжалостно истоптаны.

— Купим шипучки? — Иви потащила Тьена к навесу, под которым торговали содовой водой с сиропами, но вор оттолкнул ее руку. Взгляд намертво прилип к расстроенному личику девчонки.

Не плачет. Закусила губу, вздохнула, зажмурилась. Подняла с брусчатки дивом уцелевшую розу, прижала к себе бережно, как минуту назад мальчишку — брата, судя по всему, как и она сама русоволосого и голубоглазого. Нашла еще одну. Подняла... Тяжелая алая головка какое-то мгновение держалась на стебле, а потом тот надломился, и бутон уныло повис.

Вспомнилась слобода. Месяц или полтора назад. Сутолока у аптеки, зареванная малявка, пузырек с касторовым маслом.

— Розу, — коротко потребовал Валет, протягивая не успевшей подняться цветочнице медяк.

Она взглянула снизу вверх и тут же опустила глаза. Тоже узнала.

— Пожалуйста, — пропищала еле слышно.

— Не эту. — Вор кивнул на сломанную: — Ту.

Под недоумевающим взглядом принял цветок, зубами отгрыз болтающийся на тонкой ниточке-кожице стебель и вставил бутон в петлицу.

— А теперь и эту. — Он прокатил между пальцами серебряную монету.

Глаза у девчонки вспыхнули, но не алчно — удивленно, а бледные щеки подкрасились румянцем.

— Целый листр! — шипела ему в ухо Иветта, когда он все же повел ее к навесу с содовой. — Ты отдал ей целый листр!

— Не ей отдал, а тебе розу купил, — спокойно парировал юноша и с шутливым поклоном подал своей даме цветок.

— На кой она мне? Лучше бы ты мне на этот листр...

Недовольно сверкнули зеленые глаза, и Иви запнулась. Показалось, что шелковая петля вновь затягивается на шее, и девушка с силой вцепилась в колючий стебель, не замечая, как впиваются под кожу шипы...

Повесив на руку помятую корзину и подхватив с мостовой Люка, Софи бросилась к ведущей к дому улочке. Но братишка был слишком тяжелым и, не дойдя до знакомого поворота, девочка вынуждена была поставить его на ноги и отдышаться.

Да и что, собственно, случилось, чтобы лететь, как угорелая?

Ну, пристали пьянчуги какие-то, так хорошо, что вообще не побили. На набережной народ собирается в основном приличный, но случается ведь всякое.

Ну, цветы рассыпали. Так в итоге и неплохо вышло. Радоваться надо! Если бы каждый вечер по листру получать, так можно было бы жить припеваючи: есть досыта, платьев новых закупить, Люку — курточку и сапожки на холода, а себе — шляпку с красным петушиным пером, вот как у этой дамы...

Софи невольно задержала взгляд, на привлечшей ее внимание незнакомке — интересной в ней была не только шляпка. Красное с черным платье облегло изящную фигуру, золотистые волосы, завитые в крупные локоны даже в слабом уличном свете казались сияющими, а лицо было настолько прекрасно — таких прекрасных и на картине не увидишь... Женщина сердито взглянула в ее сторону, и девочка отвернулась.

— Да, это он, — услышала Софи слова, адресованные спутнику дамы, высокому, элегантно одетому господину. Голос у красавицы был под стать внешности — волшебный, завораживающий. — Как ты его нашел?

— Это он меня нашел, — ответил мужчина. — Вытащил из кармана портсигар. Представляешь, насколько нужно быть быстрым, чтобы что-то у меня украсть?

Софи не могла этого знать, но отчего-то была уверена, что они говорят о том пареньке, который сегодня купил у нее розу за серебро, а в прошлый раз разгадал ее секрет с касторкой.

Снова стало тревожно и страшно и, крепко схватив Люка за руку, она буквально поволокла малыша по темным улицам, лишь бы скорее оказаться дома.

---

[i] 1) Бланкетка — проститутка, имеющая «бланк» — разрешение от жандармского управления и состоящая на врачебном контроле.

Разрешение на работу, заплатив в управе полтора листра, Софи получила еще весной, а постоянное место удалось подыскать только к концу осени — помощницей в продуктовой лавке неподалеку от дома. К торговле ее пока не допускали: взвешивала и раскладывала по пакетам бакалею, перебирала овощи, натирала воском яблоки, чтобы дольше хранились и привлекали покупателей блестящими румяными бочками, а после закрытия протирала полки и мыла полы. Люка хозяин разрешал брать с собой. Тихий, спокойный малыш не доставлял хлопот, играл себе под прилавком, и иногда какая-нибудь щедрая дама, заметив его, привечала хорошенького мальчонку только что купленным пряником или яблочком. Если он не съедал угощение сразу, Софи откладывала гостинцы домой или, с позволения хозяина, возвращала на прилавок и тогда брала из кассы половину стоимости — и себе прибыль, и лавка не в убытке.

За осень еще дважды приезжал отец — чаще, чем за все то время, что не жил с ними. В первый раз привез немного денег, Люку игрушек, а Софи книгу со сказками и пуховую шаль. Книга была новая, с цветными картинками. Шаль — ношенная, и девочке неприятно было догадываться, кем. И то, и то она собиралась продать, но сказки оказались интересные, а теплых вещей все равно не доставало. Во второй раз подарков не было: дал только денег, правда, уже больше, и сказал, что у них теперь есть маленькая сестричка — Клер. Так звали маму, и после его ухода Софи долго плакала...

С деньгами от отца и с тем, что она скопила за лето, заработала и еще заработает в лавке, Софи рассчитывала без проблем пережить холода. Разжилась одеждой на зиму, себе и брату. Купила дров и угля. Чтобы не тратить их впустую, закрыла до весны и повесила одеялами двери в пустующие комнаты и топила только в спальне Люка, где спала теперь на полу на снятом со своей кровати матрасе, а кухня прогревалась сама собой. Набрала с запасом круп и лука и засолила в маленьком бочонке капусты, как делала когда-то мама. Кадушку поставила в своей остывшей, но не промерзшей комнате, куда заходила за вещами, да еще проводить рассаженные в маленькие горшочки фиалки, примулы и луковицы гиацинтов: к новогодним праздникам цветы будут в большой цене.

Каждое утро девочка вставала затемно, готовила завтрак, будила братишку, кормила и вела его — а когда выпал снег, везла на салазках — в лавку, чтобы успеть к открытию. Домой возвращались уже в сумерках, ужинали и, если Софи не слишком уставала за день, а погода позволяла, шли по набережной к площади Адмиралов, где залили большой каток и несколько горок. Катались на ледяных каруселях, играли с другими детьми и даже позволяли себе изредка купить с лотка горячих пирожков. А вернувшись домой, согревались чаем, читали сказки из книги с картинками и укладывались спать.

В общем, если не думать о том, о чем думать не хочется, можно сказать, что жили они неплохо.

— Может, он мертвяк? — страшно расширив глаза, предположил Шуг.

Валет поежился. Нет, не потому, что испугался, — от окна тянуло холодом. Нужно было сварить клейстера и заклеить старыми газетами щели в рамах, но ему нравилось выбираться на крышу и смотреть свысока на заснеженный город и покрывшуюся тонким льдом реку.

— Ну, это, сам подумай, — развивал мысль белобрысый. — Ты у него портсигар спер, а после прибил его кто-нибудь в подворотне. Вот и ходит, свое вернуть хочет. Мертвяки, они такие.

— Тебе-то откуда знать? — усмехнулся Тьен.

Рассказал на свою голову приятелю о странном господине, с лета являющемся ему два раза в неделю, как по расписанию. Так тот уже десяток версий подал, одна другой бредовее.

— Говорят так, — как будто обиделся Ланс.

— Скажи еще, что он колдун или альв какой, или дверг.

Теперь Шут по-настоящему надулся: альв или дверг — видать, Валет в книжках своих дури набрался, а он и слов таких не слышал. И колдуна только одного знал — старого Амброза, что держал балаганчик при ярмарочном поле и торговал предсказаниями и любовными зельями на спирту. Зелья работали. Главное, девку как следует напоить — верняк, не откажет. А с предсказаниями дед лет пять назад напортачил: нагадал Крису Косому удачное дело, а того со всей компанией жандармы взяли на выходе из ювелирного. Так брат Косого из Амброза хромого сделал, а когда Крис из тюремного вагона деру дал, да в слободу вернулся, и его вразумил по-братски: говорят, чуть почки не отбил вместе с верой во всю эту магию-шмагию.

— Ты мне лучше про козыря своего расскажи, — сменил тему Валет.

— Какой он мой? — огрызнулся Ланс. — Гад он, вот что. И шулер.

— Вот про это и расскажи.

Козыря — козырные воры, которые не кошельки да часы с зевак снимают, а по крупному работают, по банкам там, или по золотишку с камушками, — в слободе народ уважаемый. И марку они держат. Козырю, что по карманам тырить, что в карты мухлевать — все едино позор. Дойдет до кого, считай, крест на честной репутации. Цари могут и на суд вызвать, а нет — так в народе ославят. Но если кто напраслину на уважаемого человека возводить станет, тоже к ответу призовут. Потому Шут про того козыря, которому намедни уже третий раз проигрался, никому, кроме друга, не говорил. Не пойман, как говорят, не... Хм, вор конечно, но вор честный.

— Шулер, — повторил он уверенно. — Я на втором кону подглядел: не сильно рассмотрел, но то, что у него ни одной красной карты не было, — зуб даю. А он возьми, и зайди с сердец!

— Зуб, значит? — Тьен ощупал языком дырку от выбитого резца. — Ладно, проверим.

Снял с книжной полки толстый томик, вытряхнул из него с десяток разноцветных банкнот и посмотрел на белобрысого: не откажется ли от своих слов. Вдруг заливает про шулера, чтобы проигрыш оправдать? Но Ланс взгляда не отвел.

— Сыграем, — утвердился в принятом решении Валет. Заприметил в глазах товарища азартный огонек и поправил: — Я сыграю. Покажешь мне только этого... козыря.

Последнее слово как сплюнул.

Обычно Валет ни в карты, ни в кости не играл. Не потому, что не умел, — не любил. И везло ему вроде бы, и «крупняк» сам в руки шел, и шестерки, как бабка пошептала, выпадали, но не любил. Может, как раз из-за такого везения — куража не чувствовал.

Но сегодня с этим был полный порядок.

— Вон он, видишь?

Шут повел глазами, указывая на мужчину лет сорока, худого, высокого, наверное

(трудно определить, когда он сидит), с редкими темными волосами, зачесанными набок, чтобы скрыть наметившуюся лысину, и тонкими воощенными усиками. Тот восседал за столом игорного заведения мамыши Бланшет в компании одной из ее девиц. Зал хорошо отапливался, и красotka не мерзла, выставив напоказ голые плечи и едва прикрытую алым шелком платья грудь. Чистая кожа, ухоженные волосы, крепкие ногти и зубы без гнили: три, минимум два листра за ночь — навскидку оценил барышню Тьен. Козырь явно не бедствовал.

— Быстрый гад, — с нотками зависти прошептал Ланс. — Гляди, как сдает.

— Гляжу, гляжу, — пробормотал Валет.

Действительно, быстр. Но не быстрее, чем он. А если бы и те, кто сидел сейчас за столом, следили за сдачей, а не пялились на грудастую шлюшку, тоже могли бы заметить, как банкующий франт передернул колоду.

— Из чьих он? — тихо спросил Тьен у приятеля. — Кажется, видел его раньше, но не помню, с кем.

— С Гензелем Ключником с весны работает. До этого — не знаю.

— Уж больно на вокзального каталу похож, — поморщился презрительно Валет. — Пальчики шустрые, но не на воровском деле заточены.

— Думаешь?

— Я всегда думаю. Это и отличает меня от большинства.

В зеленых глазах вора вспыхнули знакомые Лансу искорки, предваряющие, как правило, большую забаву, и, заметив это, Шут даже на ехидное замечание обидеться забыл.

— И что надумал?

— Играть. — Тьен с хрустом размял пальцы. — По-крупному. Твоих денег не верну, но одной швалью в слободе меньше станет.

— Может, не надо? — засомневался белобрысый. — Народу много. Если за руку его не поймашь...

— Поймаю, — обрубил Валет.

Один из игравших с козырем как раз встал из-за стола, оставив на сукне кучку мятых бумажек, часы и запонки. Тьен поспешил занять его место.

— С малолетками и фосками[i] (2) не играю. — Шулер брезгливо дернул губой.

— Я тоже. — Вор спокойно скинул и повесил на спинку стула пиджак и до локтя закатал рукава рубашки. Бросил в банк купюру в два листра.

Девушка рядом с козырем одарила зазывной улыбкой, но Тьен в ее сторону не смотрел. Он вообще, казалось, никуда и ни на кого не смотрел: взгляд рассеянно шарил по столу, иногда цепляясь то за вскрытую колоду, то за чьи-то выбивающие неровную дробь пальцы. Только во время сдачи парень немного сосредоточился, но лицо его оставалось таким же безмятежным.

Выражение ленивого равнодушия не сходило с него и тогда, когда банк перекочевал под руку козырю. И тогда, когда он проиграл следующую партию. Подловить мошенника на тасовке или сдаче — дохлый номер. Поди докажи, что карты легли так или иначе именно по его воле, а не по воле случая. Идеальный вариант — поймать на подлоге. И шансы были велики: жох делал нычку каждый раз, когда передавал колоду, оставалось только дожидаться своей очереди.

— Все! — еще один игрок, со злостью швырнув на стол не сыгравшую карту, поднялся и почти побежал к окну. Распахнул створки, впусив в зал порыв холодного ветра, отчего

огонь тревожно заплескал под стеклами ламп, и Валет заинтересованно обернулся: не выбросится ли.

Нет, всего лишь закурил, быстро затягиваясь дешевой папироской. Сейчас насобирает по карманам пригоршню мелочи или займет у знакомых и вернется. Такие всегда возвращаются к игре, как к смазливой потаскухе, что приласкает разок, а после уходит к тому, у кого форта больше. Тьен таких отношений не понимал, что с картами, что с женщинами.

— Ну что, малыш, — подначивая его, ухмыльнулся через стол козырь, — только мы с тобой остались. Продолжим?

— Продолжим. — Он положил на стол веер банкнот. — Играю на все.

В сузившихся глазах шулера загорелась жадность.

— Принимаю.

Такие ставки не могли не собрать у их стола всех присутствующих. Ну и отлично: чем больше свидетелей, тем лучше.

Тьен перетасовал карты и дал козырю срезать колоду. Не глядя, какой пришел расклад, заявил четыре взятки. Шулер и бровью не повел, только забила нервнo жилка на виске: как и предполагалось, решил, что Валет в фаворе. Сейчас должен подменить доставшуюся ему шелупонь значенным крупняком.

Тьен с ходу зашел с царя, самой крупной из выпавших ему карт, и козырю не хватило выдержки. Ущипнул за зад взвизгнувшую и вскочившую при этом с места девицу, и пока все глазели, как подпрыгивает в чашечках лифа ее пышная грудь, тряхнул рукой, передернул ненужную мелочевку и...

— И все. — Валет ладонью припечатал к столу его руку. — Спалился.

Это произошло так быстро, что никто ничего не понял... Пока не разглядели зажатые в пальцах шулера карты.

— С каких это пор козыря кидаловом промышляют? — с насмешкой поинтересовался Тьен. — Да еще и в своем доме крысятничают?

Снова потянуло холодом от окна, и вместе с ветерком по залу прошелся возмущенный шепот. В голос высказаться, кроме Валета, пока никто не решался.

— Сам мне левак и подкинул, — нагло заявил хват.

— Точно, — согласился Тьен, подняв над головой голые руки. — Из рукава вытянул.

Недовольный шепоток стал громче.

— За базар отвечать надо, сопляк, — прохрипел, подорвавшись с места, козырь.

— И отвечу. Тут разберемся или сразу к царям на суд пойдем?

— Пусть суд, — недобро осклабился загнанный в угол шулер. — Только не царский. Божий.

Теперь уже Тьена передернуло. Дрянной обычай, но для слободских священнoй.

И все же дрянной!

— Суд, суд, суд! — подхватили из зала.

Какое-никакое развлечение, и плевать они все хотели на справедливость и законы колоды — божий суд тоже закон, цари, и те не оспорят.

— Суд, суд! — в экстазе повизгивали из углов потаскушки.

Только сама мамаша Бланшет хмурилась, подсчитывая возможные убытки заведению, да Шут совсем с лица спал. Кто-кто, а он хорошо знал, что Валет даже пера при себе не имел и мокроты, как мог, сторонился.

Тьен успокаивающе подмигнул приятелю. Ну не вышла забава — выйдет что другое. А козырь этот липовый все равно свое получит. Имелась у Валета среди достоинств и недостатков его натуры непоколебимая уверенность в собственной удаче. Да и как не увериться, когда с малолетства и до сего дня напропалую везло, за что ни возьмись, хоть за чужой кошелек, хоть за девкин зад? Ланс, и тот приводы имел и в каталажке ночевал не раз, хоть самостоятельно ничего больше яблока в торговом ряду за всю жизнь не стянул, а все больше в подпевалах ходил да когда-никогда на стреме стоял, а Валета легавым, кроме как за наглый взгляд, и попрекнуть не за что было.

— Суд, — принял он предложение, от которого по-любому теперь не позволили бы отказаться.

— Пушка у тебя хоть есть, храбрец? — процедил сквозь зубы шулер.

— Найду.

Ему тут же протянули с десяток пистолетов.

Валет взял один, не глядя. Хозяин тяжелого черного револьвера ободряюще хлопнул по плечу и вложил в его руку патрон: в заведениях, подобных дому мамыши Бланшет, запрещалось появляться с заряженным оружием.

— Десять шагов, один выстрел, — предупредил кто-то под скрежет сдвигаемых к стенам столов.

Тьен загнал патрон в барабан, прокрутил. Первый выстрел был за ним.

— Дай поцелую на удачу, — подплыла, виляя бедрами, несколько минут назад липшая к козырю девица.

Вор брезгливо скривился.

— Не тебя, — проворковала красотка.

Обхватила ладонями его сжимавшую револьвер руку, подняла и, томно прикрыв глаза и прогнувшись вперед, поцеловала холодный ствол. Сначала — едва коснувшись вороненого металла, а затем захватила пухлыми напмаженными губами, медленно, словно смакуя, втянула в рот и так же медленно вытащила, напоследок лизнув острым язычком. Тьен усмехнулся: кто на что учился.

— Не спи, малыш, — прокричал насмешливо шулер. — Этак я от старости умру.

Вор поднял руку, прицелился. В голову. На душе стало мерзко, успел проклясть и себя за неумную тягу к рискованным развлечениям, и Ланса, с подачи которого оказался здесь... Но если козырь устоит на ногах, его, Валета, не только могут признать лжецом, несмотря на все доказательства, но и убить — ведь второй выстрел уже за обвиняемым.

Щелчок...

— Осечка, — с сожалением и сочувствием в голосе констатировал кто-то из наблюдателей.

Как... Что...

Ох, это ж надо было так купиться! Патрон на месте. Теперь на месте, ведь барабан прокрутился. Но не в стволе...

Вернувшаяся к козырю шлюха послала воздушный поцелуй.

Не просто шлюха — подельница. И пальчики у нее едва ли не ловчее, чем у хахалы.

— А мог еще жить и жить, — фальшиво вздохнул шулер.

Жить хотелось — не то слово.

Остальное — пустяк. Когда смотришь в черное дуло, из которого сейчас вылетит, чтобы расколоть тебе череп, пуля, все пустяк.

Тьен мельком глянул на дверь — закрыта, перекрыта зеваками. А в противоположной стороне распахнутое окно. А под окном река в хрусткой корочке льда...

Решение он принял мгновенно. В три прыжка оказался на подоконнике...

И вдруг замер. Показалось, что полетит сейчас. Оттолкнется ногами и полетит. И от этой мысли сделалось страшно, совсем как в тех снах.

Тьен замешкался лишь на один удар сердца, но этого хватило, чтобы за спиной грянул выстрел, что-то прожгло спину между лопатками и со свистом вырвалось из-под ключицы. Еще не понимая и не чувствуя боли, он опустил глаза и увидел, как расцветает на груди алая роза.

А уже потом полетел — вниз, с треском проламывая лед...

Раз в неделю хозяин давал Софи выходной. Не столько для того, чтобы она отдохнула, а чтобы не платить лишку: все равно накануне приходилось готовить товар на день вперед и с особой тщательностью вымывать прилавки. Но девочка не расстраивалась. Да, теряла немного в заработке, зато могла поспать подольше, в доме прибраться, стирку затеять. А вечером, как всегда, — с Люком на каток.

С тех пор, как из-за болезни мамы ей пришлось оставить школу при монастыре Святой Агнессы, Софи растеряла всех подруг, но в последний месяц нашла новых на площади Адмиралов. Ни тринадцатилетняя Амелия, ни ее сестра Анна, с предвкушением ожидавшая первого дня весны, когда ей исполнится уже шестнадцать, даже не подозревали, кто она на самом деле, где, чем и как живет. Для дочерей господина Роже Ламиля, старшего типографского наборщика, новая знакомая была обычной девочкой из обычной семьи: отец — мастер-железнодорожник (тут она не врала), мать — швея-надомница, брат. Только родители у них с Люком то были слишком заняты, то приболели, то ушли на именины к дальней родственнице... Какая разница, если дети и сами могут сходить на каток?

А Софи нравилось рассказывать о них и представлять, что их с братишкой дожидаются за столом в протопленной кухне.

— Мы пойдем уже, мама просила не задерживаться.

— До завтра! — Амелия помахала слетевшей с руки варежкой.

— До завтра, — рассеянно кивнула Анна. Уже несколько дней на каток повадились ходить парни из мастерского училища, и жизнерадостная общительная девушка сделалась вдруг молчаливой и задумчивой.

Люк набегался с такими же как он малышами, устал и уже начинал задремывать. Не составило труда усадить его в саночки, укутать одеялом и покатить по искрящемуся в свете газовых рожков снегу. Только у поворота в неосвещенный проулок Софи немного сбавила ход. После наступления темноты она побаивалась ходить этой дорогой: в одном месте между домами там был узкий проход, выводящий прямо к реке, вдоль него тянулся желоб, куда хозяйки сливали помой, пахло гадко, а девочке все время казалось, что из-за угла кто-нибудь выскочит. Но если возвращаться другим путем, придется потом идти мимо парка, где околачиваются вечерами бродяги. Люка они пугали.

Собравшись с духом, Софи свернула в проулок. Две минутки, и будут уже на другой стороне, на ровной, хорошо освещенной улице. Только зловонный слив проскочить...

Что-то вцепилось в длинное, «на вырост» перешитое мамино пальто, и девочка тихонько вскрикнула от неожиданности. Зажмурилась и громко выдохнула: наверное, просто ветка. Дернула, высвобождая, полу.

— П-помогите, — прошипело снизу.

Сердце остановилось от страха. Софи медленно опустила взгляд.

Луна — кривобокий желтый блин — как специально показалась между крышами, высветив белое, как снег, лицо под облепившей лоб темной челкой и глаза... То ли свет так упал, то ли от страха разыгралось воображение, но Софи почудилось, будто эти глаза загорелись на мгновение яркой зеленью, а после пожелтели, как по осени листья в саду, а зрачок вытянулся в узкую щелку.

— Помо...

Девочка дернулась, вырывая полу пальто из скрюченных холодом пальцев, и побежала вперед, к свету, волоча за собой показавшиеся теперь невесомыми салазки. Выскочила на светлую улицу, огляделась: как назло, ни души. И помчалась дальше.

— Но! Но! — Люк заливался смехом, радуясь быстрой езде. — Сколей, лосадка!

Отдыхалась уже дома. Но не успокоилась.

Нагрела молока братишке. Раздела, уложила в постель. Достала книгу со сказками и картинками.

Наигравшийся на свежем морозном воздухе малыш уснул, не дождавшись историй, а она все листала страницы, чтобы чем-то отвлечься.

С одной из картинок на нее смотрели принц и принцесса. Улыбались и держались за руки. Принцесса, курносая и синеглазая, с вьющимися рыжими локонами, чем-то походила на Амелию. Или на Анну. А у принца были гладкие темные волосы и лукавые зеленые глаза, совсем как у паренька, с которым она дважды столкнулась летом...

На тот листр она справила себе теплые сапожки...

А он сейчас замерзает в пустом переулке...

К сожалению — хоть раньше и думала, что к счастью, — память на лица у Софи была необыкновенная.

Девочка закрыла книгу, поцеловала спящего братика в лоб и вышла из комнаты. Одевшись, взяла старое шерстяное одеяло и вытащила во двор обсыхавшие в прихожей салазки. Люк редко просыпался ночью, а она постарается управиться побыстрее.

Парень еще дышал. Одежда на нем обледенела, мокрые волосы превратились в сосульки, губы покрылись инеем, но все же он был жив. Сопя от натуги, девочка втащила его на санки и накрыла одеялом: не обогреть — спрятать. На снегу, в том месте, где он лежал, остались следы крови, а на рубашке темнели с двух сторон, на груди и на спине, дыры от пули, и у Софи не было уверенности, что рану он получил не от жандармов.

Это было неправильно. Даже плохо. Но она почему-то не могла поступить иначе.

Дорогой тянувшей тяжелые салазки девочке никто не встретился. Может, кто из соседей видел ее из окна, но после смерти мамы никто из них, кроме сударыни Жанны, ими с Люком особо не интересовался, а сударыня Жанна уж точно не видела...

— Что же мне делать с тобой? — шепотом спросила Софи у раненого, которого с огромным трудом заволокла в дом и уложила в своей комнате на полу у холодного очага.

Для начала решила затопить камин. С полчаса провозилась, сначала убирая подальше от будущего источника тепла горшочки с рассадой, после — разжигая огонь.

Парень оттаивал. С него натекала лужа воды, и пришлось собирать ее тряпкой. На тряпку, к слову, пошла рубашка, которую она, разорвав, стащила с незнакомца... Надо же, она притащила в дом незнакомца! А штаны, еще целые, но мокрые насквозь, удалось

стянуть: еще послужат. Если будет кому.

Из кармана что-то выпало и гулко ударилось о пол. Наклонившись, девочка подобрала серебряный портсигар с розой на крышке. Красивый. И дорогой, наверное.

Вымокшие папироски кинула без сожаления в огонь, а портсигар положила на каминную полку.

Стоило заняться раненым.

У Софи не было никакого опыта в таких делах. Она ухаживала за мамой перед ее смертью, за Люком, когда у того резались зубы и когда однажды малыш сжевал что-то негодное в саду и с неделю мучился животиком, но теперь был совсем другой случай — сквозная дырка от пули. Но кровь из нее уже почти не текла, и девочка подумала, что достаточно будет протереть спиртовой настойкой края раны и перевязать.

А еще подумала, что если он все-таки умрет, самым разумным будет следующей ночью оттащить тело назад, в тот проулок.

Матраса на кровати не было, Софи спала на нем в комнате брата, да она и умаялась бы поднимать тяжеленного парня на постель, потому, перевязав, оставила раненого на полу. Только на одеяло перекатила, а другим укрыла. Всмотрелась в лицо, по-прежнему бледное, и потрогала лоб, проверяя, нет ли жара. Кажется, нет. Или есть?

Не доверяя загрубевшим натруженным ладоням, девочка опустилась на колени возле спасенного и коснулась губами его лба. Парень вдруг дернулся, распахнул глаза, но теперь Софи не успела рассмотреть, какого они у него цвета, потому что в следующий миг, вырвавшаяся из-под одеяла рука, обхватила ее за шею, потянув вниз, и губы обожгло... Поцелуем? Она не знала — никогда раньше не целовалась. Но дышать стало трудно, голова закружилась и в глазах потемнело. Лишь несколько секунд, а потом он обмяк и, отпустив ее, смежил веки. На миг блеснуло под черными ресницами золото. Или опять показалось.

Преодолевая внезапно навалившуюся слабость, Софи поднялась с пола, с трудом дошла до соседней комнаты и, не раздеваясь, рухнула на матрас рядом с кроваткой мирно посапывающего Люка...

[i] 2) Фоска — мелкая карта.

Утром она, как обычно, проснулась по далекому фабричному гудку и не сразу вспомнила о том, что случилось накануне. Даже успела удивиться тому, что легла, не сняв ни платья, ни теплых чулок. А вспомнив, поспешила в соседнюю спальню, проверить, как там подобранный ночью парень. Голова кружилась, в груди что-то кололо, мешая вдохнуть, а тело сделалось вялым и непослушным, и каждый шаг давался с трудом. Софи решила, что надорвалась, пока тащила раненого. Но усилия не пропали даром: незнакомец был жив и, кажется, не особо мучился — просто крепко спал, чуть слышно, но ровно дыша. И повязка в неплотный слой бинтов осталась чистой, кровь не проступила.

Девочке нужно было собираться на работу, и странно было оставлять в доме чужого человека. Она хотела подпереть чем-нибудь тяжелым дверь комнаты, но после подумала: зачем? Ну встанет, если встанет. Красть у них, кроме еды, нечего, да и той немного. Тайник с деньгами он вряд ли найдет. Разве что старые отцовские вещи в чулане отыщет, а в прихожей — потрепанный ватник и валенки, оденется и уйдет себе — так это, наверное, и к лучшему.

Путь до лавки сегодня показался необычайно долгим, а салазки с заспанным малышом раза в два тяжелей, чем вчера. Софи запыхалась, а боль в груди по-прежнему не давала нормально отдышаться. Уже войдя в лавку и раздевшись, девочка попыталась набрать полные легкие воздуха, и тут же зашлась сухим лающим кашлем.

— Заболела? — спросил хозяин участливо.

— Нет, господин Гийом. Поперхнулась.

На ладошке, которой она, кашляя, прикрывала рот, остались капельки крови, и Софи незаметно, чтобы лавочник не увидел, отерла руку о передник.

Но дальше стало еще хуже: перед глазами все плыло и кружилось, в ушах гудело. Пробовала влезть на стремянку, чтобы достать с верхней полки бутылку уксуса, — едва не упала.

— Иди-ка ты домой, милая, — порешил через час хозяин. — А то ведь на тебе лица нет, и ноги, гляжу, не держат.

— Но я...

— Иди-иди, — мужчина чуть ли силком ее не вытолкал. — Отлежись денек-другой, полегчает — тогда придешь. И не бойся, не возьму никого на твое место, сам как-нибудь продержусь, хоть и целую неделю.

Целая неделя без платы. Долго. Софи действительно очень плохо себя чувствовала, но надеялась, что уже за день, в крайнем случае — за два, придет в себя.

А если нет, и болезнь продлится дольше, можно будет продать портсигар с розой, а тому парню сказать после, что ничего такого при нем не было. Пусть радуется, что самого на морозе не бросила!

Глупость и слабость — вот то, чего Валет не терпел в людях.

Глупость и слабость. Вчера он преуспел и в том, и в другом. Сначала дал маху с шулером и его девкой, потом — побитой шавкой скулил у ног прохожих... Прохожего? Прохожей?

Вор помнил, как на исходе сил выбрался из реки, вскарабкался на обледенелые сходы и полз по узкому вонючему ходу, как слышал чьи-то шаги и вцепился в одежду вывернувшего из-за угла человека, умоляя о помощи. Помнил, как его отшвырнули в сторону, и просвистели мимо лица саночки с сидящим в них улыбчивым мальчуганом. А дальше — ничего до того момента, как он очнулся укутанный одеялами в незнакомой комнате, на полу рядом с камином, в котором тлели красные угольки. Из одежды только исподнее, еще немного влажное. Рана перетянута бинтами и — что странно — почти не болит.

Несколько минут парень лежал, наслаждаясь теплом и тишиной, а когда наконец решил подняться, слышал, как хлопнула дверь (входная, по-видимому), и дом ожил, наполняясь звуками.

— Поиграй у себя, котенок. Я чайник поставлю и приду.

Женский... Нет, скорее, девичий голос. Мягкий, приятный, без визгливых ноток, но такой усталый, словно его обладательница провела ночь за тяжелой работой.

— Хаасо! — тоненько отозвался ребенок.

Легкие шажки в коридоре, скрип двери и негромкая возня в соседней комнате. Как Валет ни прислушивался, ничего больше не разобрал: ни других голосов, ни шагов потяжелее. Выходило, кроме него в доме лишь эти двое, девушка и малыш.

— Люк, ты еще не проголодался? — Ответа мальчика Тьен не расслышал. — Хорошо, милый. Подожди меня еще немножко.

Опять заскрипела дверь, теперь уже в комнату, где находился он, и Валет быстро закрыл глаза, притворяясь спящим. А когда спустя минуту на лоб легла холодная ладошка, вор резко перехватил ее дернул вниз и в сторону и перекатился по полу, подминая под себя испуганно вскрикнувшую девчонку.

— Заорешь, убью, — тихо предупредил он, зажав ей рот. Большие голубые глаза, болезненно блестящие на худеньком бледном личике, от страха сделались просто огромными. — Поняла?

Она моргнула, показывая, что поняла, и Валет убрал ладонь.

— Кто та...

Закончить вопрос вор не успел: девушка — девочка? — судорожно всхлипнула и зашлась хриплым кашлем. На потрескавшихся с мороза губах появилась кровь. Чахоточная, что ли?

Тьен отстранился и сел рядом, дав ей возможность подняться и отдышаться.

— Кто такая? — спросил он, когда она успокоилась и утерла рот. Старался говорить резко, но не вышло: жалко стало больную.

— Я... я...

Девчонка с сипением втягивала воздух, и ему показалось, снова сейчас закашляется. И еще показалось, что где-то ее уже видел. Только где?

— Я живу здесь, — выговорила она наконец.

— Одна?

— Нет. — Валет внутренне напрягся. — С... с Люком.

Вор не позволил себе вздохнуть с облегчением, но успокоился: Люком она называла ребенка. И все же решил уточнить:

— А родители? Кто-нибудь из взрослых?

Девчонка открыла рот, что-то такое промелькнуло в ее лице, что он без слов догадался: поняла, что сгруппировалась, сказав, что тут никого больше нет, и думает, как бы выкрутиться. Но,

видно, не придумала.

— Мама умерла. Отец... на работе. Скоро вернется!

Все-таки попыталась. Валет снисходительно усмехнулся.

Но где же он ее видел? Русые волосы, смазливая мордашка, ручки-веточки? Не в слободе, точно. Да и этот дом, судя по простой, но приличной обстановке, большим окнам и маленькому садику, который с трудом, но можно рассмотреть за исписанным морозом стеклом, стоит не на территории колоды — там все больше утлые хибарки или двух-трехэтажные клоповники-доходки.

— Как я здесь оказался?

Она не ответила, только уткнулась носом в согнутые коленки.

Сама приволокла? Зачем?

— Одежда моя где? Ботинки?

Девчонка непонимающе захлопала пушистыми ресницами и выдавила через страх:

— Не было никаких ботинок.

Верно, забыл: ботинки сам в реке сбросил.

— А остальное?

Она ткнула пальцем в сторону камина, рядом с которым развесила на стуле его брюки.

— А рубашка... рваная была.

Вор поднялся, ощупал штаны: просохли. Тут же натянул.

Заметил на каминной полке свой портсигар, обрадовался — уже не пустой! — и сунул в карман. Девчонка отреагировала странным взглядом, будто он на ее кровное покусился. Потом тоже поднялась с пола, рассеянно осмотрелась и неожиданно завопила так, что у Валета уши заложило:

— Ты что натворил?! Зачем?! Гад неблагодарный! Я его... А он! Ты... ты...

Она опять захрипела, закашлялась, а Тьен так и не понял, из-за чего крики.

Огляделся, выискивая причину злости. Вроде ничего он тут не сломал, не перевернул, пока был без сознания. Комната, как комната. Платяной шкаф с зеркальной дверцей, рядом — книжный с порожними полками под толстым надтреснутым стеклом... Но стекло — это точно не он: трещина старая, уже и потемнела от пыли... Кровать без матраса, стол... На столе рядочком горшочки и баночки, где с землей, где с водой, — ни один не перекинут. Да и невелика беда, если бы что-то уронил: все равно в них сплошь сухие листья да веточки понатыканы, не настоящие же цветы!

— Цветы, — засипела девчонка, схватившись за грудь, а в глазах заблестели злые слезы. — Все мои цветы!

Кинулась на него с кулаками, но куда ей, пигалице?

— Угомонись, дура! — Тьен зажал девчонку крепким хватом, чтоб не рыпалась. — Не трогал я твои цветочки. Поливать чаще надо было!

— Поливала. С вечера... зеленые... Все ты...

Ее снова скрутил приступ кашля. Точно, чахоточная, и связываться неохота. Но когда зашла речь о цветах, вспомнил: лето, набережная, а еще до этого — аптека старого Ганса в слободе.

Вот и сочлись.

— Не трогал я твои цветы, — повторил он, дождавшись, когда ее отпустит кашель. — И спасибо, что помогла. Не забуду.

Девчонка поелозила кулаком по лицу, размазывая слезы, и хлопнула носом.

— Шмотье какое-нибудь на меня есть? Одежда?

— Найду, — буркнула она сердито.

— Вот и ладно. Стемнеет, уйду, не бойсь.

— Было бы, кого, — неожиданно огрызнулась мелкая.

Она и была мелкая: тринадцать-четырнадцать, не больше. Но не из пугливых. Кутается в широкую вязаную кофту, жметесь, словно от страха, а глазками-то так и шарит вокруг, чем бы тяжелым его хватить, если что...

— Звать тебя как, спасительница?

— Не твое дело!

— А если малого спрошу?

Девчонка зашипела, ощерилась: того и гляди, снова бросится, только на этот раз не с кулаками, а зубами в глотку вцепится.

— Только посмей к нему подойти!

И не дура ли? Сама в дом притащила, а теперь спохватилась, что добрые дяденьки на улице с дырками в груди не валяются.

— Софи, ты скоо? — послышалось из соседней комнаты.

— Софи, значит, — ухмыльнулся Валет. — Красивое имя. В общем, так, Софи. Я добра не забываю, рассчитаюсь при случае. А пока барахлишко мне, какое есть, подыщи, и разойдемся.

— Самого как зовут? — осмелела девчонка.

— Меня не зовут, — осклабился вор. — Я сам прихожу.

— Угу. Или приносят тебя полудохлого.

Она вышла из комнаты, зло хлопнув дверью, а в коридоре, он слышал, снова надолго закашлялась.

Лечиться ей, дурехе, надо... А не задохликов по снегу таскать, да-а-а...

Валет в который раз с удивлением прислушался к своим ощущениям: боли не было. Совсем. Потыкал пальцем в повязку — вроде что-то кольнуло. На нем и прежде все, как на собаке, заживало, но чтобы сквозная рана за одну ночь затянулась? Чудеса, да и только. А в чудеса Валет уже лет десять как не верил. Но и разумного объяснения случившемуся не нашел, отложил на потом.

Прошелся вперед-назад по маленькой комнатушке, поглядел на усохшие листики в горшочках, пожал плечами: хлопотное это дело, цветы выращивать. Тем паче, дом нездоровый какой-то. Девчонка, вон, от чахотки доходит, а в углу — мышь дохлая валяется.

Дома Софи стало совсем плохо. А еще и парень этот... И винить некого: сама пожалела, сама притащила. Сама не додумалась сразу убрать дорогой портсигар в тайник.

И цветы, все до единого, пропали. За одну ночь! Неужели от внезапного тепла, от того, что камин с вечера растопила? Хотя какая теперь разница? Как бы там ни было, а к праздникам ни фиалок, ни гиацинтов, ни дополнительного заработка...

Расплакалась сразу, но слезами горю не поможешь.

— Софи!

Люк звал, обещала ведь скоро прийти.

— Я тут, маленький, — через силу улыбнулась она, заглядывая к братишке в комнату. — Сейчас чаю заварю, с малиной. Хочешь?

Перетертой с сахаром малины осталось всего полбаночки. Сразу казалось, что много,

ели ложками, а последние недели, когда девочка сообразила, что сделанных запасов до весны точно не хватит, стала класть только в чай и только Люку. Но сегодня придется и себе положить немного, а после под одеялом отлежаться, пропотеть, как следует, чтоб простуда отпустила.

Но сперва чужака неблагодарного из дома выставить!

Порывшись в чулане, нашла коробку с отцовскими вещами. Распродать бы давно, да разве с тряпья много выручишь? Выбрала рубаху, теплую, но поплоше, такую, что не жалко. Еще одну взяла — ветошь ветошью — пусть на портянки рвет. Ватник, так и быть, пускай забирает, до нужника добежать и шаль накинуть можно. И старые валенки она редко когда надевает... А калоши не отдаст!

— На вот! — собранную одежду швырнула прямо на пол, под ноги парню.

Он поднял рубашку, осмотрел, как на ярмарке. Рот скривил, так что стало видно дырку между ровных белых зубов.

— Хахаля?

— Что? — не поняла девочка незнакомое слово.

Чужак кривиться перестал.

— Отцовская? — спросил уже по-другому. Она кивнула. — На работе, говоришь? И когда придет?

— Когда надо!

Чайник шипел, исходя густым белым паром. Воды осталось ровно половина, но на две кружки хватит. Софи насыпала заварки, залила кипятком и оставила настаиваться, а сама тем временем опять заглянула к брату.

— Кушать не захотел?

— Я захотел, — раздалось за спиной наглое.

«И зачем я вернулась в тот переулочек?» — подумала она с досадой. Еле дышал же! Казалось, и до утра не дотянет! А теперь расхаживает тут хозяином, жив-живехонек, и никакой жалости к нему, Софи уже не испытывала. Но и страх перед незнакомцем, как ни странно, тоже прошел.

— То там? — встрепнулся, услышав новый голос, Люк.

— Никто. — Девочка загородила собой проход. — погоди еще немного, я чаю с сухариком принесу.

Затворив дверь, шипящей кошкой накинулась на чужака:

— Сказал же, что уйдешь!

— Когда стемнеет, — спокойно напомнил тот свои слова. Не спросясь прошел за ней в кухню. — Так покормишь гостя?

— Все равно же не отвяжешься.

Софи насыпала пустой каши и поставила тарелку на стол перед «гостем».

— Считаешь, я голубь — пшено клевать? — ухмыльнулся тот.

— Другого нет, — отрезала она. В холоде оставалась еще половина курицы, но мясо было только для Люка.

— Понятно, что нет. — Парень окинул кухню пренебрежительным взглядом. — Но ложку все-таки дай.

Девочка смутилась, достала ложку. Хотела тоже сказать какую-нибудь колкость: язык, слава богу, в препирательствах с торговками, заточен — но, как назло, снова закашлялась.

— Давно болеешь? — спросил зеленоглазый с сочувствием.

— Нет, — пробормотала она. — Первый день, как простыла.

— Всего день, а уже кровью харкаешь? — не поверил он.

— Ничего я не... — Во рту остался металлический привкус. — Просто горло подрала.

— Бывает, — парень пожал плечами и, как ни в чем не бывало, принялся уплетать холодную кашу. — Но, если что, и чахотку вылечить можно. У меня знакомый один собачий жир топил. Щенков собирал по округе, шкурки на шапки, а тушку выпотрошит и...

Софи почувствовала, что ее сейчас стошнит.

— Нет у меня никакой чахотки!

Новый приступ некстати согнул пополам.

— Вижу, — хмуро заметил чужак, которому, по-хорошему, полагалось сейчас хрипеть и корчиться от боли — ему, а не ей! — Только, когда к малому ходишь, рот тряпкой завязывай, заразишь еще.

От внезапного, до кости пробравшего ужаса, ноги подкосились, и Софи упала бы, не вцепись она в краешек стола. Заразить? Люка? А что, если она действительно больна? Что если она умрет, как мама? Как он будет без нее? А если с ним самим по ее вине что-нибудь случится?

— Совсем худо? — долетело как будто издали. — Приляг что ли. Я тихо посижу и пойду. А если надо, за малым посмотрю.

— Не надо, — не отказалась, а скорее попросила она. Не хотела, чтобы он приближался к Люку.

Но в комнату все-таки пошла. Подкинула в очаг угля и свернулась на матрасе, укутавшись в одеяло. Пока чай остынет, отдохнет...

Когда открыла глаза, за окнами было уже темно, а на столе, незнамо кем зажженная, горела вполсилы лампа.

Вскочила, испуганно озираясь, хорошо, хоть не вскрикнула: Люк спал в своей кроватке, подперев щеку ладошкой.

— Котенок, маленький мой, — позвала Софи тихонько, а сердце сжалось от страха. Почудилось, что не отзовется... Но малыш открыл глаза и улыбнулся спросонок. — Солнышко мое, прости. Прости, маленький. Ты голодный, да?

— Не, — мальчик замотал головой. — Я кусал. Кусную каску! Много!

На кухонном столе стояла тарелка, перемазанная пшенкой и засахаренной малиной. Очень вкусная кашка.

А малины в банке осталось на доньшке. Только и хватило, что залить кипятком да выпить, прежде чем вернуться в постель. О катке сегодня не могло быть и речи, но к ночи кашель немного отпустил и голова почти не кружилась. День-два, и простуда уйдет, как странный парень из заснеженного переулка. Навсегда.

Шапкой Валет разжился по дороге: на подходе к слободской заставе стянул с какого-то пьянчуги мохнатый треух. Голове теплее, и маскировка какая-никакая. Вряд ли кто опознает завсегда аккуратного, как барчонок разряженного вора в таком виде: затасканный ватник, огромные валенки (как в них только мелкая ходила, когда и у него ноги выскочить норовят?), а теперь еще и кроль облезлый на голове. Да и фонари в Торговой слободе — роскошь. И работе помеха, если только ты не уличная девка. Это тем товар лицом и прочими частями показать надо, вот и вьются вокруг огней, словно ночные бабочки, а остальным

светиться не с руки.

Не привлекая внимания, Тьен добрался до своего дома и остановился под обвалившейся аркой на противоположной стороне улицы, откуда хорошо просматривалось парадное. Сразу заходить не рискнул, и правильно, как оказалось: у доходки безо всякого видимого дела отирался какой-то тип, в гражданском, но по выправке, по походке, по тому, как крутил головой из стороны в сторону, — точно легавый. У Валета на эту братию глаз наметан. А чуть поодаль еще один вышагивал — копия первого, только ростом пониже, да в брюхе пошире. Не к добру.

Вор постоял еще немного и, как пришел незамеченным, так незамеченным и ушел.

Окошко над мастерской точильщика горело ярким светом. Значит, Манон работала. Пышнотелая подружка Шута была редкой вышивальщицей, и живи она в каком другом районе, от заказов бы отбоя не было. Но и в слободе находились клиенты, кто из местных, кто из пришлых, а Ланс редко когда скучал дома, пока его «малышка» возится с нитками да иголками.

Сегодняшний вечер не был исключением. Когда Тьен нашел белобрысого в подвальчике папаши Лу, тот в одиночку сражался с бутылкой анисовой водки и уже был близок к победе.

— Валет, — поднял он замутневшие глаза на присевшего по другую сторону стола друга. А затем поднял и стопку: — Пусть земля тебе будет пухом.

— Какая земля?

Шут замер, не донеся чарку до рта, всмотрелся в ухмыляющуюся физиономию вора и вздохнул:

— Ну да, какая уж тебе земля? Ты ж утоп. И жрут тебя рыбы-ы-ы... — под конец чуть ли не по-бабски заголосил.

— Рыбу я сам люблю. — Тьен отобрал у приятеля стопку и одним махом опрокинул в себя ее содержимое. По желудку разлился огонь. — Жареную.

— Чего? — еще не смекнул, в чем дело Шут.

— Того! — перегнувшись через стол, вор отвесил товарищу знатного леща, и с удовлетворением наблюдал, как скорбь на его лице уступает место удивлению. Никогда на его памяти человек не трезвел так быстро.

— Валет, — промямлил, устав пучить глаза, белобрысый: трудно говорить, когда челюсть так и норовит отвиснуть до пола. — Жи... Живой!

— Живой-живой, — прошипел Тьен, опасливо озираясь, — Только не ори.

Кроме них и самого папаши Лу в подвальчике было лишь трое выпивох, но кабатчик был занят подсчетом запасов и в зал почти не глядел, царапая что-то в толстой книжке, а мужички, мастерские по виду, налились уже настолько, что могли только невнятно хрюкать, провозглашая очередной тост. Разговору ничто не мешало.

— Ты это... Это как? — пытался сформулировать вертевшийся на языке вопрос Шут. — Я же видел! Ты это... и того.

— Пока не того.

— А-а...

— Выплыл ниже по течению. Выбрался. До доктора знакомого дотопал, тот подшил меня малёха — как новенький теперь.

Почти так и было, разве что без доктора. Но незачем Лансу знать про чудесное исцеление: с его воображением, глядишь, осиновым колом ткнет, или чем еще в сказках нечисть побивают?

— Ты мне лучше скажи, что было, после того, как я в реку прыгнул.

— Да ты не прыгнул, — стушевался Шут. — Упал. Я сразу вниз побежал, думал, успею вытащить. Но там течение такое... Ну и... А потом ушел, наверх не поднимался больше. Но у нас новости быстро расходятся, утром уже вся слобода знала, что тебя застрелили. Кто-то даже вступить хотел. Мартин со своими, кажется. Звали к царям идти. Но оно ж — суд божий, по правилам все, ты же понимаешь? И козырь тот все одно сбежал со своей лярвой: не видели их уже после того. Ну и вот. Зато к обеду другое завертелось... — Парень огляделся и понизил голос до шепота. — Пошел я к тебе на квартиру. Ну, там это...

— Вступать в права наследования, — закончил заумной фразой Валет, лишний раз убеждая товарища, что он не призрак.

— Вроде того, да. Все равно ведь растащили бы все! Только и мне ничего не перепало. Пришел, а дверь опечатана. И два флика на лестнице дежурят, я не заметил сразу...

Тьен укоризненно покачал головой: с Ланса станется и конного жандарма в полной амуниции не заметить.

— ...Сцапали меня. Ну, вроде как. Рук не выкручивали, браслетов не надевали — просто вниз свели и в экипаж усадили, культурно, что твоего дельфина.

— Дофина, — машинально поправил Валет.

— А там, значит, хмырь сидит. Весь из себя лощеный: шуба с бобром, тросточка, перчатки белые... Знаешь, что думаю? По портрету, мертвяк это твой был. Ну, тот, что за портсигаром приходил. Только никакой он не мертвяк, а большая шишка. Оттуда. — Ланс указал пальцем на потолок.

— Откуда? — Не понял Тьен, поглядев на облупившуюся штукатурку.

— Из управы ихней, откуда еще. Про тебя спрашивал. А я думаю: чего уж теперь? Чтс знал, то и выложил. Был, мол, Валет, да сгинул — вот и весь сказ.

— И что?

— И все. Отпустили меня. А мертвяк твой со многими еще базарил. Потом слушок прошел, что он большие деньжища за тебя сулил, но только за живого. А где ж тебя живого взять-то?

Чудеса продолжались.

«Мертвяк», если это он, с лета по пятам ходил, но даже приблизиться не пытался, не то, что легавых натравить. А как его, Валета, «застрелили», он тут как тут: и награду назначает, и засады на квартире устраивает. К чему бы это?

— Слушай, Тьен, отсидеться бы тебе где-нибудь. Люди тебя ищут, кажись, серьезные. Я бы не нарывался. Да и подлечиться ведь надо... Или ну его вообще — на пароход и в Табачные колонии? Там, говорят, новым поселенцам сразу дом дают, землю, лошадей. Я б Манюню взял и с тобой рванул бы, а?

Вор устало опустил голову на руки. Иногда казалось, что не Шут его на четыре года старше, а наоборот.

— Землю дают, Ланс. Но на той земле пахать надо. Я этого не умею. Да и не хочу: мне моя жизнь мила, какая есть. А отсидеться — отсижусь. В колонии за этим ехать не надо, поближе местечко найду.

— Где?

— Извини, не скажу, — заявил Валет твердо.

Во-первых, кто знает, какие еще «мертвяки» по его душу явятся и как спрашивать будут: не все ж в каретах катать, и другие методы есть. А во-вторых... Во-вторых, сам еще не

решил.

— Тьен, тебе, наверное, деньги нужны будут. На первое время. У меня немного, но у Манон отложено, я попрошу...

— Не нужно. У меня тоже отложено.

— Но у тебя же там... эти.

— Про мое «там» никакие эти не знают, — усмехнулся Валет, радуясь собственной предусмотрительности.

В квартире на чердаке оставались кое-какие сбережения, но все остальное он хранил не дома. Как раз на такой случай.

— Не ищи, — предупредил он приятеля, прощаясь. — Все равно не найдешь. Утихнет немного, сам весточку подам.

Утром Софи разбудил совсем не гудок. Пересменку на фабрике, впервые с того времени, как устроилась в лавку, девочка проспала, но, заслышав звон посуды в кухне, тут же открыла глаза и испуганно вскочила. «Люк!» — была первая мысль. Но мальчик спокойно спал в своей постели. А по дому плыл аромат жарящегося мяса и еще чего-то, давно забытого, но, несомненно, очень вкусного...

В животе заурчало, а на глаза навернулись слезы: последний раз у них так пахло, когда мама была жива и готовила по утрам завтрак на всю семью.

Но мамы уже больше года, как нет. Вспомнив об этом, Софи набросила на плечи шаль, вооружилась кочергой и, стараясь двигаться как можно тише, вышла из комнаты.

Дверь в кухню была открыта, и запахи из нее шли такие, что рот наполнился слюной. Девочка аккуратно заглянула внутрь, но осмотреться толком не смогла: голодный взгляд прилип к плите, на которой шкварчала большая закопченная сковорода. Забыв о предосторожности, Софи шагнула вперед...

— Выздоровела уже? — спросили со стороны насмешливо. — Босая, гляжу, ходишь.

Девочка резко развернулась и замахнулась кочергой на нахала, с которым вечером простилась на веки вечные.

— Что ты тут делаешь? — требовала она грозно, но прозвучало неубедительно — запахи отвлекали.

— Есть готовлю. — Не обращая внимания на ее «оружие», парень прошел к плите и встряхнул сковороду, на которой сквозь расплавленный сыр жирно поблескивали желтые глазки яичницы и закручивались волнующими завитками тонкие полоски бекона. — Не все же мне твоим пшеном перебиваться?

— Тебя и на пшено никто не приглашал! — возмутилась девочка.

— А я не в гости.

Наглец, непонятно как проникший в дом через запертую дверь, снял с огня сковородку, накрыл тяжелой чугунной крышкой горелку, и только покончив с этими делами, повернулся к замершей в ожидании объяснений девочке.

— Значит так, Софи. Слушай сюда. С сегодняшнего дня я у тебя квартирую. Комнату мне дашь, какую хочешь, только теплую. Плачу два листра в неделю. Сверх этого даю на продукты. Но покупаешь все и готовишь впредь сама. И да, через день чтоб у меня убиралась. Устраивает?

— И за уголь, — прежде чем успела все осмыслить, четко произнесла она.

— Что? — растерялся зеленоглазый.

— За уголь платишь отдельно и греешься, сколько душе угодно. В комнате будешь в той же, где прошлую ночь спал, только матрас из закрытой спальни на кровать перенесешь. Постели для тебя нет. Или сам купишь, или денег дашь, я куплю. За стирку и штопку буду брать отдельно. А убираться — два раза в неделю, вполне хватит. Устраивает?

— Тебе палец в рот не клади! — будто даже восхитился парень.

Софи его пальцы и даром не нужны были — что другое в рот положить бы и жевать, сладко зажмурившись...

— Тарелки где? — спросил новоявленный постоялец.

Девочка молча кивнула на буфет.

Зеленоглазый достал посуду, разделил на две порции аппетитную яичницу и пододвинул одну тарелку Софи. С хрустом разломил пшеничную булку.

— Присаживайся, обсудим все условия. На сытый желудок сподручнее будет.

Но как ни голодна была девочка, за вчерашний день и хлебной корки не сжевавшая, набрасываться на еду она не спешила.

— Зовут тебя все-таки как? — спросила она, сглотнув слюну.

— Я же говорил: меня не зовут, сам прихожу, — ухмыльнулся квартирант. И не возразишь ведь! — А так — Тьен.

Вопреки опасениям Софи, простуда надолго не затянулась.

Отдохнула, отоспалась вдоволь, наелась, наверное, за весь минувший год, и за четыре дня полностью оправилась от внезапной болезни.

А на пятый так не хотелось поутру вставать ни свет, ни заря и идти в лавку! Была даже мысль сказать хозяину, что она увольняется, и пусть подыщет другую работницу, но, подумав хорошенько, Софи от нее отказалась: у господина Гийома работа постоянная, а щедрый квартирант — явление в их с Люком жизни временное.

— Днем не доедаете, решили ночью подкрепиться?

Тьен появился в кухне, когда Софи кормила братишку ранним завтраком. Остановился в дверях, кутаясь в наброшенное на плечи одеяло, и девочка успела заметить, что повязку он уже снял. Это было сродни одному из тех чудес, о которых вещают в храмах, но она никак не могла набраться смелости и спросить, как ему удалось так быстро залечить рану. Правду сказать, они редко разговаривали, а если и случалось, начинал всегда он. Вот как сейчас.

— Уже не ночь, — сообщила Софи. — Почти шесть. В семь открывается лавка, и мне нужно успеть разложить товар.

Она не говорила раньше, что работает, и парень на время задумался над смыслом услышанного. Но соображал он быстро.

— Малого не жалко в такую рань тащить?

— Он привык.

Как будто у нее был выбор?

Квартирант пожал плечами и ушел к себе. Все их беседы примерно так и выглядели, и новоиспеченную квартирную хозяйку, экономку, кухарку и горничную это полностью устраивало.

Она больше не задавалась вопросом, зачем вернулась тогда в тот переулок. Этот странный парень и без ее помощи обошелся бы, уже понятно, а вот где бы она нашла такого жильца? Мало того, что плату положил более чем достаточную, отдельно давал на еду и на уголь — не только для себя, но и для них с Люком! — так еще и умудрялся быть совершенно незаметным, так, что девочка иногда забывала о том, что в доме есть еще кто-то, кроме них с братом.

Правда, любопытный малыш несколько раз, пока она была занята на кухне, проскальзывал в комнату к постояльцу, и Тьен его не гнал, напротив — заговаривал с мальчонкой, если было, угощал сладостями, но Софи такого не поощряла. Ни к чему это. Они с Люком сами по себе, а квартирант — отдельно.

Каждый день, как стемнеет, парень уходил куда-то — видимо, в центр, где магазины и лавки работали допоздна. Возвращался с покупками. Тащил все к себе в комнату, лишь раз бросив на столе в кухне пакет с ароматной сдобой (хоть и наказал все продукты покупать ей) и два леденца-петушка на палочке — Люку, конечно же. Не считает же он и ее за ребенка?

Покупал он все больше одежду. Длинное черное пальто и новые ботинки оставил в прихожей. Рубашки, брюки, пиджаки, жилетки развесил аккуратно в шкафу. Софи знала, потому что один раз уже довелось убирать в занятой им комнате. Постель купил в тот же день, сразу два комплекта, на смену. А еще — книги и газеты. Газет в их доме не было с тех

пор, как отец уехал, и книги он почти все забрал, а те, что оставались, Софи давно продала — не было в них ничего интересного, все механика да паровозное дело. А у Тьена теперь стоял на полке роман про путешественников, два тома истории Великой войны и сборник старинных баллад. Баллады Софи нравились, еще со школы. Когда задавали заучить на память отрывок, она, случалось, и всю песнь наизусть помнила. И роман пролистать интересно было бы, хоть он, наверное, для мальчишек больше. Попросить бы у Тьена, глядишь, и не отказал бы, но... Ни к чему это. Совсем ни к чему.

— А теперь куда намылились?

— Гулять.

Вернувшись из лавки, Софи, пока Люк подремал с часик, приготовила ужин, перемыла оставленную жильцом с обеда посуду и с чистой совестью собиралась с братом на каток.

— Не боязно по темноте ходить?

— Нет.

Второй раз за день поговорили. Ну и хватит на сегодня.

И недели не прошло с тех пор, как они в последний раз были на площади Адмиралов, а перемены за это время тут произошли разительные: город готовился к встрече Нового года. Ледовая карусель украсилась флажками и лентами, протянулась между столбами паутина гирлянд, и разноцветные фонарики красили снег яркими бликами. У катка, устроившись на высоком деревянном помосте, играл теперь на радость гуляющим духовой оркестр. Громкая музыка и веселый смех задавали настроение, и даже звезды на небе казались частью праздничной иллюминации.

— Мы думали, что-то случилось! Тебя все нет и нет, нет и нет!

Пока они не виделись, Амелия Ламиль обзавелась новой меховой муфточкой, а Анна — ухажером: смешной долговязый и лопоухий парень все время вертелся поблизости, не сводя с девушки восхищенного взгляда. Наблюдая за ним, Софи не могла сдержать улыбку.

— Приболела немного, — созналась она забросавшим ее вопросами подружкам. — Простыла.

— От простуды лимоны хорошо, — поделилась познаниями Ами. — И молоко с медом.

— Чай имбирный, — добавила Анна.

— Гадость! — скривилась ее сестра.

— Специфический вкус, — по-взрослому поправила девушка. — Но очень он полезен. Здоровье укрепляет, улучшает цвет лица, способствует стройности фигуры.

Уж со стройностью у Софи проблем не было, скорее наоборот. А имбирь в их лавке продавался — меленый, хозяйки брали как приправу к мясу.

— Ничего, я и малиной обошлась, — махнула она рукой, заканчивая тему своей болезни.

В поле зрения опять попал лопоухий. Он глядел на Анну от ледовой горки, теребя полосатый красно-желтый шарф, и девочка, уже не таясь, прыснула в кулачок: до чего же смешные эти влюблённые! Но цветы покупают охотно...

Вспомнилась загубленная рассада, и веселье пропало. Праздники на носу, а хорошая задумка прахом пошла.

— Посмотришь, как я буду кататься? — спросила Амелия, не замечая, как она вдруг погрустнела. — У меня уже почти получается полный оборот!

Софи всегда смотрела от бортика, как сестры кружатся на ледовой арене. Своих коньков у нее не было, а брать под залог на раз девочка считала расточительством. Но сегодня вдруг передумала.

— Я тоже попробую. Можно попросить вашу маму приглядеть за Люком?

Давным-давно, еще до рождения братишки она приходила на площадь с родителями. Тогда они были дружной и счастливой семьей, ничем не хуже тех, что со смехом режут сегодня лед, крепко взявшись за руки. В те далекие времена ей нравилось кататься.

...Несмело оттолкнувшись от бортика, девочка заскользила по гладкому льду. Колени дрожали от напряжения, и казалось, ноги вот-вот разъедутся в разные стороны. Но она уже не помнила, когда в последний раз ей было так хорошо. Вместе с веселым мотивом в голове крутилась шальная мысль. Когда страх падения уступил место чувству совершенной свободы, а движения стали легкими, Софи приняла решение. Чего бы это ни стоило, не станет она больше отказывать себе и брату в маленьких радостях. И все у них будет. Не только еда и уголь — все. Сладости, нарядные вещи, интересные книжки, веселые прогулки...

Подумала и тут же в это поверила.

Новая жизнь Валету в чем-то даже нравилась. Жил в приличном доме, столовался неплохо. Ни тебе пьяных криков среди ночи, ни грязи, ни вони. Ни царского казначея, которому, хочешь, не хочешь, а треть честно заработанного вынь да положь.

Последнее радовало особенно. Но это все до поры, пока тратил накопленное, а закончатся деньги, придется либо в колоду возвращаться, либо новую семью искать. Иначе никак. Тьен слишком хорошо знал законы воровского мира и видел, что бывает с вольными художниками, промышляющими на давно поделенных территориях. Однако мысль стать самому себе царем, работать лишь на себя и ни с кем не делиться, приходила все чаще и увлекала все больше. И не денег было жалко — свободы, которую ощутил в полной мере в эти несколько дней, и теперь не желал отдавать...

Но это все — мечты. Реальность требовала конкретных решений и планов, и на третий день после своей «смерти» с одним вор определился четко: в колоду он не вернется. Город большой, найдет местечко получше, подальше от складов, смрадных доходов и дешевых кабаков, там, где публика поприличнее, жизнь вольготнее, и доходы, соответственно, повыше.

Осталось решить, где, и придумать, как.

Начал с разведки.

В сумерках, стараясь не попасться на глаза жителям соседних домов, Валет отправлялся на прогулку по городу. Серьезный, прилично одетый юноша не вызывал подозрений ни у случайных прохожих, ни у жандармов. Правда, однажды, когда он, задумавшись о своем, слишком долго прохаживался под окнами какого-то богатого дома, у него спросили документы, но проглядев сложенный вдвое листок, просто пожелали приятного вечера.

В игорном зале мамыши Бланшет остался на спинке стула пиджак, а в его кармане — паспорт на имя Тьена Реми (по названию ночлежки Сун-Рэми, к которой были приписаны все слободские малолетки) и с придуманной писарем на ходу датой рождения. Но бумажка с именем Виктора Навина, некогда доставшаяся вору вместе с кошельком и часами этого рассеянного господина, для общения со служителями порядка годилась ничуть не меньше, а то и больше, ведь вместо штампа канцелярии Западного округа, к которому относились заведомо неблагополучные районы, на ней красовалась печать Головного гражданского

управления. А уж сколько там лет «подателю сего», семнадцать или двадцать пять, никто внимания не обращал.

За три вечера Валет успел обойти центральные улицы. В жилых районах надолго не задерживался: какой смысл разглядывать роскошные особняки, только в очередной раз внимание патрульных привлечешь. Куда больше его интересовали общественные места: магазины, кафе, гостиницы, парки, галереи. Конечно, не без толку. Обновил гардероб, узнал, где подают недорогой, но вкусный кофе и торгуют свежей сдобой и полюбовался картинами недавно открытого где-то в провинции дарования. Он даже в театр заглянул, справился о репертуаре, узнал цену на билеты и сколько берут ушлые статисты за то, чтобы провести за кулисы в примерку к приме.

У театра уже работали: в толпе сновали щипачи и съемщики, ненавязчиво обрабатывая ценителей лицедейского искусства. Отдельно сбывали по завышенной цене «лишние» билетки толкачи. А под видом программok можно было прикупить пикантные фотографические открытки, некоторые из них — с адресами. Дело было поставлено широко и не вчера, но пирог был не так уж велик, чтобы попытаться и себе оттяпать кусочек. Правда, Тьен не сдержался, прошелся от касс неторопливым прогулочным шагом — разжился серебряной визитницей. Просто так, чтобы пальцы не отвыкли. Но глаза на театральной площади тоже имелись, и он дал себе зарок впредь сюда не ходить, разве что на спектакль, в качестве зрителя. Однажды...

Гостиницы. Одна шикарная: три этажа роскоши, вышколенная прислуга, электрическое освещение. Две другие — попроще. И там, и там всю кипит работа. И там, и там Валету не понравилось.

Та же ситуация с ресторанами и кофейнями.

Территория гарантированной прибыли, как назвал он для себя подобные места, давно поделена, и новичку вряд ли выделяют лучшее место.

Церкви? Ха! Даже соваться не стоит.

Магазины?

Нет, нет и нет.

Вор сам себя не понимал, но все было не то и не так. Вроде и не слобода уже — чистенький, доходный район. Но не то!

Хорошо, время и деньги еще были. Можно было присмотреться, подумать. Этим он и занимался. Гулял, наблюдал. Покупал в газетном киоске вечерний номер «Курьера» и присаживался у окна какой-нибудь тихой кофейни. Просматривал газетные статьи и глядел через тронутое изморозью стекло на гуляющих горожан.

К слову, о газетах: странное дело, но Тьен не помнил, чтобы кто-то когда-либо учил его читать. Зато помнил, как еще стоя с жестяной кружкой на Лютном перекрестке в ожидании милостыни разбирал по слогам вывески и надписи на афишах, а после стал подбирать выброшенные другими новостные листки. Помнил, как лет в семь-восемь (своего точного возраста он никогда не знал) долго присматривался, прежде чем стащить в лавке старика-букиниста книгу сказок с большими яркими картинками, и как потом отчего-то устыдился, в первый и в последний раз, и через день принес книжнику деньги. Тот ничего не сказал на это и легавых не кликнул, хоть Валет, который тогда еще не был валетом, был готов к такому повороту и настроился бежать в любой момент, просто убрал монеты в ящичек и пригласил заходить еще.

Два года назад старый Михал умер. На его похороны пришло всего два человека:

отпевавший покойника священник и Тьен...

— Удивительно в наше время встретить юношу вашего возраста, таким образом проводящего вечера.

Вор поднял взгляд и увидел остановившегося у его столика господина лет шестидесяти, лысоватого, но с пышными седыми баками и густыми, подкрученными вверх усами. На красном мясистом носу незнакомца блестели очки в тонкой серебряной оправе, а глаза, мутные, с мелкой сеткой полопавшихся сосудов глядели с искренним любопытством.

— Позвольте присесть?

Свободных столиков в кофейне было предостаточно, но Тьен сложил газету и указал мужчине на стул напротив:

— Прошу вас.

Люди, отличные от тех, с кем ему приходилось сталкиваться в повседневной жизни, всегда занимали Валета. Даже Ланс не знал, а если бы узнал, то не понял бы того, что раз или два в месяц, наведавшись в бани, причесавшись и принарядившись, он шел через заставу, за ярмарочное поле и парк, чтобы побродить среди экспонатов очередной выставки в галерее Амир или посетить собрание литераторов. Хотя, по правде сказать, слышать иных из них было истинной мукой...

— Жак Морис, коммивояжер, — представился любопытный господин.

Коммивояжеров в коллекции интересных знакомцев Тьена еще не было, и вор мысленно поставил галочку.

— Виктор Навин, — назвался он, вспомнив о лежащем в кармане паспорте. — Рад знакомству, господин Морис.

Когда нужно было, манеры у Валета были первоклассные. Колода учила музыке[i](3), книги — премудростям этикета. Бывало, конечно, путался и, засветив промеж глаз выловленной в своем посаде шущере, вежливо просил внять представленным аргументам и впредь не посягать на чужие территориальные права. Но чтобы какого гоголя цивилизованного на «ты» да по матушке — никогда: все через «простите», «извините» да «будьте добры». И человеку приятно, и те же часы с кошельком у него отработать сподручнее.

У господина Мориса часы, к слову, были видные, фирмы «Броккен и Броккен» — за такие любой скупщик не меньше семи листров отвалит. И лопатник раздутый под пиджаком выпирал. А с другого бока едва заметно оттопыривал карман небольшой пистолет, из чего Валет заключил, что коммивояжер — профессия прибыльная, но сопряжена с некоторыми рисками.

— Я обычно не бываю столь назойлив, — сразу же извинился господин Морис. — Но, в самом деле, нечасто увидишь молодого человека, коротающего вечер за чтением газет вместо того, чтобы... — Мужчина неопределенно повел рукой, и для Тьена так и осталось загадкой, чем же, как правило, занимаются юноши его возраста.

Вор в искреннем смущении пожал плечами.

— Позвольте небольшое предположение? — продолжил коммивояжер. — Вы подыскиваете работу?

Весьма прозорливо, хоть в объявления о постоянных и сезонных наймах на последних страницах «Курьера» Тьен никогда не заглядывал.

— Нет, — ответил, тем не менее, он. — Всего лишь просматривал новости.

— И что думаете? — Тут же среагировал разъездной торговец: судя по блеску в глазах, решил уличить в обмане. — Будет война?

— Сомневаюсь, — протянул вор, удержавшись от улыбки. — В бюджет не заложены дополнительные траты, а Ренальские острова слишком незначительный повод для полномасштабных военных действий — голые скалы, непригодные для развития аграрного хозяйства, и не имеющие богатых природных запасов. Полагаю, данный конфликт разрешится в кабинетах чиновников.

Положа руку на сердце, Тьен не понимал и половины только что им сказанного, но память у него была отменная, и коммивояжер остался впечатлен.

— Однако! — воскликнул он. — А вы прелюбопытнейший экземпляр, Виктор.

Юноше стоило усилий не поморщиться: он-то себя считал собирателем занятных экземпляров, а тут наткнулся на конкурента. С такими ухо нужно держать востро.

— Чем вы занимаетесь, позвольте узнать?

— В настоящее время готовлюсь к поступлению в мастеровое училище, — привычно соврал вор и тут же заметил, как изменилось к нему отношение господина Мориса.

— В училище? — переспросил тот с некоторым пренебрежением. — Мне показалось...

Странно, когда прежде он заявлял о своем желании получить рабочую специальность, это тут же принимали на веру, и никому ничего не казалось.

— Продолжайте, — сухо, с оскорбленной миной потребовал Валет.

— Ежедневно я общаюсь со многими людьми, — издалека начал господин Жак, — и мне кажется, научился по первому впечатлению составлять мнение о человеке. Это помогает в работе, и подобная гимнастика не дает заскорузнуть мозгам. С первого взгляда вас сложно принять за... хм, пролетария.

Значение слова «пролетарий» Тьену было известно, и с выводами господина Мориса сложно было не согласиться.

— И за кого же вы меня приняли?

Коммивояжер снял очки, протер запотевшие от тепла стекла, вновь надел и критически оглядел собеседника:

— Ну-у... На вас недорогой, но достаточно презентабельный наряд, и чувствуете вы себя в нем вполне комфортно. Услугами цирюльника пренебрегаете не первый месяц, но среди молодежи это встречается. Читаете бегло: я заметил, как скоро вы водили глазами по строкам. Руки... — Валет внутренне напрягся: руки — рабочий инструмент вора, а по инструменту несложно опознать и мастера. Но, очевидно, господин Морис прежде не водил знакомств с карманниками. — Руки, не привыкшие к тяжелому физическому труду. Я бы сказал: пальцы музыканта или художника. Воздержаны в страстях, раз уж предпочитаете чашечку кофе пивной кружке. И еще множество мельчайших нюансов, по которым я заключил, что происходите вы из интеллигентной, хоть и не слишком обеспеченной семьи. Приходите сюда, потому что вам претят удовольствия, которые вы могли бы себе позволить, а то, что пришлось бы по душе — увы, не по карману... Уж простите, если обидел своими предположениями. Возможно, они ошибочны. Вполне возможно, ведь я решил, что вы заняты поиском достойной работы, чтобы поправить свое материальное положение, а вы... Училище, так училище. Если после собираетесь продолжить обучение и стать инженером — почему бы и нет?

Бедняга коммивояжер совсем запутался. Нельзя было не признать наличия логики в его рассуждениях — да-да, что такое логика, Тьен тоже знал — но стоило выбрать иной «экземпляр» для исследований. Валет легко менял маски и вживался в окружение, а в новой жизни сам еще не определился с образом — где уж другим его разгадать?

Однако начатая господином Морисом игра показалась ему увлекательной.

— Я так и намеревался поступить, — сказал он в ответ на предположение о дальнейшей учебе на инженера. Выдержал паузу и поинтересовался у собеседника: — Позвольте поделиться некоторыми наблюдениями относительно вас?

— Буду вам признателен. — Мужчина со снисходительной улыбкой откинулся на спинку стула.

— Вы не местный, проездом в городе. Да и вообще много путешествуете, что, впрочем, следует из вашей профессии. Приехали не более двух часов назад. Взяли номер на одну ночь... в «Звезде Альвина», полагаю.

— Позвольте! — обескураженно вскричал почтенный коммивояжер, и редкие посетители кофейни обернулись на него с интересом. — Как вы... Откуда?

— Догадался? — Забава определенно понравилась Валету. — Очень просто. О роде своих занятий вы сами мне рассказали, так что несложно догадаться, что у вас в саквояже. Образцы продукции, не так ли? Стало быть, вы и сейчас на работе. Вполне вероятно, что в чужом городе, а значит, остановились в гостинице неподалеку. Если бы взяли номер больше, чем на сутки, вам предложили бы оставить ценности в гостиничном сейфе, и не пришлось бы носить с собой всю выручку за последнее время. А приехали бы до семи — наверняка успели бы сдать все в банк...

Он, конечно, сболтнул лишку, показав, что положил глаз на раздутый бумажник и слишком много знает о работе банков и гостиничных сейфах (предлагали как-то дельце — отказался, но кое-что запомнилось). Однако господин Морис ничего предосудительного в его рассуждениях не углядел и, судя по виду, жаждал продолжения. Тьен не стал его мучить:

— Здесь три гостиницы. «Золотой двор» слишком дорогое удовольствие на одну ночь, а в «Валеантине» отличная ресторация, и вряд ли бы вы пришли сюда.

— Браво! — восхитился случайный знакомец.

Валет лишь плечами пожал. Когда с малолетства работаешь на улице, глаз должен быть наметан на подобные вещи. Нужно уметь с одного взгляда прикинуть, что за человек перед тобой, много ли носит в карманах, стоящие ли у него часы, и сразу ли брать или подождать, пока хмельной будет возвращаться из кабака, а до того определить, что идет он именно в кабак. В общем, привычное дело.

— И еще одно, — рискнул предположить Тьен. — Раз уж вы решили, что я подыскиваю работу, то, очевидно, намеревались мне ее предложить.

— Ваша прозорливость поражает, юноша! Я действительно...

У Валета не только пальцы были музыкальные, но и слух: фальшь он чувствовал на раз, а господин Морис немного перебрал с восторгами. В мозгу словно что-то щелкнуло, и все вмиг встало на свои места. Тьен разочарованно вздохнул. Нет, дело вовсе не в том, что он сидит в этой кофейне, а не в кабаке, и не в том, что в руках у него газета вместо стопки водки. Увидь коммивояжер его в другом образе и в другом месте — его или любого другого парня — все равно попытался бы подойти и завязать разговор.

Вор рассеянно слушал об увлекательнейшей жизни разъездного торгового представителя, о радости знакомства с новыми людьми и местами, о романтике путешествий, щедро приправленной солидными заработками. Сидел неподвижно, позволяя вошедшему в раж мужчине лить патоку в свои увешанные лапшой уши, а когда поток красноречия пошел на убыль, воспользовался паузой и спросил как бы между прочим:

— За привлечение новых сотрудников ваша компания, должно быть, выплачивает

неплохую премию?

— И это тоже. У вас будет немало способов получить дополнительный доход...

Увлечшись, рассказчик не понял подоплеку вопроса, но наткнувшись на холодный взгляд собеседника, резко умолк.

Однако визитку Валет, прощаясь, все же взял.

Взял бы и пухлый бумажник, как компенсацию за бесцельно потраченное время, но вспомнил о пистолете, лежащем в другом кармане пиджака коммивояжера... И взял пистолет.

[i] 3) Музыка — здесь: жаргон.

Стоило Софи загадать желание, как оно тут же начало сбываться. И никакой мистики, девочка прекрасно понимала, кто был чудотворцем. И двух недель не прошло, как поселился в их доме квартирант, а ей казалось, что так они с Люком всегда и жили: еды в достатке, всякой разной, угля и керосина для ламп впрок заготовлено — все есть. А сегодня вот платье новое купила. Не совсем новое, если честно, хозяйина дочка его полгода относилась, пока ее еще больше вширь не разнесло, но для Софи — новое. И досталось недорого. И теплое, и красивое: темно-зеленое, в крупную клетку, а воротничок-стойка, манжеты и широкий пояс — полностью черные. Только по бокам ушить немного и подол подобрать. Она собиралась заняться этим, когда уложит братишку, но Люк как специально отказывался засыпать и с несвойственной ему настырностью требовал следующую сказку.

Девочка как раз листала книгу, отыскивая историю покороче, когда раздался негромкий стук в дверь. Тьен всегда стучался, если ему что-нибудь было нужно, но он никогда не тревожил их так поздно, и Софи невольно занервничала.

— Слышь, подруга...

Она насупилась, услышав такое обращение. Иногда парень говорил с ней вежливо, называл по имени, а иногда, непонятно с чего, — развязно и грубовато, и тогда она становилась то «мелкой», то «подругой», то просто «эй, ты».

— ...у нас тут, похоже, крысы завелись. Ничего не заметила, когда вернулась?

— Ничего. — После работы завернули с Люком домой, пообедать, и на каток пошли, возвращались уже по темному — где уж тут крысу разглядеть? — Они от выгребной ямы, наверное, лезут. Прошлой зимой тоже были.

Парень посмотрел на нее так, будто ни слова не понял из того, что только что услышал. Потом недовольно хмыкнул и тряхнул головой.

— Я не про тех крыс. Уголь у нас попер кто-то. С утра почти полный ящик был, а сейчас вышел набрать — уже половина. Часто у вас так?

— Нет, — пробормотала девочка, опуская глаза. — Это я... Я взяла.

— Ты-ы? — протянул недоверчиво постоялец.

— Да, я! — озлилась Софи. И чего это она должна перед ним оправдываться? Ее дом, ее уголь — что хочет, то и делает!

— И зачем тебе столько? Или у тебя паровоз в подполе ездит? Так пусти покататься.

Он насмешничал, но ответа требовал всерьез — это Софи видела. Не скажешь, не отвяжется.

— Соседке дала, — созналась она. — К ней сын должен был в выходные приехать, купить все, что нужно, но не приехал. Видно, из-за снега. Дороги, говорят, за городом совсем засыпало. Ну я и отнесла ей корзину.

— Целую корзину? — нахмурился Тьен. — Совсем дура?

— А тебе жалко, что ли? — вспылила девочка. — Я его что, у тебя из печки выгребла? Или ты мерзнешь там?

— Дура, что тяжести сама таскаешь, — пояснил парень спокойно. — Сказала бы, я б отнес. И не ори, у тебя малой, вон, спит уже.

Софи посмотрела на братишку: в самом деле, задремал, не дождавшись нового рассказа.

Стало неловко, и перед ним, и перед квартирантом, на которого, выходило, что зря накричала. Она отложила книгу, прикрутила фитилек лампы и подоткнула малышу одеяльце.

— Интересные? — Тьен ткнул пальцем в цветную обложку. — Я возьму?

Не дожидаясь ответа, он подхватил со стола «Сказки» и вышел из комнаты, бросив на ходу:

— Доброй ночи.

— Доброй, — шепотом пожелала девочка закрывшейся за ним двери.

Теперь можно заняться платьем.

Сказки были совсем не такие, как в его книжке. Те, что он стащил когда-то у старика Михала, предназначались, видимо, совсем уж для малышни: про деда да бабу,мышленую мышку да хитрую кошку, про козу рогатую-бодатую и лису-обманщицу. А в книге Софи... Ну не скажешь же, что для взрослых? Но все равно не те. Как будто древние легенды переиначили, чтоб проще понять и читать не так страшно было. Вот о драконе Веергиле, например. Тьен эту легенду хорошо помнил. Грустная. И не знаешь, кого жалче, дракона или убившего его рыцаря. А тут — все просто: дракон — злодей, рыцарь — герой, дракону — смерть, рыцарю — прекрасную принцессу в жены. И на кой, скажите, рыцарю принцесса? Ему за пятьдесят уже, больше полжизни из битв не вылезал, на теле живого места нет... И принцессе-малолетке какое с этакой развалины счастье? Жмот был ее батюшка. Мог бы рыцарю замок пожаловать, содержание пожизненное положить, ан нет — дочуркой откупился. Всем известно, почем в прежние времена эти принцессы шли...

Тьен полубовался на улыбающуюся девицу, тянущую руки к рыцарю, чье лицо художник, устыдившись откровенной лжи, все же оставил под забралом (наверняка тот морщился от боли и кривился, глядя на юную супружницу), и перевернул страницу.

Еще одна сказка. Еще одна принцесса. Элианна. Повесилась на собственных косах, получив вест о том, что жених ее победил жившего у Мертвого озера василиска, но последний взгляд чудовища настиг героя, и тот обратился в камень. Это согласно легенде. В сказке же Элианна отыскала источник с живой водой и спасла не только возлюбленного, но и прочих окаменелых граждан, которых после еще пришлось кормить-поить на свадебном пиру. Сладко, аж скулы сводит. Но...

Живая вода.

Вода. Тьен помнил ее. Темную, холодную, густую, словно клейстер. Помнил, как она поймала его подо льдом, обняла и понесла куда-то. Как бережно подталкивала, когда он выбирался на берег. Живая...

Бред!

Парень крепко зажмурился, прогоняя странные, навевные сказками мысли. А пальцы тем временем сами собой рванули рубашку на груди и ощупывали оставшийся под ключицей шрам-звездочку.

Тоже сказки?

«...ударил его кинжалом в грудь. И лежал Нианом недвижим, истекая кровью, пока не нашла его прекрасная Онория. Упала она на колени перед возлюбленным, вынула кинжал, залила слезами рану его...»

Еще одна история. Еще одна принцесса. Еще один счастливый конец.

Вытащи нож, залей рану слезами... Если бы слезы девственников в самом деле имели

исцеляющую силу, сотни девчонок нарежали бы лук в аптечных лавках, собирали влагу со щек в пузырьки и продавали болящим. Да и вряд ли прекрасная дева лила над ним слезы — откуда ей тут взяться? Валет непроизвольно покосился на дверь, подумав о своей квартирной хозяйке, и усмехнулся: нет, эта не рыдала бы. Притащить — притащила, пожалела, и вор этого не забыл, но плакать, как он успел понять, не в ее характере. Видно, наревелась в свое время, надолго вперед...

В следующей сказке речь шла уже не о людях. Альвы, дивные жители вечнозеленых лесов, поспорили как-то с низкорослыми бородачами-двергами, что прекраснее, их цветущий лес или подземные чертоги dwarves. Из спора вышла ссора, из ссоры — драка, в которой смертельно ранен был сын королевы альвов. Но когда юношу принесли под сень родного леса, тот «напитался силой деревьев и трав, выпил бодрость ручьев и дыхание ветра», и снова стал жив-живехонек. Ну и женился, как положено. Естественно, на принцессе.

Девчоночьи какие-то сказки, смекнул на очередной истории вор.

Он полистал еще немножко книгу и остановился на перевранной, как и все здесь, легенде о змеелюдах. Читать и портить себе настроение ожидаемой свадьбой не стал. Только картинки рассмотрел. На одной из них изображался принц ползучего народа: щеки юноши вместо румянца украшала серебристая чешуя, а огромные глаза с длинными вертикальными зрачками горели золотом. И зубы, небось, острые, ядовитые. То-то счастье привалило какой-то принцесске!

На этой злорадной мысли Валет отбросил книгу, потушил лампу и завалился в постель.

Через месяц после того, как не стало мамы, с Софи началось неладное. Такое, что и не скажешь никому. Два дня она промучилась, проплакала, гадая, как все будет и с кем теперь останется Люк, а на третий, когда к перепачканному белью добавилась незнакомая, а потому ни с чем не сравнимая тянущая боль внизу живота, не выдержала и пошла к господину Жиро. Доктор, лечивший, но так и не вылечивший маму, и так уже не пользовался у девочки безграничным доверием, а когда он едва ли не рассмеялся в ответ на заявление, что вскоре она, должно быть, умрет, Софи и вовсе готова была бежать прочь из его дома. Но веселье господина Жиро быстро сменилось печалью и искренней жалостью. Пожилой медик тяжело вздохнул и сказал, будто Софи сама не знала, что мама умерла слишком рано. Ну а после уж разъяснил, как сумел. По ходу немного увлекся, забежав далеко вперед и заговорив о том, о чем девочка даже и не думала, а мать, будь она жива, вряд ли стала бы ей рассказывать...

Но одно Софи тогда уяснила четко: напасть эта ей на всю жизнь и ничего с ней не поделать — только терпеть. Иногда «неудобные» дни проходили почти незаметно, а иногда очень тяжело. Но все равно проходили.

В этот раз было терпимо. Так, побаливало немного, и голова кружилась, но последнее, скорее, оттого, что легла поздно и не выспалась: все с платьем возилась, не хотела бросать. А может, еще и на погоду. Ночью снова шел снег. К утру прекратился, но оконные рамы украсились толстым слоем белого пуха, и дорогу, наверное, замело...

Нехотя встав и одевшись, девочка затопила кухонную плиту и поставила на огонь чайник. Проверила, просохли ли с вечернего похода на каток сапоги и варежки, завернула с собой хлеба и набрала в мисочку чечевицы с мясом, чтобы было чем в обед покормить Люка.

Подумав о братишке, вспомнила и о другом, и, тихонько отворив дверь, пробралась в

комнату квартиранта. Зима шла на излом, за окнами светлело все раньше, и уже не нужно было зажигать лампу, чтобы осмотреться...

— Стучать не умеешь? — не открывая глаз, спросил Тьен.

От неожиданности сердце в пятки ушло, но Софи сдержалась, чтобы испуганно не ойкнуть.

— Мне книжка нужна, — пояснила она шепотом. — Я ее с собой ношу, Люку нравится картинки смотреть.

Сказки обнаружили на полу, почти под кроватью. Девочка наклонилась, чтобы поднять, когда квартирант вдруг перевернулся на бок и уставился прямо на нее.

— Ай! — то ли растерявшись, то ли опять непонятно чего испугавшись, она попятилась, не удержалась на ногах и шлепнулась на пол.

— Ты чего? — удивился парень.

— Я? Ничего.

Она неловко подползла, схватила книгу и на миг задумалась: ползти, не останавливаясь до двери или все же подняться и выйти по-человечески.

— Оставила бы ты его, — проговорил квартирант, с усмешкой следящий с кровати за ее возней. — Малого. Жалко ведь, пусть отоспится. А я бы присмотрел...

В какой другой день она наверняка отказалась бы. Кто ей этот парень, чтобы доверять ему самое ценное, что осталось у нее в жизни? Но сегодня представила, как потащит сонного малыша по свежим сугробам, когда и самой никуда идти-то не хочется, и согласилась, строго-настрого велев, если что, тут же вести Люка к ней в лавку.

Нельзя сказать, что Валет любил детей. Но нельзя и сказать, что не любил.

Этот, по крайней мере, тихий, не то, что вечно оружие демонята, мешавшие спать на прежнем месте. Да и поладили они вроде: не зря в первый день почти банку малины пацаненку скормил. Но каким бы расчудесным тот ни был, Тьен ни за что не напросился бы в няньки, не приди ему в голову забавная мыслишка.

— Ну что, Люк, — спросил он малого, сперва накормив его до отвала и напоив сладким чаем, — пойдешь со мной на дело? Напарник позарез нужен.

Пойти малой, может быть, и не пошел бы, но поехать «на дело» в салазках, запихнув за щеку леденец и заручившись обещанием свежей «лосадки» закупить еще пирожков и конфет, не отказался.

Двор за ночь засыпало снегом, так что, прежде чем выйти, пришлось браться за лопату и расчищать проход к калитке. Какая-то тетка смотрела из окна соседнего дома, но местных Тьен уже перестал опасаться: если Софи не волнует, что скажут соседи, узнав, что у нее живет какой-то парень, то ему на это и подавно плевать. Жандармам донесут? Так ведь повода нет — мало ли, может, родственник какой.

Тротуары за забором уже размели дворники, присыпали кое-где песком, и салазки жалобно скрипели, когда снег под полозьями сменялся жестким крошевом. Помня, кого бог бережет, Валет решил перестраховаться, а потому от дома сразу рванул к старому парку. Люк заливался смехом: новый ездовой оказался порезвее квелой сестрицы, и мальчишке это понравилось. В парке они покружили пустынными тропками, подергали припорошенные снегом ветки деревьев, скормили прихваченную для такого случая булку жившим на крыше летнего театра голубям и отправились дальше. Спустились к реке, а там уже по узким обледелым улочкам вдоль доков — напрямик к слободской заставе.

На подходе к старому железнодорожному поезду Валет натянул на глаза шапку и, подняв воротник пальто, обмотался шарфом так, что видны оставались лишь нос да разругавшиеся на морозе щеки. В таком виде он мало отличался от прочих, вышедших из дому в студёный день, горожан, но ничем уже не напоминал бывшего верткого вора, даже в лютые морозы шнырявшего в толпе налегке и с непокрытой головой. А радостно улыбающийся малыш в салазках, время от времени улюлюкающий, требуя ускорить ход, — искусный финальный штрих. Ну идет себе какой-то студиз (на мастерового по одежке не похож), везет братишку на саночках. А может, и сынка. Тьен, конечно, фактурой на взрослого мужика не тянул, разве только ростом, хоть тоже не каланча, так и наследника занять — дело нехитрое.

— Раз гульнул, а после вот тащишь. И хорошо, если в салазках, а не на горбу до старости, — пробормотал под нос себе Валет, оглядываясь на мелкого, которому успел заткнуть рот пирожком с повидлом.

Люка подобные проблемы пока не занимали. Больше всего на данный момент его беспокоило то, что «лошадка» перешла с рыси на неспешный шаг, но за лакомое угощение он готов был простить и это.

Дойдя до базарной площади, Тьен остановился и осмотрелся. Ничего не изменилось. Царапнуло чуток: был Валет, нет Валета, а Торговая слобода, что с ним, что без него, продолжала жить своей жизнью, шумной и суетливой. В лавках бойко шла торговля, как-никак цены тут были пониже, чем по всему городу, особенно для оптовиков, подгонявших подводы прямо к дверям, а кто и сразу к выстроенным вокруг малого речного порта складам заворачивал, чтобы после развезти товар по другим районам и сбыть уже втридорога. Разносили мелочевку лоточники, а на длинных прилавках под хлипкими деревянными навесами раскладывались селяне с овощами и мясом, и желающие сбыть утренний улов рыбаки. В мастерских принимали заказы на починку-пошивку-покраску всего, что только можно было починить, пошить да покрасить, а кроме того — наточить, полудить и подбить — тоже к нам, милстипросим!

Отдельно от всего этого «куплю-продам-починю» вела свою жизнь колода. Нищие, взаправдашние и лживые увечные, наперсточники, продавцы похабных брошюр и липовых лотерейных билетов и громилы-местовые, снимавшие негласные налоги с желающих торговать без проблем. Особой кастой шли карманники — элита, виртуозы своего дела. Работали чисто, культурно. Шушеру, норовившую влезть на чужую территорию, чтобы цапнуть у зазевавшейся клуши кошелек или палку колбасы из кошелки, наказывали сами: нечего порядочным вора́м погоду портить. У каждого свои приемы, своя, особая манера, секреты, которыми не делились даже с лучшими друзьями...

Поддавшись ностальгическому порыву, Тьен позаимствовал у отиравшегося в хозяйственных рядах дядьки кошелек, выпотрошил его у бочек с мочеными яблоками и скинул под прилавок. Часть улова пустил в расход тут же: купил малому ватрушек с творогом и два стакана подмороженной клюквы — дома с сахаром перетереть да есть — говорят, для здоровья полезно.

С полчаса побродив по знакомым улицам и устав полагаться на удачу, дошел до мастерской точильщика. Поглядел на закрытое наглухо оконце на втором этаже и свистнул ошивавшегося поблизости мальчишку. Пацан был из местных, а с ними всегда нужно быть на чеку — приметливые. Но этот его, похоже, не признал. Кутаясь в шарф, Валет достал из кармана записную книжку и короткий карандаш и черкнул пару слов. Завернул в записку

медяк и отдал огольцу, а сам, не дожидаясь, пока тот вернется с ответом, потащил салазки вдоль по мостовой в сторону обветшалой церквушки, откуда дорога выворачивала мимо жилого квартала к мосту, за которым раскинулось ярмарочное поле.

Ждать пришлось почти час. Тьен уже забеспокоился, как бы малой не перемерз. Хорошо, рядом с палаткой фокусника нашлась другая, где торговали сладостями и разливали горячий чай.

Шута заметил издали. Дождался, пока приятель подойдет к деревянной карусели с лошадами, похожими больше на криволапых облезших собак, и, побродив вокруг, остановится у будки билетера.

— Здорово, Ланс.

— Валет! — Загребущая лапа обхватила за голову, потянула. Нос уткнулся в провонявший табаком кроличий тулуп. — Я уж думал, ты мне тогда с перепоею примерещился!

— И не мечтай, — усмехнулся Тьен, высвобождаясь из дружеских объятий.

— Дык, я и не мечтаю. Но и ты это... того... Нормально не мог написать: «Приходи на ярмарку»? Я ошалел поначалу. Какие кони в яблоках? Кто там масла не доедает?

— Но ведь понял? — Валет был доволен задумкой. — А никто другой не догадался бы.

Прошлым летом, когда выбрались сюда погулять, Ланс шутил насчет карусели: мол, хорошие кони, породистые, масть (краска облезшая) — благородная, только маслом бы их кормить вместо сена, чтобы не скрипели. Действительно, чужаку не понять.

— Как ты? Где? — забросал вопросами приятель. — А... а это кто?

— Напалник! — гордо заявил Люк, выплянув из-за спины Валета, точнее — из-за его длинного пальто где-то на уровне коленок.

— Напарник мой, — серьезно подтвердил вор. — За леденцы работает.

— Где взял? — деловито, копируя тон товарища, поинтересовался Шут, разглядывая мальчишку.

— Где взял, там уже нет. — Тьен подхватил мелкого на руки, усадил в салазки и укутал одеяльцем. — Пройдемся? — обратился он к другу. — Разговор есть.

Господину Гийому Софи сказала, что оставила Люка с отцом. Она и раньше врала, будто тот приезжает чуть ли не каждый месяц на несколько дней, привозит подарки и деньги, — чтобы не считали их сиротами или беспризорниками. А теперь и доказательство присутствия заботливого родителя налицо. Но на сердце было беспокойно. Работала, а взгляд мимо воли устремлялся к пустому закутку под прилавками, где обычно играл на одеяле Люк, и неуютно было не слышать хоть время от времени его звонкий голосок.

Как он там? Что делает? Поел ли? Не бегает ли по дому босой? Не лезет ли снова в шкаф, поставив друг на дружку табуретки, как в тот раз, когда она едва успела поймать его в миг, когда шаткая конструкция с грохотом обрушилась на пол? А если решит попить, разобьет стакан и поранится? Или на подоконник заберется и опять станет облизывать заледеневшие стекла? Или...

Разве Тьен станет за ним следить? Хорошо, если накормит. И как можно было оставить брата с чужим человеком? О чем она только думала?

К обеду девочка совсем извелась и вместо того, чтобы спрятаться, как обычно, за полками от покупателей и поесть, отпросилась у хозяина сбежать домой.

От калитки заметила расчищенную к крыльцу дорожку — сама собиралась, не успела с

утра. Но вместо того, чтоб порадоваться и мысленно похвалить квартиранта, разозлилась. Вот кто его просил? Зачем? Лучше бы за маленьким приглядывал!

Взбежала на крылечко, подергала дверь — заперто. У них всегда заперто, но сейчас это отчего-то испугало. Достала ключ, открыла. Первое, что бросилось в глаза — отсутствие на вешалке черного пальто. Сердце тревожно екнуло. И салазок в углу нет!

— Люк! — Не разуваясь, Софи влетела в комнаты. — Люк, маленький мой!

Кроватка не убрана, на кухне — грязные тарелки. И никого.

— Люк! Тьен!

Толку кричать, когда и так понятно, что в доме их нет?

Девочка постаралась взять себя в руки и успокоиться. Хлебнула воды прямо из длинного носика чайника, присела в кухне у стола.

Тарелка невымытая (чего Тьен не делал, так это никогда не мыл за собой посуду) не одна — значит, малыша квартирант покормил. Салазок нет — гулять пошли.

Куда? Зачем? Разве она говорила вести Люка гулять?

А одел он его или просто шубейку поверх домашнего натянул и на мороз потащил? Бросилась снова в комнату. Вроде бы одел: вещей теплых на полке нет.

Успокоилась немного.

Но куда пошли? Когда? Может, Люк уже голодный? Или они только-только ушли, а до того пообедали?

Проверила: не пообедали. Жаркое, что с вечера готовила, нетронутое, а на супе гладкой корочкой застыл поверху жир — отбирали, расковыряли бы.

Тогда, наверное, придут скоро.

Решила дожидаться. Заодно в комнатах прибрать, обед разогреть. Хозяин все равно на целый час отпустил.

Только сердце продолжало взволнованно подпрыгивать в груди.

Трудно отыскать более унылое место, чем ярмарочное поле в будний зимний день. Людей практически нет. Смотровое колесо, к которому летом выстраиваются очереди, чтобы подняться над рекой и поглазеть на убранный яркой зеленью город, застыло, словно вмерзло в засыпанную снегом землю. Молчат скрипучие карусели, а карусельщик скучает в будке: листает старую газету и прикладывается время от времени к маленькой фляге. Помост замело, и балаганщики в отсутствие представлений разбрелись, кто куда. Работает только фокусник в своей палатке и небольшой зверинец, куда Валет и сам не пошел бы, и малого не потащил бы. Какая радость пялиться на грязных, оголодавших зверей? Да еще старик-шарманщик бродил по полю, с обезьянкой на плече. Обезьяна собирала у зрителей, если они находились, монетки и взамен вынимала из мешочка билетики с предсказаниями.

В нацарапанные на желтых бумажках пророчества Тьен не верил, но всегда брал себе одно, а то и два. Из-за шарманщика. Они не водили знакомства и никогда даже не разговаривали, но у старика были мудрые усталые глаза и непослушные кривые пальцы: кости не срослись как следует после переломов, а ломали их когда-то на славу — каждую фалангу, планомерно, молотком или свинцовым гасилом. Так враги или бывшие друзья казнят лучших карманников, лишая всякой возможности зарабатывать себе на жизнь привычным делом.

— Держи, напарник. — Вор протянул малышу монету. — Попытай судьбу.

Люк зажмурился и захихикал, когда ученая обезьянка спрыгнула с плеча шарманщика к

нему в саночки, схватила денежку и, проворно цепляясь за потасканный плащ старика, вернулась обратно, чтобы порыться в мешочке и вынуть для маленького клиента счастливый билетик.

— Ну-ка, что там у тебя? О, скорая прибыль! Так и быть, еще конфет на обратном пути возьмем.

Тьен вынул из кармана еще один медячок, подбросил в воздухе, и ловкая зверюшка поймала его налету. Протянула билетик.

— Лучше бы прибыль, — недовольно буркнул парень. Ему досталась встреча с любовью всей своей жизни.

— Еще! — запросил, хлопая в ладоши, мелкий.

Дал еще монетку — вытащить билетик для Шута. Лансу перепала «Счастливая весть». Что ж, может быть, не все бумажки врут.

— Что там «мертвяк»? — перво-наперво узнал Валет у приятеля, когда, обойдя ярмарочное поле, свернули к мосту, не к тому, по которому пришли, а к другому, выводящему к фабричной заставе, перешли его и устроились за столиком в маленькой рюмочной. — Объявляется?

— Объявляется, — не порадовал ответом Ланс. — Сам не видел, но слышал: все расспрашивает о тебе. Так что сиди пока, где сидишь, возвращаться не спеши.

— Возвращаться я вообще не собираюсь, — огорошил товарища вор.

— Ясно, — хмуро выговорил тот, помолчав с минуту. — Новую жизнь решил начать. Новое дело. И напарника нового уже нашел.

— Я и о старом не забыл. — Тьен выложил на стол глянцевую карточку. — Вот. И вот. — Положил рядом тоненькую пачку денег. — На первое время. Прибарахлишься, костюм новый возьмешь, тулуп свой на что приличное сменишь. Подстричься бы тоже не мешало. А потом пойдешь по этому адресу. Местная контора фирмы «Анстон и Вивер». Я узнавал: им нужны сотрудники, особенно сейчас, в преддверии праздников. Предпочтительно молодые люди, общительные, предприимчивые, готовые преодолевать большие расстояния и небольшие трудности ради будущего успеха. — Эта фраза значилась в объявлении о приеме на работу, и отчего-то врезалась в память.

— А фишка в чем? — спросил Ланс, успевший упрятать в карман деньги.

— Интересная, а главное, честная работа, большие перспективы. Разве этого мало? На первых порах поработаешь в городе. Внесешь залог — смотри, чтоб осталось с того, что я тебе дал, — получишь товар на продажу и рекламные образцы. В основном книги и всякая хозяйственная мелочевка, я не уточнял. Выберешь район поприличнее, будешь обходить дома и магазины, искать покупателей или возможных заказчиков. Язык у тебя подвешен хорошо, справишься.

— Не понял. — Шут нахмурился. — За товар сначала нужно самому заплатить? Не взять и продать, а купить и продать? По-честному, говоришь?

— Ну да, — растянул с ухмылкой Валет. — Будем из тебя порядочного человека делать. Будем, Люк?

Он обернулся к ребенку, но куда взрослые тянули дешевое вино, малыш, пригревшись в тепле рюмочной, задремал в салазках.

— Зачем из меня кого-то там делать? — громко возмутился Ланс.

Пришлось на него шикнуть.

— Вор из тебя, что из индюка орел, — без обиняков выдал другу Тьен. — Без меня в

слободе долго не продержишься. А эта работенка для тебя в самый раз. И платят неплохо — хватит, если снова все в карты не спустишь.

— Все равно не понимаю, — упрямо повторил белобрысый.

Не понимает он! Прямо ведь сказано, не прокормишься воровством. А пуще того — не сегодня, так завтра погоришь. И не жди, что колода вступится, чай, не козырь.

О козыре он тоже хотел спросить, но если б Ланс что знал, уже сказал бы. А сейчас нужно было что-то с самим Лансом решать. Шут даже не отдавал себе отчета в том, что в последние годы живет исключительно за счет более ловкого и удачливого приятеля, а Тьен никогда бы не подумал его этим попрекнуть. Это ведь нормально, когда заработанное тащат в семью и делят на всех? А его единственной семьей был Ланс. Потому и не мог он сейчас просто уйти, оставив того на произвол судьбы. После встречи с коммивояжером появилась идея, может, и не лучшая, но пока и она сгодится. Да и Манон порадует, та давно дружка пилит, чтоб нормальную работу нашел.

— Чего тут понимать? — переспросил вор, глотнув дрянной кислятины. — Походишь по домам с товаром. В приличных районах потрешься, поосмотришься...

— Так ты и правда серьезное дело надумал! — обрадовался Шут. — Какое? На сколько потянет? Выкладывай!

— К серьезному делу серьезный подход нужен, — осадил его Тьен. — Сперва постарайся, чтобы тебя взяли. А когда возьмут, чтоб на второй день не поперли. Поработай с месяц... Мне пока со своими проблемами разобраться надо, но время терять не будем. Понял?

— Понял. — Ничего не понял, но истово закивал белобрысый. — Но ты хоть скажи... Хоть что-нибудь скажи! Где осел? Чем занимаешься? Пацан откуда?

— Пацан? — Тьен поглядел на спящего ребенка и честно ответил: — Моей хозяйки брат. Квартирку я снял в тихом районе, живу себе, не высовываюсь.

— Это правильно, — одобрил Ланс. — А хозяйка, что? Хорошенькая?

— На любителя, — и тут не соврал он. — И готовит не ахти как — у Манон вкуснее.

— Ну, дык! — расплылся в улыбке Шут. — Манюня у меня — сокровище. Двести фунтов чистого золота!

— Вот и иди к ней, — порешил Валет. — А то подумает еще, что к девке по записочке побежал. Ты же ей не говорил обо мне?

Белобрысый замотал головой, но Тьен по глазам понял: проболтался. Не оттого, что язык за зубами держать не умеет, или Манон такая настырная, что всю правду выпытает, а оттого, что не заведено между ними друг дружке врать. Ланс даже в похождениях своих неизменно каялся. Глупо, но, наверное, такая уж любовь.

— Ладно, — махнул он рукой на стушевавшегося приятеля — С работой разберешься в три дня? Значит, на четвертый встретимся. В слободу уже не приду. Так с тобой договоримся...

На обратном пути заскочил в кондитерскую, купил, как и обещал, конфет спящему в салазках напарнику. А за два квартала до дома неожиданно-негаданно сбылось вытянутое обезьянкой шарманщика предсказание. В первый миг Тьен просто стал, как вкопанный, и дыхание перехватило, а во второй понял: вот она — любовь всей жизни.

Казалось, вечность можно смотреть на нее, любоваться идеальными формами и теряться мыслями в плавных изгибах линий, с наслаждением вдыхая ни с чем не сравнимый запах. Но если бы набраться смелости или наглости, подойти, коснуться рукой. Ощутить скрытую под внешним гляncем силу, почувствовать вибрацию пламенного сердца...

Нет, это был далеко не первый автомобиль, увиденный Валетом. Но то все были какие-то уродцы. Хромоногие доходяги, кашляющие вонючим дымом. Даже те из них, что весьма сносно катили по улицам, умудряясь не подпрыгивать на каждом камушке и не пугать жутким ревом детей и бродячих кошек, и в подметки не годились этому... этой красавице. Невероятной, роскошной...

Вслед за любовью пришла и ревность. Скрипя зубами, вор смотрел, как легко она распахнула дверцу сбежавшему со ступеней банка юнцу. Как заурчала, завелась с нескольких касаний. Дымные калеки так просто не сдавались: рычали и шипели, прежде чем сдвинуться с места хоть на ярд. А эта... Э-эх...

Дивное видение сопровождало его вплоть до самого дома, целиком и полностью захватив мысли. Но стоило распахнуть калитку, как грезы враз улетучились, уступив место мрачной реальности.

Реальность — мрачнее некуда — сидела на крыльце. Когда он вошел во двор, волоча за собой салазки со спящим мальчишкой, она отняла ладони от заревавшего лица, поднялась, утерла глаза и шмыгнула покрасневшим носом.

— Где были? — Девчонке хватило ума и выдержки, не заголосить и не напугать криками брата. Но приглушенный хриплый голос звучал зловеще.

— Гуляли, — ответил Валет.

— Где? — повторилось требовательно.

— На ярмарку ходили, — и не подумал соврать он.

— Через слободу? — под припухшими от плача веками сверкнули злые огоньки.

— Ну и что? — не сдавал позиций Тьен. — Малого я накормил, на морозе все время не торчали, погреться заходили.

— Ясно.

Софи подошла, присела рядом с саночками и погладила малыша по щеке, то ли разбудить, то ли проверить, не зачоченел ли, и Люк тут же открыл глаза.

— Здравствуй, солнышко, — улыбнулась ему сестра. — Хорошо погулял?

— Холосо! — С мальчишки в мгновение сон слетел. — Мы с напалником на дело ходили! Даeko!

— На дело, значит? — бросив на вора злобный взгляд, повторила девчонка. — И как, успешно?

Выслушала сбивчивый отчет о прогулке по слободе и ярмарочному полю, о пирожках, конфетах, смешной обезьянке, большой прибыли и каком-то дяде и без предупреждения

резко рванула привязанную к салазкам веревочку, другой конец которой Тьен все еще сжимал в ладони.

— Держи, твое. — К удивлению парня она достала из кармана сложенную вчетверо банковскую бумажку. — Это то, что ты наперед дал, и за уголь. Когда из лавки вернусь, чтобы тебя тут не было.

И не дав ему ничего сказать, потащила салазки к калитке.

— Эй, ты чего завелась, подруга?

Нет ответа.

Валет оббежал сердито сопящую девчонку и перегородил ей выход со двора.

— В чем проблемы?

— Не было тебя, не было проблем, — буркнула она негромко, чтобы Люк не слышал.

— Ну погуляли мы, что такого? — искренне недоумевал вор. — Я же сказал: брат твой не голодный, не замерший. Все, как для родного: пирожки-конфеты, в кустики сводить... А ты меня, здрасьте-пожалуйста, из дому гонишь.

— Не нужно было его в слободу тащить, — так же тихо и так же зло проговорила Софи. — Мы в твои дела не лезли, так и не надо было Люка в них втягивать.

— Да кого я куда втягивал?!

— В речке давно купался? Скажешь, моему брату с тобой ничего не грозило?

Сказал бы, да вдруг запнулся. А девчонка, и откуда сила взялась, оттолкнула его с дорожки в сугроб и вытащила салазки за калитку.

— Назад с квартальным пойду, — предупредила она, остановившись на секундочку. — Понял? Так что, пока время есть, собирай вещи и уходи.

— Куда? — по-настоящему растерялся вор.

— Куда хочешь.

Вот же стерва!

Тьен в сердцах сплюнул под ноги.

Ладно бы скандал устроила, поорала чуток: визгливые бабы, они отходчивые. Так нет же. С характером девка! И голова у нее тоже варит. Испугалась за малого, поревела, а потом подумала. И верно, если разобраться, подумала. Узнал бы его кто в слободе, жандармы или «мертвяк» тот же, и если б сразу не сцапали, пришлось бы ноги уносить, а «напарника» наверняка бросить. Валет, конечно, не сволочь последняя, но что бы тому малому сделалось? В караулку отвели бы, потом в приют какой передали. Нашелся бы со временем. Правда, на кой жандармам пацан? Могли и не заметить, на улице остался бы...

Да, если с этой стороны посудить, не такая уж хорошая идея была, с Люком в слободу идти.

Но не случилось же ничего?

А его сразу за дверь выставляют!

И куда пойдешь? Нет, место-то найти можно. Но чтоб вот так: район приличный, домик уютный, хозяйка... А ничего так хозяйка: убирала, готовила, стирала, когда надо. И лишних вопросов, в самом деле, не задавала. К тому же — и он об этом всегда помнил — Софи его в тот вечер раненого с мороза притащила, спасла. Дважды за всю жизнь Валета спасали, в первый раз Ланс, во второй эта девчонка, и при том, как сложно он сходилась с людьми, подобное дорогого стоило.

В общем, не хотелось ему съезжать. И он решил, что останется.

В лавку Софи пришла заплаканная, запыхавшаяся. Задержалась дольше отпущенного, торопилась. А слезы? Так как же тут не плакать? Еще вчера все хорошо было: и деньги есть, и кладовая продуктами полна, и платье вот новое...

Но будет уже, пожировали чуток, и хватит. И без квартиранта проживут! Не так вольготно, зато спокойнее. У него же ни ума, ни совести: надо ж было такое придумать — Люка по бандитским своим притонам потащить! Правда, братишка про притоны ничего не рассказывал, про парк только, про обезьянку, да про то, сколько он вкусностей сегодня слопал. Но где ему, маленькому, понимать, как оно на самом деле? Сегодня обезьянки, а завтра — девки непотребные. И не в слободе, а в их доме! И как она сразу не подумала, чего еще от щедрого жилья ждать? Знала ведь, откуда этот Тьен взялся, видела еще летом, да и слышала кое-что. Так что правильно погнала его.

Только не нужно было гордячку из себя строить и плату возвращать.

— Отцу срочно уехать пришлось, — сказала она хозяину, объясняя сразу и задержку, и то, что привела с собой Люка, и зареванные глаза.

Господин Гийом отнесся с пониманием: у самого три дочки. Только ни одна из них не вставала до рассвета и не возилась весь день в лавке.

— Ничего, как уехал, так и назад приедет. Главное, что не забывает вас. А ты мне, Софи, пока вот что...

И работы надавал — до вечера не управиться. Наверное, чтобы лишними мыслями себя не изводила.

Жалко, не получалось. Чем ближе к концу, тем больше думала, как домой идти станет. Правда, что ли, квартального позвать? А сказать, что? А может, придут они с Люком, а там уж и дома нет: разозлится изгнанник этот и спалит все подчистую?

От тревог оторвал звон дверного колокольчика, но кто вошел в лавку Софи, продолжая разбирать товар, не видела.

— День добрый, — поприветствовал покупателя хозяин. — Подсказать что-нибудь?

— Подскажите, уважаемый, — ответили ему негромко. — А то сам я уж не знаю, как и быть.

Девочка испуганно юркнула под прилавок: такого она себе даже не представляла.

Люк, услышав знакомый голос, наоборот, хотел было выбраться из своего закутка, но она махнула ему рукой и приложила палец к губам. Малыш с улыбкой закивал. Верно, решил, что это какая-то игра.

— Буду рад помочь, — отозвался с готовностью лавочник. — Товар у нас весь свежий. Свежайший, я бы сказал.

«Кроме орехового печенья», — машинально подумала Софи. В коробке осталось не больше фунта, но уж две недели не могли сбыть и это.

— Да тут такое дело... — Из своего укрытия девочка слышала, как скрипит пол под расхаживающим туда-сюда парнем, и видела его скользющую по полкам тень. — Я комнату неподалеку снимал. А сегодня с хозяйкой разругался, гонит меня теперь.

— Мы тут вообще-то харчами торгуем, — смутился такому признанию господин Гийом. — А если вам жилье найти надо...

— Да в том-то и дело, что не надо! — выпалил жарко Тьен. — Меня прежнее более чем устраивает. Комната хорошая. Хозяйка — умница, каких поискать. Дом в чистоте держит, готовит — язык проглотишь. И характер у нее золотой, и сама красавица...

— Красавица. — Лавочник крякнул понимающе.

Щекам стало жарко. Скажет тоже, красавица!

— Обидел я ее, конечно, — повинился парень. — Так не со зла же, случайно вышло. Знаете, как бывает, когда сначала делаешь, а потом уже думаешь? Но я готов признать и, если получится искупить. — Голос его вдруг сделался вкрадчивым: — Я даже на повышенную плату согласен, хоть листр сверху положу.

Три листра в неделю — хорошие деньги. Но решения своего она не отменит!

— Вы простите, молодой человек, — не выдержал непонятной беседы лавочник, — но к нам-то вы по какому поводу?

— За покупками, конечно. Вот, думаю, чем бы мне свою хозяйшку порадовать, чтоб сменила гнев на милость. Посоветуете что-нибудь?

— А, это всегда пожалуйста. Барышням и молодым дамам обычно конфеты берут. Или зефир вот. Возьмите зефир, его все любят.

— Не все. — Подумав немного, девочка привстала над прилавком и оправила платье.

Хозяин ее слов не расслышал, но Тьен от предложения лавочника тут же отказался:

— А другое что-нибудь? Шоколад? Или фрукты засахаренные? — спрашивал, а сам следил за нею.

Шоколад неплохо было бы. И фрукты...

— А стоит ли тратиться? — сказала она вслух. — Может, хозяйка назад еще и не примет?

— Софи! — прикрикнул господин Гийом. Не сердито, скорее, удивленно: раньше она в разговоры с покупателями не вмешивалась.

— Я постараюсь ее уговорить, — не обращая внимания на лавочника, а глядя только на нее, произнес парень. — Извинюсь. Пообещаю, что ничего подобного никогда не повторится и ни у нее, ни у кого из ее семьи не будет из-за меня проблем.

«Много ли такое обещанье стоит?» — хотела спросить она, но хозяин соорудил страшную рожу: молчи, мол. Да и Тьен, что куда важнее, выглядел искренне раскаявшимся. И идти ему, наверное, от них некуда...

— Шоколад возьмите, — посоветовала она, отворачиваясь. — Тот, что в желтой обертке, очень хвалят. И фруктов полфунта.

— Нет, фунт, пожалуй, — уловив ее сомнения, расщедрился парень. — Еще что-нибудь посоветуете? Может быть, кроме сладостей к столу чего взять?

— Возьмите, — пожала она плечами. — Буженина у нас вкусная. Окорок. Рыбу сегодня только из коптилен привезли.

Постоялец — уже вопрос, что бывший — послушно брал все.

— И вина бутылочку, вот это, пожалуй, — показал он лавочнику.

«Не нужно вина!» — чуть было не выкрикнула Софи, но вовремя прикусила язык.

— Круп возьмите, — бросила походя. — Всегда пригодится.

Взял.

— Яиц и молока тоже можно. Сахару фунт.

— И пряников давайте. И печенья какого-нибудь.

— Орехового возьмите, — предложил хозяин, но Софи за его спиной сморщила нос.

— Нет, орехового не нужно. Дайте-ка...

— Овсяного, — подсказала девочка. — А пряники у нас медовые и имбирные, берите и тех, и тех. К чаю хорошо пойдет.

— Может, мне и чаю купить? — задумался парень.

— Купите, — словно между прочим сказала она, прикинув, сколько осталось дома заварки.

Господин Гийом только и успевал, что взвешивать да стучать костяшками счет.

— Вы все же подумайте, — спохватилась Софи, глядя в лукавые зеленые глаза. — Хозяйка может еще и не простить.

— Вы ее не знаете, — последовало уверенное. — Добрейшей души человек. Она мне однажды, можно сказать, жизнь спасла. Не для того же, чтоб в мороз из дому выгнать?

Да уж, странно получится, если так.

— Уксуса возьмите, — сказала она напоследок, прежде чем вернуться к оставленной работе.

— Зачем уксус? — опешил удивленный происходящим, но до сих пор стойко молчавший лавочник.

Зачем, зачем. Закончился потому что!

«Какая же я все-таки продажная», — хихикнула девочка мысленно, сама понимая, что не в щедрых подарках дело, а в том, что Тьену, хоть и непонятно почему, она все же поверила. Не обидел бы он Люка. Да и братишка, судя по всему, время неплохо провел.

— Знаешь, что, Софи, — проговорил медленно хозяин, когда груженный покупками парень кое-как вышел за дверь, — а хорошо тебе торговля дается. Не хочешь завтра попробовать за прилавком постоять?

— За ту же плату? — уточнила она с сомнением.

— Нет, конечно. Если пойдет дело, добавлю... немного.

Люк улыбался из своего уголка, облизывая как по волшебству появившийся у него в руке леденец на палочке.

Совсем неплохой в итоге день получился.

Но за днем наступил вечер, нужно было возвращаться домой, и Софи снова стало страшновато: что как раскаянье квартиранта окажется показухой, а за покупки вдвойне рассчитаться придется?

К счастью, страхи оказались лишь страхами.

Тьен встречал их с Люком на крыльце.

— Так ведь и не знаю, простила меня хозяйка или нет, — пояснил он, пожимая плечами.

По виду парня нельзя было сказать, что прождал их все два часа на морозе — скорее, по времени рассчитал возвращение и вышел. Хитрец! Но Софи ничем не показала, что заметила обман, а войдя в дом, оставила приоткрытой дверь.

С ужином возиться не нужно было: и со вчера осталось, и постоялец вкусовых накупил немало. Девочка поставила на плиту чайник и котелок с тушеным мясом, нарезала хлеба и сыра, отобрала в миску квашеной капусты, сдобрила луком и подсолнечным маслом и хотела, как всегда, отобрать еды себе и брату в комнату, а остальное оставить в кухне на столе для Тьена. Но квартирант нежданно вмешался в ее планы.

— Давай, вместе поужинаем? Заодно и поговорим.

— О чем? — всполошилась Софи.

— Просто поговорим. Третью неделю под одной крышей доживаем, и все как чужие. Я о тебе ничего не знаю, ты обо мне.

«Не знаю и знать не хочу», — подумала было она, но любопытство взяло верх.

Привела Люка из комнаты, усадила на высокий стульчик, в аккурат между собою и

постояльцем — как будто спряталась за братишкой. Рассыпала по тарелкам кашу и жаркое. Тьен достал вино, поставил и ей стакан.

— Не бойся, оно не крепкое, ничего тебе с него не будет. Если в меру, то даже полезно.

Мама тоже так говорила. Только наливала ей в стопку на два глоточка, а не сразу полстакана...

Сперва ели молча. Вино Софи лишь пригубила и отставила, а дальше ковырялась в тарелке, низко склонив голову и чувствуя, как краснеет непонятно отчего. А когда Люк справился со своей порцией и попросился к себе играть, от разговора стало уже не отвертеться, и она, со страху, должно быть, отхлебнула из стакана сразу половину и заявила постояльцу, пока тот не спросил первый:

— Рассказывай.

— Что?

— Ну-у... Кто ты?

— Я? — Парень дожеввал и ответил, как ни в чем не бывало: — Я — вор.

Софи поперхнулась — не ожидала с ходу такой честности.

— Я — вор, — повторил Тьен спокойно. — Ты — воровка. Свои люди.

— Я не воровка! — вспыхнула девочка. — Тогда... Это всего один раз...

— Один раз? — усмехнулся квартирант. — А то, что ты меня сегодня почти подчистую обобрала, — как называется?

От его насмешек, щеки занялись пожаром, и Софи, насупившись, сердито стиснула кулаки.

Парень покачал головой и, пододвинувшись поближе, погладил ее по плечу:

— Ладно тебе, совсем шуток не понимаешь. Не воровка ты, не воровка... Так — плутовка. А с этого уже другой спрос, да?

— А я — напалник! — прокричал от двери воротившийся в кухню Люк. — Послите напалу палавоз катать!

— Какой паровоз? — удивилась Софи.

— Замечательный паровоз, — вместо малыша ответил Тьен. — Пойдем, тебе понравится.

Через десять минут она уже сидела со своим стаканом на расстеленном на полу одеяле, обложенная подушками, словно восточная царица. Рядом стояла тарелка с сыром и бужениной, блюдо с засахаренными фруктами и колотым шоколадом и бутылка вина, а вокруг царственного ложа с треском и пыhtением ездил по выложенным на ковре рельсам поезд: красно-черный паровоз с пузатой трубой и два голубых почтовых вагончика.

— Я давно такой видел. — Тьен в очередной раз завел механизм локомотива, опустил состав на рельсы и устроился напротив девочки, отделенный от нее полосатым шлагбаумом переезда. — Мелкий еще был, бегал в магазин игрушек Гофта. Все думал, вырасту, будет у меня своя железная дорога... Но а потом какие там паровозы? Узнал бы кто — на смех подняли бы. А тут увидел на днях, дай, думаю, малому куплю на новый год...

— Чтобы самому играть? — предположила Софи и по ответной улыбке поняла, что не ошиблась.

Да и стал бы он Люку ни за что, ни про что такие дорожные подарки делать?

— А у меня в детстве был поезд, — поделилась она, наблюдая за покачивающимися на рельсах вагончиками. — Большой, красивый. С мягкими купе и вагоном-рестораном. Почти

каждый месяц приходилось куда-то ехать. Тянули новую ветку вдоль побережья, а у нас тогда не было своего дома, и мы разъезжали с инженерными бригадами по только-только проложенным путям. Потом бабушка заболела и мы поселились здесь, чтобы было, кому за ней присматривать.

С тех пор она не ездила больше на поезде...

— Как так вышло, что вы живете сами? — нарушил затянувшуюся паузу квартирант.

— А с кем нам жить? — Софи опустила глаза, сделав вид, что выбирает между шоколадом и цукатами. — Мама умерла в прошлую осень. Отец... У него теперь другая семья. Давно уже, мама еще с Люком ходила. Поехал в Верен, там тогда железнодорожный мост строили, нужны были специалисты... В общем, там и остался. А бабушка еще до того умерла. И дом мне отписала, как единственной внучке. Тогда — единственной. Потом, когда с мамой случилось, приходили какие-то люди, хотели нас с Люком в приют забрать — из соседей кто-то надоумил — а оказалось у нас и живой отец имеется, и собственное жилье. Сказали, городу и так иждивенцев хватает. Но нам и хорошо: в приюте разделили бы, не нашлись бы после, а дома мы вместе...

Она остановила выбор на полупрозрачной дольке апельсина и долго жевала, слушая, как жужжит игрушечный паровозик и хрустит на зубах сахар. Наверное, это от вина, от тепла, от того, что Люк в кои-то веки так счастлив, а ей есть с кем поговорить. Разоткровенничалась. Зря, конечно, все рассказала — как будто на судьбу пожаловалась. А с другой стороны, ему ведь и дела до них особого нет. Сейчас выслушает, назавтра уже забудет.

— А у тебя есть семья?

— Возможно, — с усмешкой передернул плечами вор. — Но я о них ничего не знаю.

Софи недоверчиво прищурилась.

— Честно, — заверил, продолжая усмехаться, Тьен. — Не знаю, не помню. Я и себя лет до пяти-шести не помню. Только имя.

— Так не бывает! — выпалила девочка, заподозрив, что ее бессовестным образом обманывают. Она-то, дуреха, всю правду о себе рассказала, а этот, значит, отмолчаться решил?!

— Бывает-бывает. — Постоялец обновил завод паровозика, спустил его на рельсы на радость бегающего за вагончиками по кругу Люку и подлил себе вина. — Первое, что помню: как сижу я на Людном переулке... Ну да не обо мне ж разговор.

«Разве?» — хотела спросить Софи, но удержалась. Разговор и разговор, неважно, о чем. Люк доволен, радуется подарку, даже не подозревая, что «напарник» не его, а себя игрушкой побаловать хотел. И ей неплохо: постоялец на месте, съезжать не собирается, плату вернул, еды купил, конфет — хоть жменями в рот засовывай...

Больше Тьен ни о чем особо не допытывался. Поинтересовался, сколько ей лет. Сказала: четырнадцать. Не уточняла, что только будет и аж через три месяца. А Люку уже четыре летом.

— Шустрый, — похвалил парень. — И болтает бойко так.

На самом деле мальчик говорил обычно мало и не очень хорошо: не все буквы пока давались. Но Софи согласно кивнула:

— Шустрый.

Ей нравилось видеть братишку таким, веселым и шумным.

Но надолго малыша не хватило, день у него и так выдался длинным и насыщенным событиями. Устав гоняться за поездом, Люк стащил на пол подушку и устроился на ней

рядом с игрушечными рельсами. Лежал на животе, глядя, как пробегает раз за разом мимо него трескучий паровозик, и так и уснул: просто поникла в какой-то миг вихрастая головка и закрылись только что лучившиеся восторгом глаза. Заметив это, Софи сняла с рельсов поезд и засунула под одеяло: пусть там пожужжит, пока завод не кончится. Поправила кровать и наклонилась, чтобы поднять ребенка.

— Дай, я. — Квартирант отодвинул ее в сторону. Взял мальчика на руки, осторожно уложил на постель и покачал головой, поглядев на его сестру. — Завязывала бы ты тяжелое таскать. Надорвешься, а тебе еще... к-хм...

— Что мне еще? — заинтересовалась Софи, но парень отвечать не пожелал.

Пока она аккуратно, стараясь не разбудить Люка, снимала с него вязаную безрукавку и теплые гамаши и укутывала малыша одеяльцем, Тьен наскоро разобрал железную дорогу, задвинул в угол и предложил:

— Может, на кухне посидим, чтоб малому не мешать?

Валет никогда не задавался вопросом, как это связано, но тетка Клара, жившая в его доходке на втором этаже, сразу у лестницы, часто кричала на свою дочь, когда та хваталась за тяжести: «Куда сама? Надорвешься, а тебе рожать еще!». А девка у нее рослая, дебелая, в плечах иного мужика шире. Не то, что Софи. Но на эту прикрикнуть было некому, вот и тянула все сама: корзины с углем, брата, дом, работу. Его тогда от реки приволокла. Зачем? Вор не раз порывался спросить об этом, но все не знал, как подступиться. Теперь же, когда, как в слободе говорят «навел мосты», не мудрствуя лукаво, задал вопрос в лоб.

— Думала, сгодишься. На бульон да на жаркое, — хихикнула девчонка. — Не разглядела сразу, какой тощий.

Вроде и немного вина выпила, но развезло ее чуток с непривычки: щеки покраснелись, глаза блестят, улыбка с губ не сходит.

— На бульон хватило бы, — поддержал он нехитрую шутку. — А не страшно было чужака в дом тащить? Догадывалась ведь, что не семинариста пригрела. Сегодня почти не удивилась, когда сказал, чем живу.

— Догадывалась, — чуть посерьезнела Софи. — Только мне бояться нечего. Вор и вор, красть у нас все равно нечего.

Так-то оно, так, но девчонке, что сама, без отца, без матери живет, от незнакомого парня не только покражи опасаться нужно. А эта и не думает: одно слово — мелкая.

— Бояться всегда есть чего, — попытался вразумить он ее.

— И чего же?

Глазища вытаращила, улыбка, как была, рассеянная. Валета прям злость взяла на такую глупость. Еще чуть-чуть и ляпнул бы такое, чего она отродясь не слыхала, но сдержался. А Софи поерзала на стуле, улыбаться перестала и переспросила серьезно:

— Так чего мне от тебя бояться?

— От меня? — растерялся парень. — От меня — ничего. Я же сказал, я...

— Вот и хорошо. Можно, и я тебя спрошу?

— Спрашивай.

— Как у тебя рана так быстро зажила?

Этого вопроса Тьен ждал давно, но ответа на него так и не придумал, ни для Софи, ни для себя.

— Не знаю.

Девочка обиженно поджала губы.

— Вот и говори с тобой! Я, как есть, все рассказала, а ты...

— Правда, не знаю. Зажила, и все. Я в таком не разбираюсь. Всякое же бывает. У нас в слободе плотницкая одна есть, мебель на продажу делают. Так два года назад сынок хозяйский, лет семь ему тогда было, палец под резак подставил. Начисто оттяпало. А доктор приставил на место, кожу сшил, и приросло. Зуб даю, сам видел.

— Про других ты рассказывать горазд, — заметила Софи. — Как и зубами разбрасываться.

Тьен непроизвольно сжал губы.

— Другое что спроси, — предложил миролюбиво. — Отвечу.

— Сколько тебе лет?

— Не зн... Семнадцать, — вовремя спохватился он, вспомнив каракули в потерянном паспорте.

— А как ты стал вором?

— Как стал воровать, так и стал вором.

— А живешь где?

— Ну ты даешь, подруга! — рассмеялся Валет, забыв прятать дырку в зубах. — Здесь я живу.

— И надолго планируешь задержаться?

Деловитый тон, которым это было сказано, настораживал.

— Снова гнать будешь? — с опаской поинтересовался вор.

— Пока нет. — Софи уже совсем не улыбалась. — Хочу знать, на что рассчитывать.

— Деньги нужны? — понял он.

— Деньги всегда нужны, — вздохнула девочка. — Но мне теперь...

— Договаривай уже, — потребовал Тьен, когда она резко смолкла.

— Тянуться надоело, — призналась она, уставившись в пол. — Каждую монетку считать, экономить. Нормально жить хочется. Есть нормально. Люку самой игрушки дарить, одежду новую... Коньки себе купить. Или под залог брать, но так чтоб не жалеть потом... Понимаешь?

Подняла на него глаза, блестящие уже не от радости, а от выступивших слез, и Валет поежился: серьезный разговор вышел, он не на такой рассчитывал.

— Понимаю. Даже лучше, чем ты себе представляешь. Сам почти о том же в последнее время думаю... А ты что же, решила мне каждую неделю плату поднимать?

Грубую попытку свести все к шутке не оценили.

— Нет, конечно, — сказала Софи серьезно. — Да и три листра — слишком много. Ты же продукты покупаешь, так что пусть уж два, как раньше. А я теперь в лавке буду больше получать... наверное. Еще семян купила, посажу опять. К новому году уже не успею, но весной на цветы спрос будет...

— А, цветочки, — протянул парень.

Вышло, хоть и не хотел, пренебрежительно, и девочка сердито насупила брови.

— Цветочки. И что? Сам, небось, раздумываешь, где бы украсть побольше?

Валет о своей профессии, если и говорил без гордости, то уж точно не с презрением. Царапнуло. Еще и от малолетки, у которой рыльце тоже, между прочим, в пушку.

— Угадала. — Сплюнул он раздраженно. — Деньги, они, говорят, не пахнут. Но тебе-то, после касторки лучше знать.

Врала мелкая, что совсем его не боится: не боялась бы, уже б схватила со стола что-нибудь, бутылку ту же, и приложила его. Если бы получилось. А так — только подобралась вся, очерилась зверенком, но глаза враз просохли от злости.

— Еще тот случай помянешь, пойдешь другое жилье искать, — пригрозила она сквозь зубы. — И подарками уже не задобришь. Я такое только раз сделала. И не только потому, что жить не на что было. Аптекарю тому... Чтоб знал, как на чужих смертях наживаться!

— Что? — опешил Валет, враз позабыв, что хотел как следует приструнить малявку, чтобы не вякала. — Это Ганс на чужих смертях наживается?

Софи закусил губу, потупилась.

— Мама из-за его микстур умерла, — прошептала она едва слышно. — Доктор сказал, если бы по рецепту все делалось...

Совсем не туда разговор свернул.

— Доктор твой что, лично лекарства проверял? — спокойно уточнил Тьен. — А сказать что угодно можно, особенно, если не подумавши. Ганс, конечно, старый уже и ошибиться с его слепотой немудро, но специально обманывать не стал бы, уж поверь. А люди, бывает, и при хорошем лечении... Ну, бывает. Судьба такая. Своей внучке старик, небось, точно по рецепту микстуры готовит, а на ноги так и не поднял. Лежащая она у него, восьмой год уже. Потому, видно, и не продал до сих пор дело: и заработок имеет, себе и ей на пропитание, и лекарства постоянно нужны...

Софи пристыженно умолкла, и парень пожалел о том, что рассказал ей о жизни старого аптекаря. Пусть бы верила, что права — на сердце легче.

— Шла бы ты спать, — вздохнул он. — А то неизвестно, до чего еще договоримся.

— Посуда, — пролепетала девочка. — Присохнет до завтра...

— Ложись. Я помою.

С его стороны это было невероятное одолжение: мыть посуду Валет искренне ненавидел.

После того вечера, когда, борясь с брезгливостью, сперва бултыхался в теплой скользкой воде, а потом с полчаса оттирал щелоком, казалось, намертво въевшийся в руки жир, Тьен пришел к выводу, что хватит с него откровенных бесед и героических поступков. При жилье остался, хозяйка обид не держит — и хорошо. Ужинать, правда, теперь стали вместе и разговаривать чаще, но в основном о пустой ерунде, лишь бы чем себя занять.

На второй день узнал, что Софи в самом деле подняли плату в лавке. С заработком, очевидно, прибавилось и работы, но Валет не расспрашивал, что да как, а сама она не рассказывала. По-прежнему тягала за собой туда-обратно братишку, а возвращаясь, возилась на кухне или бралась за уборку. Даже гулять с Люком ходила, как обычно. Как-то пришло в голову пойти за ними и посмотреть, берет ли девчонка, как мечталось, коньки под залог или топчется у бортика, пока другие катаются. Не пошел, конечно. Подумал, что лучше купит мелкой коньки в подарок — до нового года оставалась неделя. Нужно только присмотреть что-нибудь подешевле, потому как время шло, отложенные когда-то деньги таяли буквально на глазах, а нового места он себе так и не нашел.

Прикидывал, не податься ли и впрямь к театрам. Но у тех наверняка лучшие точки уже оприходованы, да и в колоде, выйди он «в люди», рано или поздно прознают, а этого пока хотелось бы избежать. Нет, от царской свиты беды не ждал. Жил он в слободе честно, в казну свою долю отстегивал, другим работать не мешал, а уйти, тем паче, после всего, что было, — его право. Может, только отступные какие требуют, так и это — вопрос решаемый. Другое дело, если до «мертвяка» дойдет. Франтоватого господина, чей портсигар он до сих пор носил в кармане, хоть после своей «смерти» ни разу больше не закурил, Валет не то что боялся, но всерьез опасался. Чего-то ж ради поднял тот на уши и колоду, и слободских жандармов, чтобы его найти? И явно не за тем, чтобы краденую безделушку вернуть. А зачем — неизвестно. И пока неизвестно, Тьен больше нужного светиться не собирался.

В третий вечер вышел-таки из дому. Прогулялся по людным местам. Дернул пару бумажников — вроде никто не засек. Улов достался некрупный, но на первых порах, не шикуюя, можно и так продержаться. Опять же, пока никто не заметит на своей территории чужака. Но если работать аккуратно, сегодня здесь, завтра там, то и не попадетсЯ.

На том и порешил.

А на следующий день была назначена встреча с Лансом.

Место Тьен выбрал подальше и от родной слободки, и от дома Софи. Неприметный кабачок на окраине делового центра работал допоздна и принимал, как вечно нищих студюзов, так и вполне себе обеспеченных клерков. И те, и другие, сделав заказ сообразно своему кошельку и вкусу, тихо сидели за разделенными деревянными перегородками столиками, тихо жевали и изредка так же тихо переговаривались. Не случалось тут ни шумных попок, ни пьяных драк, ни поножовщины, ни облав. Кухня, правда, оставляла желать лучшего, а за приличное вино сдирали втридорога, но Валет рассудил, что за спокойствие, как и за все в этой жизни, нужно платить.

— У вас не занято?

Специально явившийся пораньше вор допивал уже вторую чашку кофе, когда над

головой раздался простуженный, а оттого казалось, незнакомый голос.

— Нет, располагайтесь, — ответил он, не поднимая головы.

— Покорнейше благодарю.

Сначала на стул напротив полетело теплое клетчатое пальто, а затем прямо на небрежно брошенную одежду приземлился Шут. Привычно встрепанный, но подстриженный и тщательно выбритый, в новом костюме-тройке и — о, диво! — при галстук.

— Тебя прям не узнать, — улыбнулся Валет, довольный, что приятель внял его советам и обновил гардероб, а не спустил легкие деньги в игорном доме.

— Богатым буду, — хитрым котом потянулся белобрысый. — Пожрать... В смысле, поужинать не желаете, сударь?

— Не желаю. — Ну не нравилась Тьену местная стряпня. — А ты, если голодный, закажи чего-нибудь.

Шут задумался, и пришлось добавить:

— Заплачу.

Друг просиял, но наглотать не стал, обошелся густой бобовой похлебкой с мясом и зеленью и двумя порциями сырного пирога. О вине, вопреки обыкновению, даже не заикнулся, и Валет это отметил.

— Рассказывай, — велел он, пока Ланс в ожидании заказа, грыз хрустящую хлебную палочку. — Что с работой?

— Все путем. — Блондин кивнул на стоящий на полу саквояж, вроде того, что был у Мориса. — Второй день в поте лица тружусь.

— И как?

Тьен побаивался, что приятель заявит, мол, ерунда полная, и в гробу он видал эту работу, или потребует немедленно посвятить его в подробности дела, ради которого он должен с утра до вечера обходить дома мало-мальски обеспеченных горожан, но Шут только улыбнулся шире.

— Неплохо, — сказал он так, словно сам удивлен этим фактом. — Весьма... Весьма, засим, извольте, покорнейше благодарю и милостиво прошу. Видишь, мне твоя наука даром не прошла. А вежливое обращение, брат, любые двери открывает. Почти. Ну и карточка еще.

Сверкая довольной улыбкой Ланс выложил на стол перед товарищем визитку.

— Ланселот Крайо, торговый представитель, — прочел Валет с успевшей уже измяться картонки. — Ты — Ланселот?

Бумаг у приятеля он никогда не спрашивал, Ланс да и Ланс. А он, оказывается, не Ланс, а целый Ланселот! Мелочь вроде бы, а покорило: не думал, что у Шута есть от него секреты. У него от Шута — есть. Но чтобы наоборот...

— Ну Ланселот, — стушевался новоявленный коммивояжер. — Мамаша моя в книгарне полы мыла. Видать, почитывала там бабские романчики. Вот и подобрала имечко. А папаша как всегда был слишком пьян, чтобы разбирать, как там сынка обозвали.

Папашу Ланса Тьен помнил. Тот, хоть и не просыхал ни на день, здоровьем обладал отменным и по сей день пил бы, не угоди по пьяному делу три года назад под телегу. Но даже при этом жену свою, женщину, по воспоминаниям знакомых, тихую, набожную и, как только что выяснилось, не чуждую романтики, пережил на добрый десяток лет. Иногда Валет гадал, что Шут взял от таких разных родителей... И тут же задумывался, что ему самому досталось от тех, кого он даже не помнит.

— Хорошее имя, — пробормотал вор. Встряхнулся, отогнал неуместные мысли и поинтересовался содержимым саквояжа: — Что за товар?

— Разный. Например, вот.

Белобрысый извлек на свет какую-то палицу. Отполированная деревяшка дюйма полтора в диаметре, а длиной все десять венчалась выпуклой шишечкой, а с другого ее конца торчали коротенькие загнутые железки.

— День добрый, сударыня, — коротко поклонился Шут в его воображении занявшей место вора дамочке. — Только сегодня и только для вас у меня есть весьма выгодное предложение, — продекламировал он, держа палицу в отставленной в сторону руке шишечкой вверх. — Позвольте порекомендовать вам предмет, нужность которого несомненно оценит любая женщина. Испытав удовольствие от использования нашего товара, вы больше не захотите делать это руками...

Официант, в этот момент выставивший перед господином коммивояжером тарелки, выпучил глаза и покраснел до кончиков редких волос, сделавшись жутко похожим на рака. По-рачьи и удалился, медленно пятясь от стола.

— Что это? — прошипел Валет. К розыгрышам товарища он давно привык, но сейчас для подобных шуток было не время и не место. Не хотелось привлечь ненужное внимание.

— Как что? Ухват для сковородок, конечно!

Перехватив деревянную ручку посередине, Шут попытался железками поддеть одну из тарелок. Со второй попытки ему это удалось, и наблюдавший за ними со стороны официант, вернув себе естественный окрас, успокоенно вздохнул и ушел к ждущим его посетителям.

— И как? Берут? — кивнул Тьен на отложенный в сторону «дамский» товар.

— Это — не очень. У меня, гляди, еще что есть!

Ланс открыл саквояж, вынул что-то и, задрав скатерть, шустро привинтил к столешнице странного вида приспособление: в металлической рамке крепились два тесно трущихся друг о друга жестких войлочных валика, приводимые в движение расположенной сбоку ручкой.

— Молодой человек! — яростно зашипел тут же подбежавший к столу официант. — У нас не принято...

— Чистить ножи? — в наигранном удивлении изогнул бровь Шут. — Жаль, очень жаль... Весьма.

Предлагаемые посетителям столовые ножи своим видом подтверждали сказанное: если их и чистили, то не слишком старательно. Тусклый темный металл пестрел желтыми пятнышками, и господин коммивояжер решил немедленно это исправить. Одной рукой взял нож и сунул его между валиков, второй принялся крутить ручку, при этом то загоня лезвие поглубже, то вынимая почти целиком, так что постепенно вся поверхность оказалась обтерта войлоком.

— Ну вот, совсем другое дело, — заявил он через несколько минут. — Теперь нужно только протереть салфеткой.

Что, собственно, Ланселот и сделал, после чего протянул растерянному официанту блестящий в свете люстр столовый прибор.

— Жаль, проблем с заточкой данное устройство не решает, но у меня есть замечательный точильный диск. Весьма удобен в применении в домашних условиях...

Кроме точильного камня в саквояже Ланса нашлась пара салфетниц (без пояснений понятно, что весьма удобных) и зажимы для скатерти, чтобы не съезжала со стола, — тоже весьма.

Кончилось тем, что официант, впервые столкнувшийся со столь странными клиентами, пригласил к их столику управляющего. А тот, недолго думая, приобрел у расторопного коммивояжера устройство для полировки ножей для нужд заведения и просил занести на днях еще одно — хотел взять и на собственную кухню.

Не привлечь внимания не вышло, но Тьен уже не сомневался, что нашел другу занятие по способностям.

— Мне пора, — сообщил он, пока Ланс не вспомнил о «большом деле», ради которого нанялся торговать вразнос. — Еще через недельку или две свидимся.

— Где?

— Я придумаю, — заверил Валет.

— Снова с напарником придешь?

— Может быть. А может, и с напарницей.

Появилась одна идея. Оставалось обмозговать получше.

С наступлением холодов у старого Ганса прибавилось посетителей. Не то, чтобы совсем уж зачастили, но работы стало больше, чем по теплomu времени. То простынет кто, то пальцы обморозит — плохо, конечно, но ведь и аптекарю нужно на что-то жить.

Старик как раз закончил готовить микстуру с алтейным корнем и, покуда заказчик не явился, по своему обыкновению присел у стойки перечесть дневную выручку, когда входная дверь медленно отворилась, впуская внутрь порыв холодного воздуха и новую покупательницу. Совсем юная девушка, худенькая и невысокая, в длинном и, кажется, великоватом на нее коричневом пальто и в сером пуховом платке, повязанном поверх кроличьей шапочки, неспеша подошла к прилавку, кивком поздоровалась, невнятно прошептав что-то растрескавшимися на морозе губами, и принялась сосредоточенно рассматривать уставленные бутылочками и баночками шкафы за спиной аптекаря.

— Что нужно-то? — поинтересовался старик сварливо.

Обычно люди с порога говорят, зачем пришли, а эта, никак, просто погреться завернула.

— Мне... горчичников дайте. — Голос у девушки был хриловатый, но не так, как от простуды бывает, а словно в горле у нее пересохло. — И еще... еще... Рыбий жир есть у вас?

Ганс сгреб с прилавка монеты, убрал в ящичек и развернулся к полкам.

— Есть. — Он поставил перед покупательницей пузырек.

— А-а... масло облепиховое?

— Вам, барышня, если губки мазать, готовый бальзам возьмите. — Старик достал из-под прилавка маленькую баночку. — Вот. Помогает лучше, и по цене не намного больше выйдет.

— Спасибо. — Девушка смущенно опустила глаза, но лишь на миг, а затем снова уставилась на полки, куда-то на самый верх. — Мне бы еще сало со скипидаром, для растирки.

— Готового не держу, — объяснил старик. — Подождете, смешаю.

— Нет, вы мне тогда просто скипидару отлейте. И полынной настойки, если есть. И шиповника сироп. И валерьянки. И...

— А денежка у вас, барышня, простите, имеется? — недоверчиво сощурился Ганс. Было с чего: по таким заказам и не поймешь, чем болеет и на что жалуется. Разве что на голову.

— Да, конечно.

Странная покупательница положила на прилавок бумажку в три листра, и аптекарь,

махнув рукой, принялся собирать заказанные снадобья. А пусть бы и на голову — лишь бы не задаром на стремянку лезть, выискивая на полках нужную бутылочку...

Только подумал об этом, а за спиной уж раздались торопливые шаги, и хлопнула дверь. — Вот шельма!

Аптекарь чуть с лесенки не свалился. Подбежал к прилавку, поглядеть, не прихватила ли девица чего из лекарств на дармовщинку, и замер. Стянул с носа очки, протер глаза. Все было на месте, только баночка с бальзамом для губ пропала, но возмущаться по этому поводу Ганс не стал, ведь рядом с аптечными пузырьками лежала банкнота в три листра.

Выскочив на улицу, Софи припустила бегом. Неслась во всю прыть, почти летела. И не диво — такой камень с души упал.

Сегодня у нее был выходной, и девочка, дотерпев, пока Люк уснет после обеда, оставила братишку с квартирантом, строго-настрого приказав никуда из дому не уходить и малыша не уводить. Сказала, что нужно отлучиться на часок по срочному делу. С делом, слава богу, разобралась. Теперь бы домой успеть. Паровозы паровозами, а доверия к постояльцу у нее не сильно прибавилось, и надолго бросать с ним Люка не хотелось. Да и ужин еще готовить...

За переездом Софи остановилась, отдышалась и дальше пошла обычным шагом. Людей навстречу попадалось немного, а оттого стоявшую на перекрестке пару девочка заметила издали, а приблизившись, уже не отводила глаз. Высокий мужчина в легком не по погоде плаще и без головного убора и дама в богатой черной шубе и высокой каракулевой шапочке, украшенной большой блестящей брошью, привлекли бы ее внимание даже будь улица забита народом. Во-первых, не тот это район, чтобы подобные господа тут разгуливали, а во-вторых, она узнала женщину. Трудно забыть такую красавицу: бледное, и на морозе не разрумянившееся лицо, яркие синие глаза и длинные золотистые волосы, как и в тот вечер, ничем не собранные, и свободно спадающие из-под шапочки по сверкающему на солнце меху. А вспомнив даму, Софи вспомнила и ее спутника, и услышанный когда-то разговор.

Тревожное предчувствие заставило отвести взгляд от блистательной пары и ускорить шаг, но проскочить мимо не удалось. Едва она поравнялась с женщиной, та шагнула к ней и резко, хоть и не грубо, взяла за плечо. Мужчина тем временем встал за ее спиной, так близко, что Софи слышала, как он постукивает тростью по обледеневшим булыжникам.

— Прелесть, правда, Фер? — спросила у него незнакомка, разглядывая испуганно замершую девочку. — Ты снова не ошибся.

— Я редко ошибаюсь.

— Значит, вода? — улыбнулась женщина. Улыбка у нее была красивая, но какая-то холодная. А вот пальцы, легонько толкнувшие Софи под подбородок, заставляя поднять голову, — теплыми, несмотря на мороз. — Огонь, вода... Что теперь? Воздух?

— Думаю, земля, — непонятно ответил на непонятный вопрос мужчина. — С воздухом могут быть сложности.

— Посмотрим.

Красавица, склонив к плечу голову, заглянула девочке в глаза.

— Ты ведь знаешь, о ком мы? — спросила она нараспев.

Софи затрясла головой.

— Знаешь-знаешь. А знаешь, где он сейчас?

Снова — нет.

— Ну и ладно, — легко отмахнулась прекрасная незнакомка. — Все равно мы еще

встретимся. Но если вдруг увидишь его раньше, чем мы, передай ему... Передай ему вот что.

Обхватив ладонями ее лицо, красавица притянула девочку к себе и поцеловала. Не просто коснулась губами губ, а впиалась в них, высасывая выступившую из трещинок кровь и слизывая ее языком.

— Лили! — строго окликнул свою спутницу мужчина, прежде чем Софи попыталась вырваться. — Прекрати.

Женщина отстранилась. Облизнула губы.

— Какой ты зануда, Фер. Мне в самом деле уже нравится этот мальчишка. Можно сказать, я заочно влюблена...

Оставив Софи посреди тротуара и, казалось, напрочь о ней забыв, красавица взяла мужчину под руку и неспешно пошла с ним по улице, продолжая о чем-то говорить. А девочка постояла еще с минуту, убедилась, что ушли они не в ту сторону, куда нужно ей, и даже не глядят ей вслед, и бросилась бежать, не останавливаясь теперь уже до самого дома.

Софи примчалась, когда Люк только-только проснулся.

Из детской Тьен слышал, как она влетела в прихожую и с грохотом захлопнула входную дверь. Как затем, должно быть, оступилась, снимая сапоги, уронила что-то или сама упала. Потом забежала в комнату: платок сполз, шапка набекрень, пальто на одном плече — по полу волочится.

— И надо было торопиться? — спросил, по-своему истолковав ее спешку, парень. Подбросил на руках малого. — У нас все в порядке. Правда, напарник?

Девчонка поглядела на них, захлопала глазами и вдруг, ни с того, ни с сего, разрыдалась.

Валет растерялся. А Люк испугался. Прижался к вору, из-за его плеча посматривая на сестру, а через минуту, видя, что та никак не хочет успокаиваться, сам захлюпал носом и из припухлых со сна глазенок покатались по щекам крупные капли.

— Эй, вы чего?

Тьен встряхнул мальчишку, но тот расплакался еще больше, вырвался у него из рук, кинулся к усевшейся прямо на пол Софи и спрятался у нее под пальто. Так они и ревели оба. Она — с тихими неразборчивыми причитаниями, сотрясаясь всем телом и размазывая по покрывшемуся пятнами лицу непрерывными потоками льющиеся слезы. Малой — просто по-детски, от страха и непонимания.

Странно это было. А что самое странное — Валета этим плачем зацепило. В другой раз и на кого другого рявкнул бы, что нечего тут сырость разводить, — мигом умолкли бы. Или вообще к себе пошел бы, и пускай рыдают, если заняться нечем. Но сейчас захотелось присесть рядом, успокоить как-то, утешить, а прежде всего — разобраться, что так расстроило его квартирную хозяйку. Девчонка, как он успел понять, была не из слезливых, из-за какой-нибудь ерунды ныть, а тем паче братишку пугать, не стала бы. Значит, причины серьезные.

Правда, утешитель из Тьена был еще тот. Не учит колода жалости. Да и кого ему было жалеть? Кнопку, пацана, с которым в ночлежке делили на двоих вонючий соломенный тюфяк? Им лет по семь было, когда Кнопка, чьего настоящего имени он так и не узнал, стащил на рядах вяленую рыбину. Квельый он был, бегал плохо, еще и через мешки перецепился. Догнали. Рыбину отобрали, а Кнопку даже не били — швырнули в сторону, об кирпичную стену. Головой. Тьен его тогда до ночлежки кое-как дотащил, хотя с полпути уже

знал — поздно. И на целую неделю тюфяк стал только его.

Вот Кнопку было жалко. И горбуню Нэн — их общую няньку, разводившую малолетних попрошайек по слободе, а к вечеру собиравшую снова вместе с добычей. Она варила на всех похлебку и жарила пресные лепешки, а когда бывала в духе, рассказывала странные и длинные сказки. Никогда не заканчивала, но Тьену нравились эти истории. Он уже ушел в науку к Ловкачу Мило, когда узнал, что старуха слегла. Бывшие питомцы скинулись и позвали к Нэн настоящего доктора, но тот даже денег не взял — только руками развел. Валет, который тогда еще не был валетом, через день бегал в ночлежку с гостинцами. Почти месяц...

После Нэн да еще старика Михала жалеть уже было некого. Разве что Ланса. Но тому какая жалость нужна? Деньгами пособить, накормить, иногда приютить на денек-другой — вот и все.

А опыта в успокаивании разнюнившейся малышни у Тьена не было.

Вытащил сперва Люка. Усадил на кровать, достал из кармана портсигар — всучил поиграться. Конфет наобещал, поезд запустить, еще чего-то. Вроде умолк.

Тогда занялся его сестрицей. Поднял на ноги, вытряхнул из пальтишка, смотал с головы платок. Усадил рядышком с малым. Сладостей не сулил. Принес с кухни стакан воды, сунул в руки, а сам присел напротив девчонки на корточках, думая, что бы ей такое сказать, чтобы больше не плакала. Не только сейчас, вообще чтоб не плакала. Не нравилась она ему такой: глаза краснющие, нос распух, губы дрожат — страшенькая, если хуже не сказать.

— Ты попей, — кивнул он ей на стакан, который Софи сжимала в побелевших пальцах, но так и не пригубила. — Попей, успокойся.

Она сделала глоточек, всхлипнула и неожиданно плеснула оставшуюся воду парню в лицо. Следом полетел и стакан, но Валет успел увернуться, и тот разбился не об его лоб, а об стену за спиной.

— Все из-за тебя! — выпалила девчонка. — Из-за тебя! Лучше бы ты сдох в том проулке!

Люк испуганно отполз от сестры и скривил рот, готовый в любую секунду снова зайтись плачем. Тьен поглядел на него и удержался и от ответной грубости, и от оплеухи, которую уже собрался отвесить мелкой за внеплановое умывание.

— Брата хоть не пугай, — сказал он негромко. — Успокойся. Стекла собери. Тогда и поговорим.

Вор протянул мальчику руки:

— Пошли ко мне, напарник. Поищем конфеты.

Десяти минут девчонке хватило.

Тьен за это время успел сменить намокшую рубашку и растормошить малого: тот уже не хныкал, жевал пастилу и катал по покрывалу сложенный из газеты кораблик. Но на душе у вора было тревожно. Что могло случиться? И как он в этом виноват?

Когда приоткрылась дверь, и Софи заглянула в комнату, сам чуть было не кинулся навстречу.

— Рассказывай, — велел коротко, дождавшись пока она усядется на кровати рядом с заигравшимся братишкой.

Единственное, что он понял без лишних пояснений, так это то, зачем она ходила в слободу. Совесть покоя не давала. А после аптекарской лавки начиналось нечто

невразумительное. Остановили, что-то странное сказали, ни о чем не расспрашивали, следить не стали. Казалось бы, чего тут бояться?

Но поднимать девочку на смех Валет не спешил.

— Мужчина как выглядел? — спросил он серьезно.

— Высокий. Худой. Лет сорок на вид. Волосы темные, короткие. А глаза наоборот — светлые. Лицо... приятное такое. Спокойное.

Парень нахмурился. По описанию выходило, что Софи повстречался «мертвяк». Но если бывший владелец портсигара каким-то образом узнал, что девчонка связана с ним, с Тьеном, почему не стал ни о чем расспрашивать и не предпринял попытки разыскать его через нее?

— А женщина?

Еще не избавившееся от следов недавних слез личико Софи скривила гримаса отвращения.

— Красивая, — выдавила она через силу. — Очень.

В женщине, видимо, и было дело. «Мертвяк» с приятным лицом мог насторожить девочку, напугать, но уж точно не довести до слез.

Но выведать подробности ее общения с незнакомкой оказалось непросто. Софи бледнела, краснела, кусала губы, пока наконец не сдалась. Отвела в сторону взгляд, пряча вновь заблестевшие на глазах слезы, и еле слышно прошептала:

— Она меня поцеловала. Просила передать тебе.

— Что передать? — не сразу понял парень.

— Поцелуй.

В пору было рассмеяться, но стало еще тревожнее.

Чтобы успокоить девочку, вор заявил бы, что знать не знает, что это были за люди, и что они просто ошиблись, спутав ее с кем-то, но чувствовал, что в такое объяснение она не поверит. Сказал бы ей правду... Но правды он сам не знал.

— И что теперь? Снова велишь собирать вещи?

Уходить ему не хотелось. Тьен успел привыкнуть к этому дому и к маленькой семейке хозяев. Но еще меньше хотелось навлечь на Софи и Люка неприятности.

— Не знаю, — опустила голову девочка. — Ты ведь не скажешь мне, кто это такие и чего еще от них ждать?

— Не скажу, — согласился вор.

И вдруг, незаметно для себя самого, выложил ей все с начала и до конца. О том, как украл дорогой портсигар у богатенького щеголя и с тех пор стал видеть его два раза в неделю, но всегда лишь мельком и издали. О том, что после того, как его едва не убили, странный господин организовал на его поиски слободских легавых и посулил богатую награду. О том, что теперь сам недоумевает, почему, если он был так ему нужен, тот не воспользовался шансом прийти сегодня вслед за Софи...

— А чего я вообще не понимаю, так это, как они поняли, что ты со мной знакома, — закончил парень свою историю. — Но как-то поняли. Так что, если тебе будет спокойнее, я уйду. Совсем.

Она долго молчала, обдумывая его предложение, а потом медленно проговорила:

— Сегодня пятница, да? Ты сказал, он приходит по средам и пятницам, — значит, еще четыре дня можно не ждать... Поможешь на ужин картошки начистить?

На миг пришло на ум, что она не захотела терять тех денег, что он платил за комнату. Но Валет тут же отбросил эту мысль.

Просто пожалела его, как тогда, в переулке.

Софи росла не в ночлежке Сун-Реми, училась жизни не при колоде и умела по-настоящему сочувствовать другим, будь то оставшаяся в холода без угля соседка, несправедливо обиженный старик-аптекарь или подстреленный шулером вор. Тьен ничего не сказал вслух, даже не поблагодарил, но мысленно обещал себе, что сделает все от него зависящее, чтобы мелкая никогда не пожалела о своей доброте.

— Поцелуй-то передавать будешь? — вспомнил он уже после ужина.

— Размечтался! — сердито буркнула девчонка и отвернулась, чтобы он не заметил, как она покраснела.

— Ну и не надо, — не настаивал вор. — Оставь себе.

В голове с треском вертелись шестеренки, рождая откуда-то знакомый ритм: пам-па-пам-па-па-пам... Среда-па-пятница-па-па-па-па-среда-па. Так стучат паровозные колеса... Нет, так проворачивается ключ в сложном многоступенчатом замке, открывая дверь. Дверь куда? Или откуда?

Огонь, вода, земля, воздух... Земля или воздух?

Показалось, он знал это когда-то, а после забыл.

«Вспомню, — сказал себе Тьен. — Обязательно вспомню»

Ночь Софи почти не спала. Едва задремав, испуганно вскакивала, озиравшись по сторонам, и в темноте мерещилось, что в комнате есть кто-то, кроме них с Люком: стоит, то у окна, прячась в складках тяжелых плюшевых штор, то у шкафа, и тихонько посмеивается над ее страхами.

В конце концов зажгла лампу. Со светом стало спокойнее, но сон все равно не шел. Мешали мысли, одна другой тревожнее, и воспоминания о прошедшем дне.

Ничего более отвратительного она еще не испытывала. Стыд, гадливость, ощущение полной беспомощности и собственного ничтожества рядом с ледяной красавицей — далеко не полный перечень прочно завладевших душою чувств, но всего остального девочка не понимала, не могла и не хотела объяснять даже самой себе. Единственным ее желанием было никогда больше не встречаться с той женщиной и навсегда забыть омерзительный поцелуй.

Одно радовало Софи во всем произошедшем — Тьен все-таки останется. Да, не будь его, не случилось бы и этой странной встречи. Да только... Деньги? И это, возможно. Но в последнее время появилось и другое — то, что она поняла, только когда он сказал, что уйдет, если ей так будет спокойнее. Ей не хотелось его отпускать. Впервые, с тех пор, как не стало мамы, она не была одинока перед лицом каждодневных трудностей, впервые рядом был кто-то, кто, пусть не совсем бескорыстно и не из одной лишь доброты, но все-таки заботился о ней и о Люке. Это было приятно, не говоря о том, что существенно облегчало их жизнь. И с Тьеном можно было говорить. Редко, когда у парня бывало настроение расспросить ее о чем-нибудь, но честно — не так, как с Ами или Анной, когда она на ходу сочиняла для подруг, какой пирог испекла сегодня мать или куда они поедут в выходные с отцом, и не так, как с сударыней Жанной, для которой у них с Люком всегда и все было хорошо.

Иными словами, ей нравилось, что вор (да, вор, но это его личное дело!) живет с ними, и возможная опасность, которую представляли загадочный мужчина и его жуткая спутница, казалась слишком незначительной причиной чтобы отказаться от такого... постояльца? Друга?

Но это не означало, что Софи совсем не боялась. Боялась, и очень сильно!

С утра, задремав почти к рассвету, чуть не проспала гудок. Встала еле-еле, растормошила братишку и потащила его в лавку, ежеминутно оглядываясь и присматриваясь к каждому встречному. А в течение дня, то и дело вздрагивала от звонка дверного колокольчика.

В страхе дожив до закрытия, точно так же, озираясь и шарахаясь прохожих, добралась домой. Люк просился на каток, но, представив, каково будет идти по темным улицам на площадь, а потом и обратно, Софи наотрез отказала малышу. Собрала железную дорогу, завела поезд, принесла печенья и теплого молока — все, что хочет, лишь бы не тянул гулять.

Тьен ушел куда-то, не дождавшись их возвращения, и девочка переживала еще и за него. Успокоилась, только услышав, как хлопнула входная дверь, а потом раздались в коридоре уверенные шаги. К ним квартирант сегодня не заглянул и даже не ужинал, хоть Софи и оставила все на плите, чтобы не остыло. Но выйдя спустя час на кухню, девочка увидела на

столе бумажный пакет со сдобой и два леденца на палочке, и от сердца тут же отлегло.

...А леденцы, конечно же, для Люка. Оба.

На следующий вечер было то же самое: сладости и паровозик взамен катка.

Только Тьен сидел дома.

— Гулять не идете? — удивился он, заметив, что Софи вместо сборов поставила на плиту чайник.

— Нет. Холодно сегодня.

На самом деле вечер выдался не хуже предыдущих, а то и получше: ясный, безветренный. Легкий морозец держался, казалось, лишь для того, чтобы не дать растаять снегу и залитой на площади ледовой арене.

— Боишься? — догадался парень. — Сама же говорила, до среды...

— Мы дома побудем, — пробормотала Софи. — Я на работе устала.

Устала, и лучшим отдыхом было бы прогуляться по свежему воздуху, увидаться с подругами, взять коньки и скользить, держась за руки, вокруг установленного в центре катка и украшенного к празднику святочного дерева. Но ей не хотелось, чтобы Тьен чувствовал себя виноватым в том, что она отказывается от этой маленькой радости.

— А хочешь, вместе пойдем? — спросил он.

Прозвучало это неожиданно, и в первую секунду девочка растерялась. А когда пришла в себя, оказалось, что она уже держит в руках какой-то сверток, за которым постоялец успел сбегать к себе.

— Ну, разворачивай, — приказал он.

— А...

— Подарок это. Тебе, — пояснил вор с таким безразличием, будто подарки ей — дело для него обычное, и чуть ли не ежедневное. — На новый год.

— Так может, пусть до нового года и полежит? — робко предложила Софи. — Два дня еще.

Вышло, словно она отказывается.

— Не выделяйся, мелкая, — парень раздраженно дернул губой. — Сейчас не возьмешь, потом не будет.

Разве так подарки делают?

Девочка обиженно засопела и думала уже заявить грубияну, что ничего ей от него не надо, но любопытство взяло верх. Она осторожно развернула плотную серую бумагу и на целую минуту забыла дышать. Внутри лежали коньки. И какие коньки! Не железки с ремешками, чтобы крепить к обуви, которые того и гляди соскользнут, а расчудесные ботиночки из коричневой кожи, ладные и добротнo прошитые, теплые и мягонькие внутри, и к подошвам намертво приделаны блестящие лезвия — хоть капусту шинкуй.

...А если полозья сбить, ботинки по весне просто так носить можно будет. И на новую обувку тратиться не придется...

— Спасибо, — смущенно поблагодарила Софи квартиранта, прижав к груди неожиданный подарок.

— Ты хоть примерь, — ухмыльнулся он. — Вдруг не подойдут. А если впору, одевайся и малого собирай. Вечерок погожий, нечего в четырех стенах сидеть.

Ботиночки пришились по ноге. Тютелька в тютельку, даже обидно: на будущий год не оставишь.

Но девочка недолго расстраивалась. Не терпелось скорее оказаться на площади, опробовать подарок в деле. Теперь она и без провожатого пошла бы, но отказываться было неудобно. К тому же Тьен, к немалой радости малыша, взялся везти Люка, и Софи могла идти за ними налегке, обнимая сумку с коньками, и представлять, с каким восторгом, если не завистью, встретят подруги ее обновку.

Нужно было только придумать, как представить постояльца Анне и Амелии. Правду не скажешь. Может, кузен? Приехал откуда-то издалека... Но лучше бы ему просто в сторонке постоять, как будто он и не с ними.

Она раздумывала, как потактичнее, чтобы не обидеть, намекнуть об этом парню, когда дорога вывела к памятному проулку. С того вечера Софи ни разу больше не ходила этим путем и сейчас обошла бы, сделав крюк через парк, но изображавший резвую лошадку Тьен уже втащил салазки в темный проход между домами, и девочке ничего не оставалось, как пойти следом.

У сливного желоба парень резко затормозил. Разогнавшиеся саночки остановились, только ударив его по ногам, но он как будто и не заметил.

— Здесь? — спросил, обернувшись к застывшей позади девочке.

Софи кивнула. Холод прокрался под пальто вместе со страхом, и показалось, что она вновь видит перед собой бледное до синевы лицо, бескровные губы и желтые змеиные глаза...

— Кажется, припоминаю что-то, — неуверенно произнес вор. — Река и... Далеко отсюда до дома.

— Я салазки взяла, — смущенно пояснила она.

— Но, лосадка! — поторопил Люк.

— Сейчас поедem, — мягко пообещал ему Тьен. Обошел саночки и вплотную приблизился к девочке. — Я ведь тебя и не поблагодарил толком. И не отблагодарил. А жизнь, какая-никакая, все ж подороже фунта шоколада и пары коньков.

Софи осмелилась посмотреть ему в лицо. Глаза были не желтые, и зрачок не вытянутый, а лишь расширившийся, как обычно бывает при плохом свете, но ее это не успокоило: яркая зелень, и без того казавшаяся неестественной, теперь пугала странным внутренним светом. Словно не глаза, а две зеленые звездочки...

— Мне ничего больше не нужно, — прошептала она, дрожа, и одновременно с тем не в силах отвести взгляд от завораживающего сияния.

— Лосадка, лосадка! — требовательно позвал Люк. — Но! Впейод!

— Ох и нетерпеливый ездок попался! — шутливо всплеснул руками Тьен. — Бедной лошадке ни передохнуть, ни сена пожевать!

Не закончив разговора, он послушно впрягся в салазки и помчал хохочущего мальчишку к выходу из проулка.

А на площади Адмиралов все тревоги и страхи забылись сами собой. В переливе разноцветных фонариков и под звуки веселой музыки и смех гуляющих можно было думать лишь об одном: как бы поскорее найти свободную скамейку, стянуть сапоги и вдеть ноги в новенькие ботиночки, а потом резать ножами-полозьями сверкающий лед катка.

— Давай, помогу, — подошел Тьен, когда она, кое-как примостившись на краешке лавки, где нахохлившись, как воробы на ветке, сидели тесным рядом наблюдавшие за играющей ребятней мамки и няньки.

Присев на корточки, парень поймал стыдливо подогнутую под скамью ногу и, не

замечая протестов, стащил с нее сапог.

— Я сама... — жалобно пропищала Софи. Жар прихлынул к щекам: казалось, все на площади только и заняты, что смотрят, как он переобувает ее, заботливо подтягивая носки.

— Еще чего! — недовольно пробубнил Тьен. — Плохо зашнуруешь, навернешься на льду, а мне тебя потом разбитую домой тащить?

Нашло на него что-то. Видно, после проулка. И приятно вроде бы, да и впрямь самой неудобно было бы. Но стыдно-то как! словно маленькую ее обхаживают. И носки на пятках штопаные-перештопаные...

— Софи! Вот ты где!

Сестры Ламиль объявились совсем некстати и уставились во все глаза: Ами на новые коньки подруги, а Анна на сидящего у ее ног молодого человека. Тьен, занятый шнуровкой, подошедших даже не заметил, а Софи снова сделалась похожей на спелую вишню.

— Здравствуйте, — пролепетала она, пытаясь при этом высвободить от непрошенного помощника свою ногу. — Мы только пришли... вот... А это...

Откуда девицы взялись, Тьен сразу и не понял, словно из-под земли выскочили. Обе рыжие (медные кудряшки торчали из-под пушистых шапок), синеглазые и любопытные. О том, что они сестры, только слепой не догадался бы.

— Виктор, — поднимаясь на ноги, представился он, пока Софи не успела его назвать.

Не учел, что у мелкой тут знакомые, а то заранее сговорились бы. Но сметливая девчонка и так не растерялась:

— Это мой... наш с Люком кузен. А это — Анна и Амелия.

— Очень приятно, — раскланялся вор, привычно прикидывая состояние барышень. Шубки на обеих новые, наимоднейшего в эту зиму фасона, да только не соболь и не куница, а кролик крашенный. А вот шапочки песком оторочены, и под мехом золотые серьги блестят. Мещаночки, по всему, но из зажиточных.

— Взаимно, — вежливо улыбнулась ему младшая из сестер и, сочтя на этом разговор оконченным, кинулась к Софи, на всю площадь восторгаясь ее новыми коньками и требуя немедленно «обкатать» обновку на льду.

Старшая же — с ходу Тьен дал ей лет шестнадцать-семнадцать — наоборот, казалось, была бы не против продолжить едва завязавшуюся беседу. Валет и сам не возражал бы, да только не привык он с такими девицами общаться. Если и сталкивался до этого дня, то исключительно по работе: браслетик с ручки позаимствовать, медальончик с шейки сдернуть...

Парень тяжело сглотнул.

— Я вас здесь раньше не видела, — пропела барышня, первая делая шаг навстречу.

— Я только вчера приехал, — нашелся он. — Из Галора.

— Правда? — Анна (если он не перепутал имена) захлопала пушистыми ресницами. — Вы там живете? А я никогда не была на море.

Тьен — тоже. Но знал, что из Галора возили копченую треску и сельдь на продажу. А вот чего не знал: прилично ли будет уже через пять минут знакомства предложить девушке опереться о его руку, пока они прохаживались вдоль бортика, в то время, как Софи, оставив под его присмотром брата, ушла кататься с Амелией. Решил рискнуть. Девушка ответила застенчивой улыбкой, но не отказалась, и вынырнувшая из пушистой муфточки ладонь робко легла на его руку. Это было похоже на то, как они порой прогуливались с Иви, но только по-

настоящему. В смысле, просто прогулка, которая не закончится покупкой бутылки вина и ее совместным распитием в постели... Что в данном случае было даже немного жаль.

Поначалу растерявшись, вор быстро освоился в разговоре и скоро наврал уже на три тома биографии, и про то, что действительно вырос на побережье, любясь из окна на огромные пароходы и легкие прогулочные яхты, и про то, зачем оставил родной город и приехал сюда — учиться, конечно же. Сначала — в мастеровом училище, а затем, как подсказал незабвенный господин Морис, в университете, чтобы стать инженером. А когда, случайно открыв в улыбке зубы, заметил, как поморщилась барышня, узрев темную прореху, сочинил уважительную и не лишенную романтического налета причину досадному изъяну.

— Какой ужас! — ахнула Анна, услышав, что он, впервые сев за руль дядюшкиного автомобиля, не справился с управлением и врезался в столб. — Я теперь тоже буду бояться ездить на этих железных монстрах. Но это становится модно, вы заметили? Сослуживец отца приобрел недавно автомобиль, потратил целое состояние...

— Простите, это ваш знакомый? — невежливо перебил собеседницу Тьен, взглядом указав на высокого тощего юнца, таскавшего за ними по кругу, словно кто-то привязал его к салазкам Люка за нелепый желто-красный шарф. Вора такое навязчивое внимание раздражало.

— Впервые вижу, — передернула плечиками девушка. — Пойдемте-ка лучше туда, представлю вас отцу, если вы не возражаете. Он у нас старого воспитания и, наверное, уже извелся, наблюдая, как я фланирую тут с симпатичным молодым человеком.

Предложение сопровождалось милейшей улыбкой, а бежать все равно не вышло бы — вцепилась барышня намертво.

Впрочем, разговор с родителями — к строгому батюшке прилагалась не менее строгая матушка — прошел без проблем. На господина и госпожу Ламиль новый знакомец дочери произвел исключительно приятное впечатление, во многом благодаря озвученным Анной планам о поступлении в университет, рассказу о дядюшкином автомобиле и вовремя извлеченным из кармана часам, ценою и качеством в разы превосходящим часы господина Ламиля.

Правда, еще неизвестно, во что в итоге вылился бы учиненный папашей допрос, но Люк, уставший сидеть в салазках, заявил, что хочет на горку. Правильный напарник — знает, когда нужна его помощь.

А вот сестрица его напрочь о них обоих забыла.

Обид на этот счет Тьен не имел: пусть хоть один вечер мелкая порадует — покатается, обновой покрасуется, вместо того, чтобы с братом носиться. Но когда Софи, раскрасневшаяся и веселая, какой он ни разу ее не видел, оставив лед и переобувшись, подбежала к ним с Анной и спросила, не утомил ли их Люк, тут же всучил ей поводья от салазок.

— Пойдемте кукол смотреть! — позвала девочка. — Мы с Ами видели, на той стороне ширму поставили...

— Сами идете. — Ответ парня чуть притушил горевший в широко распахнутых глазах восторг. — Держи вот, — он достал из кармана бумажник и вынул несколько монет, — купите себе сахарной ваты или еще чего-нибудь.

— Но... — Софи запнулась, а на разругавшемся личике проступили непонимание и обида.

— Гуляй. — Тьен сунул деньги ей в рукавичку. — Ты ведь за тем сюда пришла.

— А вы?

— И мы погуляем. — Он подал руку Анне. — Домой захотите, скажете.

Вид у девочки стал такой, словно ей уже, вот прямо сейчас, нужно домой, но хохотушка Амелия обняла ее за плечи и потащила в сторону собиравшейся у развернувшегося кукольного театра толпы. А вор неспешно, подражая другим бывшим на площади молодым людям, повел свою даму в противоположном направлении, намеренно выбирая путь так, чтобы вновь не угодить на глаза папаше Ламиллю.

— Вы катаетесь? — спросила, кивнув на каток, Анна, когда вдруг выяснилось, что темы для разговора иссякли.

— Нет. Не люблю.

На самом деле Тьен не любил выставлять себя на посмешище. А прикрепил он к ботинкам полозья и ступил на лед, так и было бы. За всю жизнь ему ни разу не доводилось стоять на коньках, и вчера, выбирая подарок для Софи, он пришел к выводу, что это в принципе невозможно — слишком тонкими и хрупкими казались железки на подошве.

— Жаль, — вздохнула девушка.

Мыслями она рвалась на лед, но страх потерять внезапно обретенного кавалера не позволял отцепиться от его локтя.

Вор покосился на каток. Со стороны и не скажешь, что это какая-то хитрая наука: дети всех возрастов, юные парочки и даже немолодые уже мужчины и женщины легко скользили под тянущимися со всех сторон к святочному дереву гирляндами, шутя касались украшенных игрушками и лентами веток и вели учтивые беседы или распевали со смехом песенки. Правда, несколько раз случалось, что кто-нибудь, не удержавшись на ногах, падал, цеплялся за оказавшегося рядом, тот — за следующего, и все вместе летели на лед, но это порождало лишь новый взрыв веселья, а затем катание продолжалось снова.

— Если вы так хотите, — будто делая барышне огромное одолжение, растянул «Виктор из Галора», на деле обдумывая пришедшую в голову дерзкую мысль, — готов сделать исключение.

Анна просияла, и можно было бы сказать, что ее улыбка была достаточной наградой за грядущий позор, но он рассчитывал и на иное вознаграждение.

Почти час проведя на ледовой арене и неожиданно для себя с первых же шагов двигаясь вполне уверенно, а к концу чувствуя, что мог бы, наверное, выписывать, подобно иным сложные фигуры, Тьен, тем не менее, четыре раза оказывался в гуще свалок, когда сам, а когда и вместе со своей дамой. Ему чуть не порвали пальто, а однажды, какой-то мальчишка, промчавшийся мимо, в то время как он пытался подняться, упершись в лед ладонями, едва не отрезал полозьями пальцы, но задумка удалась сполна.

В ближайшее время повторять, конечно, не стоит, но через недельку — вполне.

Деликатно испросив у Анны разрешения отлучиться, юноша обошел выставленные вокруг катка лотки и нырнул в первый попавшийся проулок. Судя по запаху, гулявшие на площади заглядывали в темный тупичок частенько, но вряд ли кто-нибудь из них приходил сюда, чтобы избавиться от трех опустошенных бумажников и выбросить отколотую от чужого лацкана и на поверку оказавшуюся дешевкой брошь.

Один из кошельков порадовал толстой пачкой купюр — видно, его бывший хозяин пришел на каток праздновать получку. Так что улов в сумме получился неплохой.

— Дамы и господа, Тьен Реми, — с ухмылкой поглядывая со стороны на развлекающихся мещан, негромко представился юноша, — первый в мире вор на льду.

Рассовал по карманам деньги и снова вклинился в пеструю толпу.

По дороге домой Софи молчала. За время самостоятельной жизни подчинив все вокруг себя строгим правилам и планам, она всякий раз терялась, когда события принимали неожиданный оборот. Сегодня же неожиданностей было больше чем достаточно, и если коньки без сомнений можно было отнести к приятным, то все остальное — едва ли.

Когда как ни в чем не бывало проскочили памятный проулок, и Тьен у желоба даже не обернулся, девочка поняла, что дело серьезное. А если не вмешаться, может стать еще серьезнее.

Она собиралась нагреть воды и выкупать перед сном Люка, но теперь решила отложить это на другой день. Переодела малыша, напоила теплым молоком и уложила в кровать. Вволю наигравшись на площади, братишка тут же уснул, и Софи, собравшись с духом, постучала в комнату постояльца.

— Входи, — незамедлительно отозвался тот.

Она переступила порог и остановилась, опустив глаза. Парень полулежал на кровати, откинувшись на подушки, одна рука за головой, во второй — раскрытая книга, а из одежды на квартиранте — только серые фланелевые кальсоны.

— Что-то хотела? — поинтересовался он, присаживаясь и откладывая книгу.

Отсутствие одежды его, похоже, ничуть не смущало, и Софи подумала, что и ей стесняться не стоит. Статуи в Центральном парке так и вовсе голые, а там, между прочим, дети гуляют.

— Я спросить, — по-прежнему стараясь не глядеть на жильца, начала она. — Ты же завтра с нами на каток не пойдешь?

— Почему? Если другого занятия не найду, могу и сходить.

— Лучше не надо, — робко попросила девочка.

— С чего бы это? — удивился Тьен. Подался вперед, и, мельком скользнув взглядом по жилистой фигуре, Софи отметила, что от недавней раны осталось лишь едва заметное белое пятнышко.

Но не это, при всей странности, волновало ее сейчас.

— Анна хорошая, — выпалила она, стиснув кулаки.

— И хорошенькая, — усмехнулся парень. — И что с того?

— А то, что не нужно тебе за ней... за ней...

— Ухлестывать? Волочиться? — услужливо подсказал постоялец уличные словечки взамен того, приличного, которое она забыла.

— Ничего не нужно, — заявила Софи. — Ты ей не пара.

— О, как! — Постоялец ощерился так, что стало видно дырку между зубов. — Вроде того, что Анна хорошая, а я — нет?

— Ты — вор, — напомнила она спокойно. — Сам сказал.

— У твоей Анны я, положим, ничего не украл. Как и у тебя.

— Зато у других...

Девочка запнулась: взгляд остановился на разложенных на столе, прямо под лампой, деньгах. Банкноты, монеты — серебро и медяки.

— Так много, — вырвалось само собой.

— Угу, — мрачно кивнул парень. — Наворовал вот. За комнату, за уголь, за продукты. Малому на железную дорогу, тебе на коньки.

— Разве я о чем-то просила? — взвилась она. — Да я хоть сейчас все верну!

— Вернешь, а как же. — Поднявшись с кровати, он двинулся прямо на нее и остановился на расстоянии вытянутой руки. — Паровоз, коньки... А то, что наела за эти дни, как отдавать думаешь? — В хриплом голосе отчетливо слышалась злость. — Филей что ли с задницы срежешь? Там, гляжу,росло-то уже мясо.

Он потянулся к ней, словно и впрямь хотел ухватить пятерней за означенное место, и девочка испуганно попятилась.

— Молчала бы уже, праведница касторовая!

От страха и обиды в горле встал колючий ком, а глаза защипало. Но, как выяснилось, не только ей было обидно.

— Я к ним со всей душой, а меня взамен жизни учат, — раздосадовано процедил Тьен сквозь зубы. — Я этой жизни побольше твоего, мелкая, видел. Сам поучить могу. А наука простая: что возьмешь, то твое. Иначе никак.

— Но я ведь живу, — тихо пискнула Софи.

Она не ждала, что ее услышат, и вздрогнула, когда парень с жесткой усмешкой переспросил в ответ:

— По-твоему, это жизнь? Сама созналась, как надоело медяки считать, как погулять хочется, шмотья, цацек, жрать от пуза, а теперь говоришь, что живешь? Видал я таких живунов. По гудку на фабрику у станков горбатиться, или в порт — баржи разгружать. Вечером — или в кабак, надраться, или домой — пожрать, накатить, на бабу влезть, если есть та баба, и дрыхнуть до утра. А с утра все по новой. Нетушки, мне такой жизни не надо. А ты, раз хочешь, живи. Кто мешает-то?

Он никогда не говорил с ней так резко, словно специально подбирая грубые слова, и Софи, не выдержав, расплакалась, уже не от страха, а от жалости. Себя жалела, Люка. Тьена — тоже. Стояла, понурившись, а по щекам неудержимо катились слезы. И ведь не в «шмотье» дело, не в «цацках», не про то она тогда говорила. А про то, чтобы, действительно, жить. По-настоящему, как вот Анна с Амелией живут. Чтобы на каток ходить, книжки читать. Чтобы розы, когда зацветут, не на набережную нести, а самой в саду любоваться, или срезать, в вазу поставить, веточками зелеными украсить, и в комнату к себе...

— Ревешь что ли? — Голос парня из злого стал растерянным. — Ты это брось. Слышишь, мелкая? Софи, ну не надо. Вот, дурочка.

Последнее слово, хоть само по себе и обидное, прозвучало почти ласково.

— И я дурак. — Он обнял ее, прижал к себе так крепко, что в спине что-то хрустнуло, а нос ткнулся в покрытую редкими темными волосками грудь. Стало щекотно и тепло. — Не слушай меня, ладно? Не бери в голову. Конечно, у тебя все по-другому будет. Уже по-другому: у тебя брат есть, дом... Только я, извини, уж по-своему, как умею. А ты в это не лезь.

— Хорошо, — согласилась девочка.

— И ходить я буду куда хочу и с кем хочу, — продолжил он твердо, вспомнив, зачем она пришла.

Софи горько вздохнула.

— Мне кататься понравилось, — признался парень. — В слободе катков не было. Пацаны, правда, на речку бегали, когда замерзнет, но я с ними не ходил.

Он разжал объятия, девочка отступила на шаг и, отвернувшись, утерла рукавом щеки.

— А куда ходил? — спросила она.

— На ярмарку иногда. Или в...

— Куда? — Заинтересованно обернулась Софи, когда он резко умолк, и тут же сконфуженно потупилась, подумав, что, может быть, ей вовсе не нужно знать, где коротал когда-то время юный вор.

— В галерею, — брякнул он, и теперь уже сам отвернулся. — Или в литературную кофейню.

— Куда? — Раньше Софи не думала, что глаза и в самом деле могут на лоб полезть.

— Чай там вкусный и кренделя дешевые, — обрубил парень.

— А в галерее?

— Девки голые на картинах. Тебе спать не пора?

— Доброй ночи, — поняла намек девочка. Развернулась к двери и вздохнула негромко:

— А я в галерее никогда не была.

— Побываешь еще. Доброй ночи.

На каток следующим вечером он все же не пошел. Не из-за Софи и ее нравоучений — настроения не было. Как-то опостылело все враз, кошки на душе не только скреблись, но еще, кажись, и нагадили изрядно, и если бы по нужде не вставал, так, наверное, весь день из постели не вылезал бы.

Мелкая сунулась после работы узнать, почему не обедал, — соврал, что в город ходил, там и наелся. Говорить не хотелось, но переборол себя и разъяснил ей про Виктора, про Галор, про зуб да про инженера, чтобы лишнего подружкам не сболтнула. Вроде запомнила. Кривилась, правда, на эту брехню, но как узнала, что он дома останется, обрадовалась, схватила малого, коньки и ускакала, только дверь входная хлопнула.

Когда вернулась, снова заглянула, но вор притворился, будто спит.

А еще через день оба уже никуда не ходили, новый год праздновали.

Ну как праздновали — Тьен вина бутылку купил, Софи ужин приготовила. Перед тем вроде как дерево святочное сделала: ветку где-то сломила красивую, от коры и сухих листьев очистила, воткнула в горшок с землей, обвязала ленточками и конфеты в ярких обертках развесила. Конфеты он еще на прошлой неделе покупал. Думал, съели уже все, а она, видно, специально припрятала. Но ничего так, хорошо получилось, и впрямь на дерево похоже. У него и такого никогда не было. Прошлый год Шут позвал к ним с Манон встречать, так лансова подружка герани куст нарядила — тоже красиво было. А у богатеев, он читал, настоящие деревца, только маленькие совсем. Карликовые. Их специально так растят, некоторые, если не врут, лет по сто. Садят семечко, самое мелкое, и над побегом измываются: воды не доливают, света не дают, ветки обрезают и проволокой крутят. И выходит такой себе клен или сосенка всего в фут высотой, а в остальном, как положено, — ствол, корень, листики-иглочки. Кому-то радость, а дерево... Кто ж его спрашивает?

Тьен как-то у Михала узнавал, что будет, если такое деревце в хорошую землю высадить, в парке, например, или в лесу. Вырастет оно в нормальное или нет? Старик долго думал, а потом сказал, что вряд ли. Хорошо, если вообще приживется, а так — и вовсе погибнуть может. Разве что в самых редких случаях подрастет чуток, распрямится, но чтобы уж совсем как все стать — это нет.

И с человеком так. Если жизнь покрутит, то лучше уж из своего горшка и не выбираться...

На подарки к празднику вор не тратился, до этого задарил уже, больше некуда. А Софи не забыла. Люку игрушку купила — петушка деревянного на дощечке. К дощечке зернышки приклеены, а снизу веревочка — дергаешь за нее, петушок голову наклоняет, будто зернышки клюет. Пацаненку понравилось. А ему, Тьену, хозяйка пяток носовых платков приготовила. Ленточкой перевязала, бантик сверху... Манон, та приметы хорошо знает, говорила, что платки дарить не к добру. К слезам, кажется. А часы — к разлуке. Только откуда у мелкой столько денег, чтобы часы купить? Да ему и без надобности вторые. А платки всегда пригодятся.

Поблагодарил, убрал в шкаф, а самому неудобно стало. Подумал, что надо было все же мелочевки какой-нибудь прикупить. Малой, по глазенкам видно, ждал от него подарка. Ему ведь пока невдомек, что железная дорога на десяток подарков тянет. Да и Софи, наверное,

ждала, хоть эта и понимает, что коньки ей достались не грошовые.

Но чего нет, того нет.

Поужинали спокойно, со стола убрали и спать разошлись.

...Манон еще говорила, что как год встретишь, так его и проведешь. Или — с кем?

Новый год начался теплом. С раннего утра еще не понять было, а как поднялось солнышко, так и закапало с крыш. К обеду сошла изморозь с окон, и господин Гийом тут же велел стекла насухо с двух сторон обтереть, чтобы с улицы лучше товар видать. Будто у Софи другой работы не было!

Но настроение у девочки и без того уже испортилось. Воробьи расчирикались, прохожие улыбаются, довольны, что можно шарфы смотать и шапки снять, а ей не до веселья. Если снег совсем стает, Люка придется по утрам на руках до лавки тащить, сам он спросонья идти не захочет. Да еще и каток растает. До конца зимы, конечно, погода не раз еще переменится, но все равно обидно.

Правда, вечером, когда снова морозец прихватил, на площадь пошли. Она с братишкой, и «кузен» увязался. Все катание насмарку! Только и делала, что останавливалась у бортика и глядела издали, как вор с Анной любезничает. А с другой стороны давешний лопухий наблюдает — Жано, кажется. Хороший парень, хоть и с виду неказистый. До того, как этот Виктор из Галора «приехал» и все с ног на уши перевернул, Софи с Амелией от него Анне уже две записочки передали. На вторую она даже ответ написала. Так нет же, явился этот слободской красавчик и с ходу, без всяких записочек, подружке голову задурил!

Нет, Тьен, если подумать, тоже парень не совсем чтобы плохой. И добрым бывает, и заботливым. Только Софи всегда помнила, за какие деньги им с Люком гостинцы покупаются. Не отказывалась, но помнила. Да и кто знает, что у него на уме? Она как-то раз, когда в его комнате прибирала, среди прочих одну книжечку нашла. Тоненькую, в мягкой обложке. «Благочестивая Лизетт» называется. Решила, что из жития святых, вот и заглянула сдуру. А там это благочестие только в названии. Две странички пролистнула, так потом до вечера щеки горели. Правда, после видела, что он эту «Лизетт» возле очага бросил, и листочки из нее уже вырваны — видно, на растопку пустил. Но все равно, не нужно Анне с ним водиться, а то мало ли...

А как этому знакомству помешать, чтобы и с постояльцем не рассориться, и подруге не навредить, Софи не знала. Только извела себя нехорошими мыслями.

Еще и парочка та странная вспоминалась все время. Тьен будто и думать забыл, а ее в жар бросало, как представит, что опять с ними встретится...

— У тебя выходной завтра, я верно посчитал? — спросил парень, когда вернулись домой с катка.

— Верно.

Она думала стирку устроить и в комнатах убрать, но квартирант снова нарушил планы.

— Малого есть с кем оставить, чтоб с собой не таскать?

— С сударыней Жанной можно. Она, правда, почти не видит, но Люк ее любит, да и вообще послушный, — ответила Софи и лишь потом спохватилась: — А зачем?

— Гулять пойдем.

— Куда? — от такого заявления девочка опешила.

— Куда гулять? В Гуляй-город, естественно. Только платье поприличнее выбери, там, куда пойдем, пальто снять придется. И на голове сделай что-нибудь вместо этих жутких

косичек.

Косички у нее были совсем не жуткие, и уже почти даже не косички, а настоящие косы: волосы отросли, силы набрали, цветом сделались как тягучая карамель — Софи самой нравилось, особенно когда перед сном распускала и расчесывала. Да и не хотела она ни в какой Гуляй-город. Такого города вообще нет!

— Не хочешь, сам пойду, — пожал плечами Тьен. — Но не жди, что в другой раз позову.

Зеленое платье должно подойти. То, что после хозяйской дочки на себя перешла. А волосы можно на затылке шпильками собрать, как мама делала, только не высоко, а то шапка не налезет.

Кварталы Ли-Рей, где за века прочно обосновали поэты, художники, скульпторы и прочие артисты, никто больше не называл Гуляй-городом. Словечко у них с Лансом придумалось само собой. Когда выбирались за слободскую заставу, говорили, что в город гулять. Так и пошло: Гуляй-город.

Сюда они ходили отдохнуть. И мысли не было поработать на вернисажах или в любительских залах, где непризнанные гении драматического искусства давали представления для узкого круга ценителей. Можно было просто бродить между выставленных на бульваре прямо вдоль тротуара картин, бросить пару монет в футляр уличного скрипача или посидеть в одном из маленьких уютных ресторанчиков, коими изобилдовал этот район. Тьену нравились стихи и чай с бергамотом. И то, и другое подавали вечерами в кофейне на углу Парковой и Лайен. Шут предпочитал кальян, а потому посещал чаще собрания философов. После приятель и вовсе решил, что пиво в кабачке папаши Лу обходится дешевле и невразумительных бредней можно наслушаться там же, и Тьен стал наведываться в Ли-Рей один. У артистов принято было приходить в кофейню компаниями или парами, а он всегда присаживался за угловым столиком в одиночестве, цедил чай и слушал. Иногда вечера проходили впустую, а иногда, отсеяв горы нагроможденных друг на друга слов, находил для себя нечто стоящее. Записывал тут же на салфетке, но никогда не брал ее с собой — если вещь действительно была хороша, уносил в памяти. А если очень хороша, порою делалось грустно, что рядом нет никого, с кем можно было бы поделиться... Но не Иви же было с собой брать?

Подумывал пригласить Анну. Барышня воспитанная, начитанная, как выяснилось в разговоре. Но папаша Лимель не одобрил бы. Богемный Ли-Рей имел у мещан дурную славу обители вольнодумцев и распутников. Позвал Софи — эту попрекать некому. Да и недавний разговор вспомнился.

Мелкая сперва ломаться стала, будто у нее от таких приглашений отбоя нет. Бабы... Женщины, в смысле, все одинаковые. Но потом согласилась. Брата к соседке на вечер пристроила. Правильно, пора бы уже старушке отблагодарить чем-нибудь за уголек. И не только за уголек: продукты тоже нет-нет, да и пропадают из дома — не Софи же их тайком трескает? Так что не убудет с бабки. А может, ей и в радость с малым посидеть — все ж не одной.

И он в кои веки не сам в кофейню заявится. Хотелось бы, конечно, чтобы рядом кто пофасонистее был. Та же Иви фасадом больше в спутницы годилась. Но фасад — это одно, а то, что на чердаке у нее ветер гуляет — другое. Там же не мордой и прочими прелестями торговать, там слушать надо. Понимать. Софи поймет, наверное. Слух у нее почти как у него: тоже фальшь различает на раз и искренность чувствует. Ну и просто прогуляться

девчонке не мешает, посмотреть, что еще на свете есть, кроме катка и лавки.

Сударыня Жанна за последний год сильно сдала. И не видит почти, и слышать хуже стала, а как ни зайдешь, только и причитает, что у нее то в груди печет, то в спине стреляет. Но сегодня, слава богу, ни на что, кроме как на сына, который снова не приехал и писем уже почти месяц не шлет, не жаловалась, иначе Софи не оставила бы с ней Люка.

Привела братишку, накормила перед тем, игрушек с собой собрала, пирога кусок отрезала — и ему, если проголодается, и соседке угощение.

— Я недолго, — пообещала, уходя.

Вернулась домой, переоделась. Две косы на одну переплела, на затылке ее кренделем свернула и шпильками подобрала. Подумала, еще и мамины жемчужинки в уши вдела. Все гадала, продать, не продать, надеть ведь некуда, а деньги всегда нужны, но в конце концов оставила на память. А теперь вот пригодились.

— Совсем другое дело, — одобрил квартирант. Обсмотрел, как ощупал сверху донизу, и усмехнулся: — А ты, гляжу, не только сзади поправилась.

Лицо обдало жаром, и Софи непроизвольно ссутулилась. Когда-то угловатая и нескладная фигурка округлилась не за один день, да и не за месяц, но каждодневные наряды девочки, простого, «детского» кроя, скрывали происходившие с ней изменения от посторонних глаз. С новым платьем было иначе: мягкая ткань плотно облежала грудь, широкий пояс обозначил тонкую талию, а складчатая юбка добавляла объема там, где, вопреки ехидным замечаниям постояльца, его все же недоставало.

— Не жмись, — посоветовал Тьен. — А то выглядишь так, словно у тебя живот скрутило.

Надев пальто, девочка почувствовала себя увереннее, но, когда вышли из дома и уже прошли немного по улице, парень вдруг взял ее за руку, вырвалась и испуганно отпрыгнула в сторону.

— Не понял, — нахмурился он. — Что, возвращаемся и попробуем повторить годика через три?

Как будто опять мелкой обозвал!

Софи не нравилось, когда вор обращался с ней, как с ребенком, и, пересилив себя, она решительно взяла его под руку. Через два квартала выяснилось, что это совсем не страшно.

Идти пришлось далеко, а дорога была ей незнакома. Поначалу казалось, что они направляются в Торговую слободу, и Софи занервничала, но, не дойдя немного до старого переезда, Тьен свернул влево и повел ее улочками небогатого жилого района. Маленькие одноэтажные домики без подворий тут тесно жались друг к дружке, оставляя лишь узкие проходы, садов не было, и деревья росли только вдоль дороги, на которую не нашлось булыжника, чтобы замостить. Приходилось все время смотреть под ноги и подбирать подол, чтобы не испачкаться, ступив в месиво талого снега и грязи.

Дальше дорога стала лучше, а дома — больше. Заблестели мытыми стеклами витрины магазинов (видать, не одна она прыгала вчера с тряпкой), и все чаще встречались солидные двери с табличками. Нотариус, дантист, адвокат, снова нотариус, банк, еще один адвокат, а потом сразу три нотариуса. Сплошь нотариусы и адвокаты, словно люди только то и делали, что писали завещания, а после шли оспаривать их в судах.

За деловым кварталом начинался обширный парк, сейчас грязный и пустой. Тьен провел

ее широкой центральной аллеей, вдоль которой стояли обшарпанные, ждущие покраски скамейки, и высились столбы фонарей.

— Мы почти на месте, — объявил он у арки на противоположной стороне.

Район, где они оказались, мало чем отличался от привычных Софи прилегавших к набережной улиц: приличные дома в два-три этажа, магазины и лавки. Рядом с часовой мастерской — вывеска модного салона. Чуть дальше расположилась маленькая пекарня, и аромат сдобы тянулся по улице до двери с надписью «Ломбард». На другой стороне — шляпный магазин и цветочная лавка, к сожалению девочки, закрытая.

На углу, подпирая ствол с праздника пестревшего ленточками деревца, стоял странного вида человек. Из одежды, невзирая на холод, на нем было лишь полосатое трико, на ногах — неестественно длинные штиблеты, а на голове, почти на лбу, непостижимым образом держался маленький черный котелок, под которым белело круглое обильно измазанное пудрой лицо.

— Кто это? — ошарашенно прошептала Софи, на всякий случай покрепче вцепляясь в руку своего провожатого.

— Мим, — обронил непонятное слово Тьен. — Ты никогда не видела мима? Подойдем.

При их приближении чудак оживился, отлепился от дерева и вышел на тротуар.

— Что он делает? — продолжая жаться к парню, спросила девочка.

— Гляди.

Мим сделал два шага в их направлении, а на третьем уперся в невидимую стену. Отступил назад и удивленно развел руками. Попытался снова — то же самое. Выставив вперед ладони в белых перчатках, он ощупал преграду. Та оказалась сплошной, и комедиант — Софи уже догадалась, что это комедиант — удрученно вздохнул, понутив голову. Постоял так с секунду и вдруг бросился вперед, намереваясь разбить призрачное стекло. Девочка взвизгнула, но белолиций впечатался плечом в застывший воздух и отлетел назад. Если бы не ухватился на невидимую веревку, упал бы, а так, забыв о разделяющей их стене, принялся тянуть на себя толстый, судя по обхвату, канат. Но это оказалось непросто: кто-то на другом конце не желал отпускать веревку и тянул ее на себя. Мим не сдавался, забавно извиваясь, упираясь в землю ногами, он тащил что было сил. Иногда, когда соперник-невидимка оказывался сильнее, улетал вперед, иногда, с трудом перетягивая на себя, прогибался далеко назад и повисал. Ронял канат, грозил противнику пальцем и в последний момент успевал схватить убегающий кончик, чтобы продолжить состязание.

Когда веревку у чудака все же отняли, он махнул рукой и вернулся к «стеклу». Постучал и помахал рукой, подзывая Софи подойти.

Девочка прыснула, зажав рот ладошкой, и отрицательно замотала головой. Отвела взгляд и только тут заметила разложенный на тротуаре платок. На полосатой, как и костюм лицедея, ткани лежало несколько монет, и Тьен, порывшись в карманах, добавил к ним еще одну.

— Ему платят только за то, что он кривляется? — спросила Софи, когда они отошли от белолицего чужака.

— Он дарит людям радость, — пояснил вор. — Ты смеялась, а это — явление нечастое.

— Не дарит, а продает, — поправила она тихо. Но радость стоила больше медяка.

На другом углу стоял пожилой скрипач в ветхом пальтеце. Он продавал грусть.

Скрипка в его руках стонала и плакала, рождая, безусловно, красивую, но наполненную невыносимой тоской мелодию.

Захотелось вернуться к миму.

— На бульвар не пойдем, — решил, расплатившись за грусть, вор. — Сразу в кофейню. Похолодало как-то.

Он пожегся, и Софи подумала, что это совсем не от холода, а от слез старой скрипки. Но вслух ничего не сказала.

Кофейня ей не понравилась. В небольшом зале уместилось слишком много столиков, и стояли они неправильно, словно кто-то, освобождая место в центре, одним махом сдвинул их к стенам вплотную друг к другу.

Тьен повел ее в дальний угол, но девочка, вырвав руку, помотала головой.

— Давай у окна сядем? — попросила она.

Парень неохотно согласился.

Верхнюю одежду они оставили в гардеробной у входа, но Софи заметила, что не все посетители поступили так же. Недалеко от них сидел грузный бородатый мужчина в длинной бобровой шубе, а за другим столиком — женщина в меховом манто. Мужчина ел пирог, без вилки запихивая его в рот руками, и крупные крошки облепили его бороду и рукава шубы. А женщина пила кофе из маленькой чашечки и вдыхала через длинный мундштук дым тонкой папироски.

Здесь многие курили, и Софи это тоже не понравилось.

Тьен заказал у подошедшего официанта эклеры и чай.

— Мне несладкий, — смущенно предупредила девочка.

Она уже не помнила, пила ли она сладкий, когда мама была жива, но после того, как ее не стало, сахар и мед в их доме сделались роскошью, которой заслуживал только Люк. А чай, особенно с терпкими ароматными травами, был вкусным и сам по себе.

Вор попросил еще лимон и бокал бренди. Сказал, чтобы согреться.

Зал постепенно наполнялся людьми. Софи разглядывала их с затаенным интересом, но ничего необычного не заметила.

Зато когда под окно подъехал, рыча мотором, и остановился длинный черный автомобиль, не могла отвести взгляда от вышедшей из салона женщины в легкой шубке и широкополой шляпе со страусовыми перьями и маленькой дымчатой вуалью.

— Кто это? — поинтересовалась она у Тьена, не сводя с незнакомки глаз. Та как раз остановилась у дома на противоположной стороне улицы и, смеясь, разговаривала о чем-то с подошедшим к ней мужчиной.

— Считаешь, я тут всех и вся знаю? — вопросом на вопрос ответил парень. — Наверное, какая-то ш-ш-ш... куртизанка. Их тут много живет.

Софи никогда не слышала о такой профессии, но по виду дамы заключила, что куртизанки, должно быть, неплохо зарабатывают. Шубка, шляпка, сапожки лаковые. Да и на авто не каждый себе позволит разъезжать.

— А ты не знаешь, — снова обратилась она к вору, — на куртизанку сложно выучиться?

Тьен, если и знал, не ответил: сначала чаем поперхнулся, потом официант эклеры принес, а затем и вовсе странное началось.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

То, что день для похода в Ли-Рей он выбрал неудачный, вор понял сразу. Никого из стоящих сочинителей в кофейне сегодня не наблюдалось, зато присутствовал "сам" Александр Виллер, а этот тип всегда раздражал Тьена разнузданными манерами и пошлыми

стишками, которые, тем не менее, охотно печатали многие издания. Мэтр (по его собственному мнению, которое в корне не совпадало с мнением Тьена) восседал за столом прямо в шубе, словно хотел показать, что в любой момент готов встать и гордо удалиться, хотя всерьез рассчитывать на такую удачу не стоило.

Но еще оставался шанс, что кто-нибудь из новичков сумеет удивить.

Правда, сперва удивила Софи. Учиться на куртизанку! Такого и нарочно не придумаешь.

Юноша выкашлял не в то горло попавший чай и всерьез задумался над ответом, но без предупреждения начавшиеся чтения позволили отложить обсуждение щекотливого вопроса.

— Друзья, мои! Друзья! — маленький верткий мужичонка в широких шароварах, заправленных в растоптанные кирзовые сапоги, и вышитой косоворотке выскочил в центр зала и картинно воздел к потолку руки. Судя по наряду, один из тех, кто презирует прогресс, ратует за "возвращение к истокам" и строчит бесконечные пасторали. — Друзья, послушайте! Не диво ли, такое тепло посреди зимы? Вчера, сегодня. Снег тает, птицы щебечут — весна, да и только! Об этом и только об этом хочется нынче писать!

Растаял снег, в душе весна.

И солнце светит высоко.

Оковы ледяного сна

природа сбросила легко.

Вот лишь вчера мела метель,

а нынче ясно и тепло.

Вы слышите, звенит капель?

Звенит, календарю назло!

И птичий щебет за окном,

И талые журчат ручьи...

Банальщина. Но чтец подкупал искренностью. Он в самом деле радовался теплу и стремился поделиться со всеми этой радостью.

Тьен исподволь взглянул на свою спутницу. Софи слушала с улыбкой, весна, о которой вещал поэт, цвела в ее глазах.

Однако не всем пришлось по вкусу восторженные строки.

— Сядьте вы, пугало огородное! — выкрикнул кто-то. — Кому здесь интересно, что и откуда там у вас капает?

Послышались смешки, грубияна поддержали в несколько голосов, а вступить за охаянного сочинителя никто не пожелал.

После этого читать о природе и погоде уже побоялись.

— Мне любовь твоя в тягость,

мне она не нужна.

За минутную радость

дорогая цена.

За минутную слабость

я слезами плачу.

Мне любовь твоя в тягость,

я ее не хочу...

Рискнувшая выйти на середину зала девица бросала отрывистые фразы, уверяя неведомого поклонника в том, что не нуждается в его любви, но именно любви барышне и не доставало. Или хотя бы любовника. Глядишь, и нервозности поубавилось бы.

— Жизни тонкая нить оборвется беззвучно.

То ли стон, то ли вздох — и душа белой птицей

Улетит, в небесах навсегда растворится.

Может, это и лучше?

Может, и лучше. Некоторые так прямо читавшему этот стих юноше и сказали.

Тьен ушел бы, как только допил чай, но Софи, похоже, нравилось. Не все, конечно, но очень многое, в основном благодаря той же чистосердечности, с которой читал свое сочинение первый выступавший.

Поэты, как вор уже замечал, вообще народ искренний. За некоторым исключением.

Виллер, например.

Бородач доел свой пирог, дождался, когда затихнут споры вокруг очередного озвученного творения и медленно поднялся из-за стола:

— Любовь. Что вам о ней ведомо,

юнцам, едва начавшим жить?

Вам это чувство не знакомо!

Ужель вы думали, любить

так просто? Маяться ночами?

Стишки бездарные кропать,

чтоб после их прекрасной даме

в письме сердечном написать?

Голос у него был шикарный. Глубокий, красивый. Если бы не чрезмерный пафос, одним своим голосом Виллер мог бы превратить посредственный стишок в жемчужину поэзии. Но "мэтр" фонтанировал неуместными страстями.

— Любовь — нелегкая наука...

Из всего зала по непонятной причине выбрав Тьена, Александр Виллер обращался теперь непосредственно к нему. Приблизился, тяжело ступая и навис над вором. Громкий голос, исполненный чувства собственного превосходства и уверенности в своем праве поучать всех и вся, зазвучал над головой:

— Любовь есть непосильный труд!

— Покуда не отсохнет уд.

Тьен попал в рифму, да и по смыслу совпало, но то, что он произнес это вслух, юноша понял, лишь увидев перекошенное лицо стихоплета. Кто-то несмело хихикнул, подавая пример, и через секунду зал уже сотряслся от хохота.

— Щенок! — возопил поэт. — Как ты посмел испохабить мои стихи?!

— Да там и портить нечего было, вы сами неплохо справились, — отказался от незаслуженной похвалы вор, плеснув маслица в костер всеобщего веселья. Виллера тут мало кто любил.

Поняв, что истерикой ставит себя в еще более неловкое положение, мэтр глубоко вдохнул, приосанился и заявил во всеуслышание, демонстративно отвернувшись от их столика:

— Каждая бездарь, неспособная связать и двух слов, рада охаять творение мастера.

— Не нужно быть виноделом, чтобы отличить дешевую сивуху от выдержанного бренди, — спокойно возразил вор.

— Нет, каков! — взвился Виллер. — Кто ты вообще такой? Что ты тут делаешь?

— Я? Скромный поклонник поэтического таланта... которого у вас, любезнейший, увы,

нет. Зазывала на ярмарке на ходу слагает куплеты, и это у него выходит лучше вашего.

— Зазывала? — мэтр побагровел. — Зазывала может лучше?

— Любой может, — хмыкнул Тьен.

Он не любил ввязываться в споры, но если уж случилось, шел до конца.

— Любой, значит? — сощурился поэт. — Давай, докажи! Раз любой, то и ты сможешь.

Удиви меня, сопляк. Хоть строфу. Хоть две строчки.

Сам напросился. Но идти на попятную вор не собирался.

— В сердце любовь расцветает как роза.

Но у розы — шипы.

— Что это? — сдвинул брови Виллер.

— Две строчки.

— Но это не стих!

— Стих, — заявил уверенно Тьен.

— Знаете, Александр, а в этом что-то есть, — заметила дама в меховом манто, меланхолично растягивая папироску. — Образно, емко.

— Мне тоже нравится, — сказала тихо Софи.

С дамой Виллер связываться не захотел, а вот на мелкую накиннулся.

— Нравится? Глядите-ка, ей нравится! Может и вам есть, что рассказать мне, прелестная барышня?

— Есть, — спокойно кивнула девочка. — У вас в бороде крошки.

И минуты не прошло, как Александр Виллер вылетел из кофейни, громко хлопнув дверью. Все-таки правильно он шубу не снимал.

Когда стремительный уход мэтра и лихо осадившая его парочка перестали занимать собравшихся в кофейне стихоплетов, чтения продолжились, и Тьен рискнул отлучиться. Зашел в уборную, а оттуда на кухню. Работавшая судомойкой Матильда часто хаживала на рынок в Торговой слободе, а за четвертак не отказалась на выходных завернуть на квартиру к вышивальщице Манон, передать записочку ее кавалеру.

Вернувшись к своему столику, вор с удивлением обнаружил, что его место занято. Рядом с Софи, придвинувшись к ней почти вплотную, сидел худощавый мужчина лет сорока. Незнакомец в картинной задумчивости тер подбородок, представив на обозрение смущенно жмущейся девушке аристократический профиль. Зачесанные назад темные с проседью волосы, высокий лоб и тонкий нос с горбинкой, очевидно, должны были произвести на нее неизгладимое впечатление, если вдруг она не оценила сразу элегантный черный костюм, лакированную тросточку и крикливо торчащий из кармана пиджака ярко-красный платок.

— ...недавно имел персональную выставку в галерее Амир, — услышал, подойдя поближе Тьен. — Так что, если вы согласитесь позировать мне, можете не сомневаться, я открою вашу красоту широкому зрителю. Работа займет не больше недели. Час-два ежедневно, у меня в студии... Портрет. Возможно, в полный рост... Пока не могу сказать, как именно я это вижу. Быть может, ню...

— Ню-ню. — В упор приблизившись к сладкоречивому франту, вор с хрустом размял пальцы. Ничего еще не сделал, но мужчина, подняв на него глаза, громко сплотнул. С приветливой улыбкой, от которой художника отчего-то передернуло, парень склонился к его уху: — Слышь, рисовальщик, не убереешься отсюда, я тебе сам физиономию под ляпис-лазурь распишу.

В живописи Тьен тоже немного разбирался.

Секунды не прошло, как стул освободился, но садиться вор не собирался. Подал руку растерявшейся из-за внезапного исчезновения едва нарисовавшегося поклонника девчонке.

— Идем отсюда?

— Да, конечно. А можно я эклеры для Люка возьму?

Лишь после этого вопроса Тьен понял, что она и не притронулась к пирожным. От некоторых привычек нелегко избавиться.

Куда как проще — от чужого бумажника.

Он швырнул его в урну под фонарем, и Софи заметила. Тонкие пальчики с силой сжали его руку — больно, даже через рукав пальто.

— Я не работаю в Гуляй-городе, — косо ухмыльнулся вор. — Но для мазилки, что к тебе клеился, сделал исключение.

— Он предложил написать мой портрет, — сконфуженно пробормотала девочка.

— Ага. Верь.

Уже темнело, но афишу на стоявшей у фотоателье тумбе, Тьен заметил. Она привлекала своей непривычностью: вместо ярких танцовщиц или цирковых медведей — изображение серой каменной плиты, на поверхности которой выбиты какие-то знаки. Оказалось, экспозиция найденных на раскопках близ Альера древностей. Открывается со следующей недели в музее естествознания.

— Понравилось у литераторов?

Не спроси он, пришлось бы молчать всю дорогу. Софи дулась из-за кошелька художника, а там тех денег — листр мелочью, не больше.

— В общем, понравилось, — ответила она, все еще сердито. — Но... Не запомнилось ничего.

— Понимаю.

— А чай там, действительно, вкусный. И вообще, интересно. Люди такие... необычные. Поэты, художники. И эти, не помню, как называется... Ну ты сказал еще на ту женщину, что приехала в авто...

Вор понял, о ком она, но смолчал.

Однако дома решил, что нужно все-таки растолковать кое-что этой дурехе малолетней. А то еще ляпнет где-нибудь.

Самому с девчонкой на такую тему говорить не хотелось. Была бы постарше, без слов разъяснил бы, как на куртизанок учатся... Тьфу, ты! И придет же в голову? В общем, говорить не хотелось, и он придумал хороший выход.

Когда крайний раз Тьен покупал книги, продавец всучил ему вместо сдачи пару книжонок. Сказал, шельма, увлекательнейшее чтиво. Ну-ну, это смотря, кто чем увлекается. Одну из этих брошюр — похабень похабенью — парень, как только просмотрел, кинул в растопку. А вторая вроде как поприличнее была, оставил до поры. Так там как раз о куртизанках.

Пока Софи бегала к соседке за братом, пока привела, переодела, накормила, вор нашел книжонку и после ужина торжественно презентовал ее своей квартирной хозяйке.

Себе же перед сном достал с полки "Великие морские сражения". Заварил крепкого чаю, подушки поставил повыше, лампу сделал поярче. Но почитать не получилось. Едва устроился на кровати, табурет со стоявшей на нем кружкой пододвинул поближе и открыл книгу, распахнулась дверь и в комнату заглянула красная, как из бани, Софи.

— Совсем дурак?!

Тьен успел увернуться, и брошенный в него учебник куртизанской науки, ударившись о стену, упал на пол. Дверь с грохотом захлопнулась. Откинувшись на подушки, вор громко расхохотался: видно, учение пошло впрок. Того, что девочка может вернуться, он не ожидал, и новый метательный снаряд, на этот раз — тапок, достиг цели.

...Дом полыхал. Нижний этаж весь уже был охвачен пламенем. Лестница обвалилась. Второй — весь в дыму. Скоро огонь доберется и сюда. А вместе с огнем — страшные тени, те, что сломали ворота и убили людей во дворе...

— Мама!

— Не бойся, малыш. Слышишь, не бойся. Ты спасешься, сынок.

Выход только один — окно. Узкий подоконник и земля далеко внизу.

— Не бойся, ты сможешь. Но поспеши...

Тени уже за дверью. Он чувствует их, а они — его.

— Поспеши. У тебя все получится. Доверься воздуху, он поможет. Лети.

— Мама...

Они уже в комнате. Черные крылья, длинные мечи...

— Лети!

Шаг, и воздух подхватывает его, принимая в объятия... А затем вдруг роняет. Проносится перед глазами распахнутое окно, лежащее на полу тело женщины, обступившие ее тени... И стремительно приближается земля...

Разбудил его собственный крик. И не только его Софи вбежала через несколько секунд, испуганная, в одной рубашке, спросонья не подумав даже набросить халат. Тьен уснул, не погасив лампы, и свет за спиной девочки беззастенчиво обозначил скрытую легкой тканью фигурку, словно изящную статуэтку спрятали под покрывалом из органзы. Ненадолго это зрелище заслонило собой огненный кошмар. Он видел лишь тонкий стан, стройные ножки, на секунду, когда она обернулась, — мягкий абрис груди... А она видела слезы в его глазах и выступивший на лбу пот.

— Разбудил? — Тьен закрыл лицо ладонями. Голос прозвучал сдавленно и глухо. — Извини.

— Страшный сон?

— Вроде того.

От коснувшейся плеча ладони по телу прошло умиротворяющее тепло. Так неожиданно, что он вздрогнул, и Софи, почувствовав это, отпрянула. Внутри снова похолодело.

— Принести тебе что-нибудь? Воды?

— Нет, не надо.

Осторожно, проверяя странное предчувствие, он дотронулся до ее руки. Тепло. И светло. Яркий свет, исходивший от нее, проникал прямо в душу, изгоняя из нее тьму.

— Тогда я пойду?

Она попыталась отнять у него руку, но парень лишь сильнее сжал ее ладонь, притянул к лицу и прижался к ней лбом.

— Подожди. Задержишься на минутку.

На две, на три — тьма не хотела оставлять его так легко.

— Я хотел попросить прощения за книгу. Просто не знал, как объяснить насчет куртизанок, и...

Нет, он не раскаивался, но сейчас готов был говорить все, что угодно, только бы она не уходила. И он говорил. Держал ее руку и втягивал в себя ее свет, грелся ее теплом, впервые в жизни по-настоящему чувствуя себя вором. Пил ее, словно воду...

Вода! Две горизонтальные волнистые линии — это вода. Две прямые — земля. Волнистые, но вертикально — воздух. Одна ломаная, словно острые зубцы или застывшие языки пламени — огонь.

— Тьен,пусти, пожалуйста. Мне больно.

Последний глоток света. Глубокий вдох, чтобы голос не задрожал от волнения.

— Хочешь, в следующий выходной опять куда-нибудь сходим? Только не к поэтам.

— В галерею? — нерешительно предположила Софи.

— В музей.

До утра он не сомкнул глаз. Думал. Пытался понять.

Что это было? Обычный кошмар? Воспоминание? Сердце подсказывало, что последнее. И тогда это объясняло бы... Это объясняло бы, почему его так страшат полеты, и больше ничего. Ни намека на природу происходящих с ним странностей, а ведь это странно — видеть в другом человеке внутренний свет и вытягивать этот свет, наполняя им свою душу. Но полегчало. Посветлело.

Ночь за окнами уступила место серому утру, и фабричный гудок позвал к станкам новую смену, а Тьен так и не надумал ничего нового. Лежал, прикрыв глаза, слышал, как вышла из своей комнаты Софи, выскочила на двор, а после, негромко звеня посудой, завозилась в кухне.

— Доброе утро.

Не выдержал, встал. Захотелось увидеть ее, проверить, не примерещилось ли. Бывает же: просто настроение дурное, а тут — заботливый голос с нотками тревоги, теплая рука...

Но нет, не показалось.

— Доброе.

Девчонка светилась. Не все время, но если поглядеть как-то так, не прямо, а будто сквозь, становилось видно окружавшее ее сияние. Рука непроизвольно потянулась вперед, и пальцы сомкнулись на худеньком запястье.

— Ай! Ты чего?

— Ничего, прости.

Ничего. Совсем. Он видел ее свет, но теперь не мог взять ни капли. Может, делал что-то не так. А может, уже не нуждался так остро в приливе чужого тепла, как это было ночью, когда перед глазами еще стояли зловещие тени в сполохах пламени.

— Подморозило, — сказал он, вернувшись из уборной. Тепло оказалось недолгим. — Ты бы малого не тащила. Пусть остается, выспится.

Софи замотала головой — вспомнила, как было в прошлый раз.

— Обещаю, мы и во двор не выйдем, пока ты не вернешься.

Неизвестно почему, но она поверила.

Люк тоже светился. Его сияние было другим, чище и теплее, чем у сестры. И его не нужно было пить. Достаточно притронуться, и губы мимо воли складывались в улыбку, а тревоги казались далекими и несущественными. Тьен подумал, что так, должно быть, светятся дети. Весь день он старался держаться к малышу поближе и почти не думал о неудачных полетах и испещренной таинственными знаками плите.

— Скользко, — пожаловалась возвратившаяся из лавки Софи. — Хоть на каток не ходи.

— Как это — не ходи? — возмутился вор. — Мы уже собрались!

Ему не терпелось вырваться из дома и посмотреть на других людей. Увидеть, пощупать, попробовать.

— Мы соблались, да! — подтвердил решительно напарник. — На каток!

Святочное дерево в центре ледового круга еще пестрело лентами и игрушками, а праздничную иллюминацию уже сняли. Но сегодня Тьен этого не заметил: для него площадь

горела сотнями огоньков, и стоило немалых усилий не уподобиться гонящемуся за солнечными зайчиками щенку, перебегая от прохожего к прохожему с высунутым от предвкушения игры языком.

Для первого опыта юноша решил удовольствоваться узким кругом знакомых.

Непоседливая и смешливая Амелия совсем недалеко ушла от ребенка. Щедро рассыпаемые ею лучики только дивом не топили лед под ногами и вызывали улыбки на лицах тех, кого ненароком касались. Тьен пригласил ее сделать круг и, сжимая в ладони мягкую рукавичку, сам чувствовал себя мальчишкой, никогда не знавшим грязи слободских улиц.

С Анной было иначе. Ее свет приманивал взгляды, словно любопытных мотыльков, дразнил игривыми переливами и тут же отпугивал, плотным коконом смущения скрывая девушку от каждого, кто пытался приблизиться. Чтобы пробиться сквозь этот кокон, мало было держать ее за руку, прогуливаясь по площади или кружа на льду.

— Здесь есть сувенирная лавка, видите дверь? — Тьен указал на дом, где в нижнем этаже примостился скромный магазинчик. — Работает допоздна. Хотите, зайдём?

— Мы уже были там с Ами. Внутри нет ничего интересного.

— Есть, вы просто не заметили.

Неизбалованный визитами покупателей продавец с радостным приветствием бросился навстречу, и вор молча швырнул на прилавок монетку: пусть просто не мешает.

— И что же тут есть? — Анна рассеяно осматривала заставленные статуэтками и лаковыми картинками полки. Ненадолго задержалась на витрине с дешевыми украшениями.

— Здесь есть черный ход, — шепотом сообщил ей парень.

Если ему доводилось более или менее часто бывать в каком-нибудь месте, он привычно намечал для себя возможные пути отступления. Но сейчас сувенирная лавка пригодилась не для ухода от жандармов — всего лишь для того, чтобы сбежать из-под отеческой опеки папаши Ламиля, подальше от насмешливых и всевидящих глаз хитрюги Амелии и недовольных взглядов Софи.

Тьен открыл спрятавшуюся за ширмой дверку и за руку вывел ничего не понимающую девушку в узкий темный проулок. А там напористо и резко, не размениваясь на ненужные слова, прижал к шершавой кирпичной стене и поймал губами запоздалый испуганный возглас. Минутное противостояние, и она сдалась: изогнулась в его объятьях, подавшись вперед всем телом, руки, поначалу отталкивавшие его, теплым шарфом обвили шею, а губы сами тянулись навстречу, требуя поцелуев, еще и еще. Но главное, ее свет стал ярче и сильнее, словно костер, в который подбросили углей.

— Нужно возвращаться. — Не она, он сам об этом вспомнил, когда пальцы нащупали и расстегнули уже третью по счету пуговицу на ее шубке. Хватит. А то неизвестно, до чего доэкспериментироваться можно, и плевать, что вокруг зима, мороз, холодные стены и обледенелый булыжник...

— Да, конечно. — Анна смущенно отвернулась, привела в порядок одежду. Сияние вокруг нее постепенно делалось вновь робким и ровным.

В лавке Тьен купил ей браслетик из бирюзы и решил, что в ближайшие дни на каток ему лучше не ходить.

А дома Софи устроила ему настоящий скандал. Не сразу: сперва ужином накормила (тарелку перед ним с такой силой на стол швырнула, что странно, как та не разбилась),

малого спать уложила, а потом уже началось. Ворвалась без стука к нему в комнату, налетела. Все про него с Анной припомнила, с первого дня, когда Тьен с ними на площадь пошел, и до сегодня. Не кричала, так то лишь потому, что боялась брата разбудить, а так — чистая ведьма, могла бы, взглядом в труху развеяла бы.

— Ревнуешь, что ли? — усмехнулся вор.

Манон бывало устраивала Лансу подобные разносы. Так у той и повод был, и право — третий год, никак, с этим обалдую белобрысым живет-мается. А мелкой какое дело?

— Я? Тебя? — еще больше распалилась в ответ на шуточное предположение девчонка. — Другой ерунды не придумал? Совсем не понимаешь, да?

— Не понимаю, — рассеянно признался Тьен, тем временем глядя вприщур на рассвирепевшую хозяйку. Ее свет больше не был теплым и манящим, скорее, так светится изнутри налившаяся грозой туча, готовая вот-вот разразиться молниями. А еще...

— А ты подумай! — сердито топнула ногой Софи. Сверкнула первая молния. — Подумай. Кто тебя на каток привел? Кто тебя с ней познакомил? Чей ты кузен? Глаза б мои тебя не видели, родственничек! Кого в итоге виноватой назначат, если что-то случится? В общем, делай, что хочешь и с кем хочешь, но не с моими подругами! Их у меня не так много, чтобы из-за всяких там... чтобы из-за всяких там с ними ссориться!

— Объяснила, ничего не скажешь, — пробормотал парень, пытаясь сконцентрироваться на странности, привлечшей его внимание. Свечение вокруг девочки было не цельным. Ночью он не заметил, да и потом тоже, но то тут, то там видны были темные прорехи, как будто кто-то загребущей лапой вырывал у Софи ее свет. Болезни, тревоги, потеря близких — все это не могло не отразиться на ней...

Но откуда ему знать, что эти пятна — следствие пережитых невзгод, как и то, что внутреннее свечение, которое он вдруг стал различать, — не обман зрения или, и того хуже, не помешательство?

— Куда ты смотришь? — насторожилась Софи.

— Никуда, — выдавил он сипло. Но глаз не отвел.

«Дыры» в окружавшем ее ореоле были не новыми, они уменьшались, снова наполнялись светом. Все, кроме одной: темный луч, прошивший сияющую оболочку и вонзившийся в тело чуть ниже ключицы. А если взглянуть на девочку со спины, наверняка найдется такая же свежая отметина...

Лоб покрыла испарина. Рука непроизвольно потянулась к груди, нырнула за воротник и нащупала едва различимый на гладкой коже бугорок.

— Что случилось? — забеспокоилась Софи. — Тебе нехорошо?

— Да... Что-то стало...

— Воды?

— Нет, не нужно. Просто иди. И я... Я понял насчет Анны. Не волнуйся.

Чтобы унять озноб, он вынул из шкафа купленную впрок бутылку бренди и отхлебнул за раз добрую четверть. Не помогло.

Укутался в одеяло и сел на полу у очага. Стало еще хуже: вспомнил, как проснулся на этом же месте в первое утро. Софи притащила его от реки, а потом слегла на несколько дней...

— Бесовщина какая-то, — прошептал он, дробно отстукивая зубами. — Бред.

Бред был бы хорошим объяснением. Да, он простудился или подцепил от кого-то заразу, не сегодня, еще вчера, и теперь у него лихорадка, жар и галлюцинации — кажется, это

именно так называется. И нет никакого сияния — люди, поди, не лампочки! И не умеет он забирать чужой свет и чужую жизнь.

...а цветы, что стояли в комнате, все до единого засохли. И в углу валялся трупик не вовремя покинувшей свое убежище мыши...

Рассаду Софи посадила уже новую. Расставила горшочки в пустой, редко отапливаемой гостиной и бегала утром и вечером проверять свежие всходы.

Тьен пробрался в холодную комнату в полной темноте, и лишь прикрыв дверь, зажег принесенную с собой свечу. Но еще до того, как огонек озарил уставленный горшками и ящичками с землей стол, он успел различить слабое мерцание: как и все живое, растения имели свой внутренний источник света. Не душу, наверное, но силу, энергию... А там, может быть, и душу. Кто знает.

Выбрав самый крупный росток, уже выпустивший два маленьких листика, юноша достал из-за пояса прихваченный с кухни нож. Стиснул зубы и медленно провел лезвием по ладони. Больно! Но другого способа убедиться в собственном помешательстве он не придумал.

Ничего, сейчас заляпает все тут кровью, потопчется босыми ногами по холодным доскам, чтобы уж наверняка на неделю свалиться с лихоманкой, и точно поймет, что все это бред!

Ладонь зашипало, кровь тонкой струйкой потекла в рукав. Тьен поднес к свежему порезу цветок... Видел бы кто со стороны, сразу понял бы — идиот! Он уже готов был рассмеяться, но рана вдруг перестала пульсировать.

Вор громко сглотнул. Свечение вокруг выбранного им цветка обернулось туманом и, как дым в узкую щель, втянулось в рассеченную ладонь. Кровь остановилась, а края раны сами собой сошлись, оставив лишь темную полосу.

Вместо зеленого побега из горшочка с растрескавшейся землей торчала короткая сухая палочка.

...Этой ночью он снова не спал. Боялся. Снов, полетов, возвращения крылатых теней. Себя...

Тьен заболел. Сам сказал.

— Не входи! Я заболел!

Проснувшись, Софи слышала, как он ходит по комнате, хотела заглянуть, но резкий окрик остановил в дверях.

— Не входи, — повторил постоялец тише. — И малого ко мне не пускай. Заразитесь еще.

— Сделать тебе чай? Мед есть, липа...

— Нет, ничего не нужно.

Она думала и сегодня оставить с ним Люка, но теперь о таком, конечно, и не заикнулась. Приготовила завтрак, собрала еды с собой, разбудила брата, накормила и повела в лавку. Им не привыкать. Плохо только, что за два дня тепла, снег успел растаять, на салазках братишку не прокатишь, а за вчера мокрые улицы обледенели, и пришлось время от времени нести сонного малыша на руках, осторожно переставляя ноги, чтобы не поскользнуться. Но добрались кое-как.

На работе захворавшего квартиранта вспоминала не раз. Даже хотела сбежать в обед,

поглядеть, как он там, но пришлось бы просить господина Гийома присмотреть за Люком, а она так прежде никогда не делала — неудобно. Да и Тьен, поди, не малое дитя, воды как-нибудь сам себе вскипятит и обед разогреет...

К жаркому, что она оставила на плите, он и не притронулся. Суп тоже не ел. В хлебницу и не заглядывал. Вернувшись, Софи проверила шкафы и кастрюли, и убедилась, что парень, скорее всего, и на кухню сегодня не выходил. Нельзя же так! Во время болезни силы особенно нужны. А где их взять, если целый день на одной воде сидеть? Если он хоть воду пил.

— Тьен? — она тихонько постучала в дверь его спальни. — Можно я зайду?

— Нет. Иди к себе.

Голос у него был до того слабый и несчастный, что Софи и не подумала слушаться. Ишь, гордец нашелся!

— Помирать собрался? — Девочка решительно вошла в комнату. — А мне за свой счет тебя потом хоронить и заупокойную заказывать?

Парень на грубую шутку не отозвался. Сидел на кровати, ссутулившись и спрятав лицо в ладонях. Плечи мелко подрагивали, словно он плакал, но когда Софи приблизилась еще на шаг, вор резко вскинул голову, и она увидела совершенно сухие, болезненно-тусклые глаза.

— Я же просил.

Выглядел он совсем плохо. Бледный, даже губы побелели. Волосы на лбу слиплись от пота, и рубашка взмокла подмышками и на груди. Трясется весь.

— Тебе лежать надо. Давай, постель перестелю и...

— Не подходи! — выкрикнул он, стоило ей сделать еще шаг. На выставленной вперед ладони виднелись длинные царапины, а рукав весь был в бурых пятнах.

— Ты поранился? — спросила Софи, когда всполошенное его криком сердце перестало подпрыгивать в груди.

— Я? — Тьен опустил сжавшуюся в кулак руку. — Да, несильно. Только не подходи, пожалуйста. Не хочу, чтобы ты заразилась.

— Глупость какая, — отмахнулась она. — Зараза так быстро не липнет. Сейчас постель тебе расстелю, чай принесу и уйду.

На полу валялись исчерченные непонятными знаками листы бумаги. На некоторых, кроме чернил, темнели пятна крови, но она не собиралась ни о чем расспрашивать. Жар разум мутит, и не такое случается. Мама в последние дни все шила что-то, говорила, ей, Софи, приданое... Наволочка старая, вся в стежках. Выкинуть рука не поднимается, так и лежит в комоде, в нижнем ящике...

— Тьен. — От воспоминаний стало тревожно, а в глаза словно песка насыпали. — Что у тебя болит? Ты... — Она потянулась потрогать лоб, но он отстранился. — С-совсем плохо? Может... Может, доктора позвать? Он тут недалеко живет. Я сбегая, ага? У меня и деньги есть. Ты только приляг, пожалуйста. И чаю выпей, тебе надо. И...

— Не надо доктора, — тихо вымолвил больной. — Само пройдет, не впервой.

— Хочешь, воды тебе согрею? Обмоешься. Поешь потом. Поешь же?

— Хорошо. Только... Скажи, вот так... — Он осторожно, словно она была сделана из стекла, взял ее руку. — Вот так не больно? Или... я не знаю, как...

— Тепло. — Она зажмурилась, сдерживая вызванные грустными воспоминаниями и смутным тревожным предчувствием слезы.

— А так? — Ладонь к ладони, пальцы сплелись, и сквозь кожу чувствуется биение

чужого сердца. — Если так, то...

— Тепло, — повторила девочка, с силой вцепляясь в его руку. — И ты... Ты не горячий совсем. Видно, хворь потом вышла, отлежаться только надо, поспать...

Раньше такого не случалось. И болел, бывало, особенно в детстве. И дрался — куда же без этого? Как положено, харкал мокротой или с неделю отсвечивал фингалом под глазом. Зуб тот же, не врос ведь, хоть и вкручивал поначалу в десну, веря в слышанные когда-то побасенки.

Что же изменилось?

С ночи и до позднего вечера Тьен метался по комнате, терзал бумагу, в хитросплетении неведомо откуда всплывших в памяти символов пытаясь отыскать разгадки, и даже, как в той глупой присказке, бился головой о стену — все впустую.

Полегчало лишь с приходом Софи.

Он не хотел впускать ее. Боялся снова обидеть случайным прикосновением. Или не случайным. Ведь так тяжело удержаться, когда тебя манит ласковый и теплый свет...

А она все равно пришла. Он отбирал ее силы, ее жизнь, а она жалела его, волновалось, как о родном. И от этого становилось еще хуже... и лучше.

Он сидел на постели, и навалившиеся после часов бесплодных раздумий слабость и апатия, не давали лишней раз шевельнуть рукой, а она притащила с кухни табурет, взгромодила на него большой жестяной таз и наносила теплой воды. Как с маленького стащила рубаху, и пока он вяло плескался, смывая пот с лица и кровавые потеки с рук, перестелила постель и собрала разбросанные по комнате вещи. Потом принесла поесть. Мясо казалось безвкусным, каша становилась поперек горла вязким комом, а чай отчего-то вонял затхлым болотом, но он, борясь с тошнотой жевал и глотал, жевал и глотал, потому что она сидела рядом... А когда сбегала, посмотреть, как там Люк, которому рано было спать и которого по его, Тьена, милости лишили сегодня и ледовой горки, и сестры, парень сплевывал тошнотворную жвачку на обрывок газеты и швырял под кровать, к выпачканным в крови салфеткам и трем убраным подальше от глаз Софи горшочкам с загубленной рассадой...

А после сам не заметил, как уснул, успокоенный добрым светом...

На следующий день была намечена встреча с Лансом. Тьен сам выбрал место и время, но соблазн не пойти был велик. Остаться дома, отлежаться, выспаться, стараясь не думать больше ни о чем. И не ходить в комнату с молоденькими примулами и фиалками. Вчерашних изысканий хватило: забирать силу — да, отдавать — хоть от натуги лопни, нет. Не вышло ни с цветами, ни с Софи.

Полдня провалявшись в кровати, к обеду он все же заставил себя встать. Умылся, переоделся, поел, сколько смог, и вышел в город. Шут должен был подойти к центральному почтамту в шесть вечера, но сидеть до того времени дома, дожидаясь прихода Софи, Тьен не хотел.

Прогулялся по парку, заглянул в несколько магазинов. Горбунья Нэн, будь она жива, сказала бы, что в церковь надо, у бога помощи попросить, но в это он с малолетства не верил. Не в то, что бог есть, в этом-то как раз не сомневался, а в то, что бог есть в церкви. Что ему делать в душном полумраке, просмердевшем смешанным с благовониями старушечьим потом? А вот что там действительно хорошо, так это по карманам шерудить, но

настроение было нерабочее.

Исходив прилежавшие к городскому центру улочки вдоль и поперек и вдоволь налюбовавшись на грязные дома и расфуфыренных мещанок, он убил кое-как два часа и явился к почтамту в срок, чего никак нельзя было сказать о досточтимом Ланселоте Крайо, опоздавшем ровно на двадцать две минуты.

— Тебе часы подарить? — проворчал Тьен вместо приветствия, при этом рассматривая старого приятеля по-новому, так, как недавно научился.

Шут светился почти как ребенок, озаряя мир вокруг ровным и чистым сиянием, в котором давно и бесследно потонули темные пятна былых неурядиц.

— Подари, — не отказался он. — А заодно можешь и работенку новую подыскать.

— А с этой что не так? — забеспокоился Тьен. Думал, хоть за друга спокоен будет, а тут такие заявления.

— Скучно, брат, — посетовал белобрысый. — Рассказать не могу, как скучно! — За разговором они пошли вдоль по улице, намереваясь остановиться хоть в чайной, хоть в рюмочной, и прохожие теперь озирались на размахивающего руками Ланса. — Ходишь туда-сюда, бродишь. Продашь что-нибудь, не продашь — не известно. А наслушаешься бывает! А то и побить могут.

— Побить? — нахмурился вор: с Шутом никогда не разберешь, взаправду говорит или заликает опять. — За ухваты, что ли?

— Угу, за ухваты. Ухватил тут одну, а у нее, оказывается, муж в комнате дрыхнет.

— Кому что, а тебе все бы баб тискать.

— А я виноват, что она мне открыла в лифчике на босу ногу?

Тьен попытался себе это представить, но воображение подвело.

Присели в маленьком кабачке. Взяли по пинте пива и копченых колбасок. Платил за все известно кто.

— На работе пока продержись, — увещевал товарища вор. — За руками следи и за языком тоже. Для дела надо, я ж объяснял. Погоди, пока центральные районы тебе доверят.

— Что за дело хоть? Ты ж ведь так и не сказал.

— Заказ один есть, — туманно начал Тьен. — Стоящий. Но подойти нужно серьезно.

— Хату брать будем? — пригнувшись к столу и оглядываясь по сторонам прошептал господин коммивояжер.

— Когда б это я домушником заделался? Нет, конечно. Человечка одного обработать надо. Но сперва прощупать хорошенько. Посмотреть, где и с кем живет. А там и дальше определимся.

— А что за человек-то?

— Инженер, — глазом не моргнув, выдал вор. — Конструирует армейские машины. Кое-кто хорошо заплатит, если мы у этого хмыря чертежи изыщем. Но взять его нелегко. Дом охраняется, контора тоже. По дороге разве что перехватить...

Он такое в одной книжке читал. Только там за главного героя не вор был, а сыщик. А вор — дурак дураком, в конце, когда его все же застрелили, и жалко не было.

— Но адрес пока не скажу, — закончил рассказ Тьен. — Надо, чтоб тебя в том районе знали, чтоб и не подумали после. Ясно?

— Ясно. — Шут вдруг посмурнел. — Так мы теперь на иностранную державу работаем? Шпионы типа? Я, знаешь, на такое не подряжался. Я хоть и вор, конечно... бываю иногда. Но вообще я, может быть, этот... как его... полиглот!

— Патриот, — поправил его с усмешкой друг. — Я, наверное, тоже. Так что иностранные державы тут ни при чем. Конкурирующая фирма. Хотят себе новейшие разработки заиметь и контракт с министерством. Там, знаешь, какие деньжища вертятся!

— Какие?

Тьен сказал навскидку, и пришлось еще пинту брать — Ланса от изумления отпаивать.

— А что там «мертвяк»? — словно невзначай поинтересовался он.

— Да ничего, — пожал плечами белобрысый. — Недели две уже ни слуху, ни духу. Как в воду канул.

Примерно после того дня, как повстречался с Софи.

Занятно... было бы, не будь так страшно. С чего бы вдруг? Увидел девчонку, метку на ней — мысленно Тьен называл следы в сиянии людей метками — понял, откуда та взялась и догадался, что он жив... И все?

— Ланс, хочешь заработать по-быстрому?

— Кто ж не хочет?

— Значит, слушай сюда, — вор притянул приятеля за шею. — И не думай, что я шучу. Встретишь этого типа, сразу иди к нему. Прямо к нему, даже по сторонам не озирайся...

Было уже: глаза на секунду отведешь, а его и след простыл.

— ...подходи и требуй с этого хмыря обещанную награду.

— К-какую награду? — Шут икнул.

— То, что он за меня живого обещал. Помнишь?

— Ты что? Хочешь этого жука на деньги развести?

— Нет. Поговорить с ним хочу. И тебе какая-никакая выгода.

Засим пришлось брать еще пинту.

— Слышь, Валет, — захмелевший порядком Ланс с усилием сфокусировал взгляд на лице приятеля. — Запомню совсем: козырь твой в слободе объявился.

— Какой он мой? — отмахнулся Тьен. Шулер с его девкой, как и пробившая грудь пуля, казались теперь досадным недоразумением, не стоящим воспоминаний. — Да и я какой теперь валет? Не в колоде же.

Звание, которое с гордостью носил как имя, в числе многого другого утратило ценность.

— Верно, — подумав, согласился коммивояжер. — Не валет. А козырь — он козырь. Говорят, свою банду собирает. Для серьезного дела. Добровольцев ищет.

— Не лезь в это, — сурово наказал Тьен.

— Я и не думал. Ну его, с той сволотой связываться. У нас же свое серьезное дело, да? Мы этого инженеришку...

— Обязательно. Так что не засиживайся, тебе на работу завтра. И я пойду. Манон привет.

Если верить афишам, выставка альерских находок уже два дня как открылась, но Тьен не хотел идти один. Боялся. Если случайного взгляда на изображение загадочной плиты хватило, чтобы разбудить пугающие воспоминания (а он уже не сомневался, что дело именно в плите), кто знает, что случится, когда он окажется в музее? Что еще увидит? Что узнает?

Нет уж, пригласил Софи, значит, и пойдет с ней. Самому спокойнее, и девчонке радость — снова из дома вырваться.

Правда, она почему-то счастья своего не оценила.

— Я прибраться хотела. И вещей на стирку скопилось. Утром начала бы, к вечеру, глядишь, и просохли бы — солнечно сегодня, ветерок хороший. Да и тебе лучше бы еще отлежаться, а то ходишь где-то полдня, а после снова тебе плохо.

Плохо стало лишь раз. Ни с того, ни с сего накатило что-то... Но прошло.

— Смотри, мелкая, ты меня знаешь, второй раз не позову, — пригрозил он. — А съеду, некому будет тебя по музеям водить.

— Съедешь? — переспросила она. Спокойно, но в глазах на миг промелькнула тревога.

— Не век же мне у тебя жить? — резонно заметил парень. — А пока я тут, пользуйся моментом.

Переломал кое-как.

С утра подмазался, воды на стирку наносил, малого развлекал, пока она там управится. У себя в комнате порядок навел, чтобы девчонка и не совалась. А к обеду она Люка опять к соседке пристроила вместе с куском буженины, и вышли.

В Музее естествознания Тьен при всем своем любопытстве еще ни разу не был. Знал, что тот находится где-то неподалеку от Технического университета, а университет — рядом с пожарной управой, которая в двух кварталах от мэрии. Далеко, в общем. От центра можно было доехать на трамвае, но вор расщедрился на извозчика: и быстрее, и дорогу не надо спрашивать.

Коляска с откидным верхом подкатила прямым ходом к ступеням двухэтажного здания с округлыми светло-желтыми стенами. Куполообразную крышу музея поддерживали стройные белые колонны, а высокие окна и выпирающие с двух сторон от входа эркеры украшала алебастровая лепнина.

Тьен первым соскочил с подножки и подал руку замешкавшейся девочке. Колени дрожали от боязливого нетерпения поскорее оказаться внутри.

За большой двустворчатой дверью открывался просторный холл. Слева — стойки с проспектами и сувенирный киоск, справа — гардеробная. Пожилой фотограф в отделенном ширмой углу предлагал сделать снимок, как тут, так и на фоне понравившихся экспонатов, но заработки, по всему, ему сегодня не светили. Посетителей было немного. В основном, как понял вор, студенты, получившие какое-то задание. Разоблачившись, они расходились по нужным им залам, а желающих поглазеть на древности, кроме них с Софи, нашлось лишь четверо: дряхлый старичок в концертном фраке, едва переставлявший ноги, опираясь на трость, и трое молодых оболтусов, которым, очевидно, все равно куда ходить, лишь бы не на университетские лекции. Один из них, по виду, южанин, смуглый, черноволосый и

черноглазый, в своем кругу слышавший, должно быть, знатным сердцеедом, в ожидании начала экскурсии оценивающе приглядывался к Софи, пока та, оставив спутника сдавать в гардероб верхнюю одежду, любовалась расписанным сводчатым потолком. Волосы она убрала так же, как тогда, когда ходили в Гуляй-город, и платье надела то же, зеленое с черным, верно, другого на выход не было... А кому-то, видать, в жизни проблем не хватает.

Тьен получил номерки, спрятал в карман пиджака к привычно лежащему там портсигару и успел заступить дорогу решившемуся подойти к девчонке красавчику. В несколько шагов оказался прямо перед ним, подступил вплотную и выпрямленными в струну пальцами резко ударил под ребра, в печень. Чернявый — вор не понаслышке знал, каково ему сейчас, — широко открыв рот, с сипением хапнул воздуха и согнулся бы пополам от боли, не придержи Тьен его за плечо.

— Шшшш... Не ной, ты ж мужик. — Ласковая улыбка открыла прореху в ровном ряде белых зубов. — А тут есть, на что еще поглазеть. Музей все-таки.

Софи обернулась на шум, и он напоказ вынул из кармана часы:

— Без пяти два, — громко сообщил кривящемуся от боли франту, будто тот спрашивал у него, который час.

— Да-да, — отозвались от окошка смотрителя. — Сейчас начинаем.

Степенный мужчина лет пятидесяти, пышными баками и подкрученными вверх седыми усами напоминавший военачальника прошлого века, коих Тьен немало повидал на портретах в книгах, приблизился к собравшейся в холле компании. Вдохнул, увидев малочисленность любителей старины, но скорбь в его лице тут же сменилась хорошо отработанной улыбкой.

— Прошу вас, — он указал на одну из четырех выходивших из холла дверей. — Начнем, пожалуй.

Тьен отер о штаны вспотевшую ладонь и взял Софи за руку. Понадобилось усилие над собой, чтобы не сжать до хруста тонкие девичьи пальчики.

— Большинство экспонатов, представленных в этом зале, были привезены известным вентанским археологом Генрихом Лэйдом с раскопок в департаменте Альер, которыми он руководил, начиная с двадцать восьмого года прошлого века. Нужно заметить, что при жизни Лэйд не пользовался особым авторитетом среди коллег, как говорили многие, из-за несерьезного подхода к науке. В своих работах он часто ссылался на выдержки из легенд, увязывал реальные исторические находки с мифологией, и сам, по утверждению современников, верил в существование сказочных существ, которые якобы не только населяли наш мир раньше, но и до сих пор живут среди людей... Впрочем, для человека его профессии такое чудачество простительно. К тому же в последние годы Лэйд заметно посерьезнел, а из его трудов исчезли упоминания об альвах и ундинах. Но представленное здесь тем и интересно...

Мужчина продолжал говорить, но Тьен вдруг перестал разбирать слова. Перебегавший от стенда к стенду взгляд прилип к большому портрету на дальней стене длинного, уставленного экспонатами зала. Не видя больше ничего и никого вокруг, почти оттолкнув с дороги экскурсовода, юноша быстрым шагом двинулся к картине, и Софи, руку которой он так и не отпустил, едва поспевала за ним.

— Погодите! — выкрикнул сбитый с толку музейный работник. — Нельзя же так!

Но никто его не послушал. И юнцы (красавчик-брюнет еще злобно сопел, косясь на вора), и трясущийся старичок уже устремились вслед за юношей и выстроились перед портретом, изображавшим немолодого лысоватого мужчину в круглых очках, стоявшего за

спинкой кресла, в котором устроилась с ребенком на руках светловолосая красавица. Мальчик лет пяти улыбался матери, и в прищуренных глазенках блестели лукавые зеленые искорки...

— Что ж, — вздохнул усач. — Давайте так. Это, господа... и дама, и есть Генрих Лэйд, его жена Александра и их сын... э-э... в записях не осталось его имени. В скором времени после того, как был написан этот портрет, вся семья погибла при трагических обстоятельствах. Портрет сохранился лишь потому, что художник не успел отдать его заказчику.

— Когда случился пожар? — спросил Тьен и сам не узнал свой голос.

— Я еще не говорил о пожаре, — оживился экскурсовод. — Вы, должно быть, читали о жизни Лэйда? А пожар, как верно сказал молодой человек, произошел в имении археолога, к слову, всего в пяти милях от нашего прекрасного города, в тридцать девятом году.

— Прошлого века? — зачем-то уточнил вор, не в силах оторваться от лица женщины на портрете. Светлые, почти белые волосы, нежная кожа, огромные голубые глаза. А в жизни она была еще красивее...

— Семьдесят два года назад, — шепотом подсчитала Софи.

По спине ручьями потек холодный пот, и Тьен еще крепче сжал руку девочки.

— Часть альерских находок была передана музеем Генрихом Лэйдом лично, но большинство экспонатов попали к нам уже после смерти археолога. Их любезно и совершенно безвозмездно предоставил родственник жены Лэйда, господин Фернан Андер...

— Где его можно найти? — вновь перебил рассказчика вор.

— Очевидно, на кладбище, — резко заявил обиженный такой вопиющей наглостью экскурсовод. — Сверьте даты: вряд ли господин Фернан дожил до наших дней.

Жив, еще как жив. Что бы там Ланс не плел, на мертвяка Фер совсем не походил. Родственник, значит...

— По условиям договора дарения музей обязан выставлять данную экспозицию на широкое обозрение раз в три года, — продолжил тем временем усач. — В остальное время коллекция сберегается в хранилище. Но в этот раз решено было организовать выставку раньше установленного срока, потому что... — Он замаялся. — Решено было открыть выставку раньше, — закончил безо всяких «потому что». — И если больше вопросов нет, предлагаю перейти к осмотру...

...Игрушки россыпью на ковре, глаза разбегаются: солдатики, пушки, повозки, отполированные деревянные брусочки, из которых можно построить огромный замок, за который будут сражаться оловянные вояки.

— Ты его разбалуешь, Фер! — смеется мать.

— Чушь! Мальчишку нельзя разбаловать подарками, только неумной материнской заботой.

Из этих дощечек, верно, составляется мост. А вот лошади!

Игра увлекает, и разговор взрослых слышится будто издалека.

— Ты не все мне говоришь, Аллей. Для тревоги есть причины?

— Нет. Конечно же, нет.

— Значит, все по-прежнему? И он не обнаруживает никаких ненужных способностей?

— Если кровь и проявилась в нем, то только моя кровь. Мне кажется, воздух благоволит к нему.

— Воздух, это хорошо, — успокоенно вздыхает мужчина. — Не огонь, не земля, не вода. Хотя...

— Договаривай!

— Порой мне кажется, что у него глаза водяного змея.

— У него глаза его деда, — в голосе матери слышится горечь. — А Верден — змей еще тот.

— Потому я и беспокоюсь, Аллей. Я не могу быть с вами все время.

— Генрих о нас заботится. Он хороший человек.

— Вот именно, человек.

— Оставим эти разговоры, Фер. Здесь нас не найдут, да и вряд ли будут искать. Лучше пойдем, я покажу тебе, как мы устроили библиотеку. Поиграешь тут один, милый?

Конечно! Как можно оторваться от всего этого великолепия?

Когда шаги в коридоре стихают, он тихонько подбирается к камину и отодвигает мешающую дотянуться до огня решетку.

— Смотрите, что у меня есть! — гордо хвастает он, показывая жителям очага солдата с длинной винтовкой.

Они глупые, конечно, и целыми днями только и делают, что грызут дрова, но такую красоту невозможно не оценить.

Юркие огненные ящерки вытягивают шеи и согласно кивают: красота...

— Тьен! — Софи с силой дернула его за руку. — Ты... Как ты?

— Голова закружилась, — соврал он, отворачиваясь от портрета.

— Этот мальчик, ты заметил...

— Что?

— Вы похожи, — пролепетала она смущенно.

— Немного, — признал Тьен.

— Просто ты говорил, что не помнишь своих родителей...

— И если бы не пожар, он мог бы быть моим дедом, — грубо закончил вор. — Пойдем, посмотрим, что там еще.

Он не хотел обижать ее, но и не имел никакого желания рассказывать то, во что невозможно поверить. Потому что как раз она поверила бы.

Словно проснувшись от затяжного сна, юноша бродил по залу. Руку Софи он уже выпустил, но девочка тенью брела следом, ни словом не отвлекая от рассказов музейщика и собственной заговорившей памяти. Какие-то вещи он узнавал, какие-то видел впервые. Ему редко позволялось входить в кабинет отца и никогда — в комнату, где хранились привезенные им с раскопок находки. Только раз мать подвела к большой каменной плите, к той самой...

— А это... — начал экскурсовод, подведя маленькую группу к огражденному канатами экспонату.

— Ментор, — одними губами прошептал Тьен.

— ...памятная табличка, заключающая в себе основы так называемой магии стихий. Для вас, наверное, не секрет, что наши предки верили в четыре начала всего сущего.

— Все, что мы имеем, приходит к нам из земли, воды или воздуха и живет огнем, — повторил заученное когда-то вор.

— Я гляжу, вы большой поклонник Лэйда, — недовольно покосился на него музейный

служащий, вновь перехватывая вырванную у него нить повествования. — Именно так он расшифровал надпись вверху плиты. А по углам, соответственно, знаки всех четырех стихий и подчиненные этим стихиям свойства... э-э... умения. К примеру, вода наделяла человека способностью к целительству. Порождением данной стихии считались ундины и тритоны. Воздуху соответствовали серфиды... Примечательно, что о серфах — это мужская производная — Лэйд никогда не пишет, а вот девы воздуха его, кажется, особо занимали...

— Кого же не занимают девы? — гоготнул один из юнцов.

— Меня, — проскрипел старик во фраке. — И уже давно. Не мешайте слушать, пожалуйста.

— Какими свойствами обладал огонь? — найдя в себе силы на вежливость, поинтересовался Тьен.

— О, у него много свойств. Но самым примечательным я назвал бы то, что огонь, по верованиям наших предков, был хранителем жизни... Впрочем, вы сами сказали почти то же самое. Мифические фениксы умирали и возрождались в огне, и люди верили, что тоже смогут так. Отсюда, очевидно, и пошел обычай сжигать усопших, на отдельных территориях просуществовавший до конца позапрошлого столетия. А где-то, думаю, это практикуют и поныне. Элементариями огня считаются саламандры.

— А что это за знак в центре? — спросил, привлекая к себе внимание, брюнетистый щеголь.

— Это, как писал Лэйд, символ памяти.

— Вспомни, — сквозь зубы выцедил Тьен.

Можно же просто поговорить, а не развешивать по всему городу афишки.

— Верно, — кивнул музейщик. — «Помни» или «вспомни». Именно на основании значения этого символа и был сделан вывод, что данная плита являлась кратким списком основных правил, составленных, предположительно, в помощь ученикам.

— Так это шпаргалка! — заржал любитель дев. — Так и представляю, как ученик ее под полой на экзамен тащит!

Последовавший за этим смех вызвал волну раздражения. Но Тьен сдержался, смолчал. Не только в этот раз — вообще. До конца экскурсии он не задавал больше вопросов и ни к одной вещи тут не выказывал излишнего интереса. Дождался, пока музейщик распрощается, оставив посетителей, будь на то их воля, самих побродить по залу, и вышел в холл.

— Хотите заказать снимок? — со слабой надеждой поинтересовался при его приближении фотограф.

— Да.

— Рядом с каким-нибудь экспонатом?

— Сам экспонат.

Юные дурносмехи уже ушли восвояси, а старик во фраке, остановившись у двери, наблюдал, как мастер устанавливает в центре зала свой аппарат и меняет линзы, чтобы запечатлеть для «большого поклонника археолога Лэйда» семейный портрет.

— Еще один кадр? — предложил фотограф Тьену. — На память: вы рядом с портретом своего кумира? А барышня с вами?

— Барышня со мной, — кивнул вор. Подозвал к себе мнущуюся в сторонке Софи. — Ну что, мелкая, сохранимся для истории?

— Хотя бы улыбнитесь, — попросил фотограф, перед тем долго примериваясь. — И немного влево, молодой человек, иначе вы головой закрываете мальчика на картине.

— Ничего, — усмехнулся юноша. — Не страшно.

Вспышка ослепила на миг, девочка вздрогнула и вцепилась в рукав.

— Сможете забрать фотографии в начале будущей недели. Сейчас выпишу вам квитанцию.

Больше в музее делать было нечего.

— Приятно видеть, что они не забыты, — вздохнул старик у двери, когда Тьен, в последний раз взглянув на портрет, повел Софи к выходу. — Удивительно светлые были люди.

Вор споткнулся.

— Вы их знали? — с удивлением спросила девочка — сам Тьен и слова не смог вымолвить.

— Да. В детстве я жил в имении Лэйдов, мать была горничной у госпожи Александры. В тот день нам повезло: у нее был выходной, и мы поехали в город. А не то бы... — пожилой человек удрученно опустил белую от седины голову. — Знаете, — продолжил он, видя, что слушатели никуда не спешат, — время тогда куда суровее нынешнего было, как и нравы, а матушка прижила меня без мужа. С родней рассорилась, без жилья осталась. Если бы не госпожа Александра и ее муж, трудно бы нам пришлось. А у Лэйдов жили и горя не знали, и после, как выяснилось, хозяева нас в завещании не забыли. Светлые, светлые были люди... Сударь Генрих, до чего сказки рассказывать мастер был! Сынишку, помню, усадит, а тут же и ребятня вся, что в имении найдется: я, кухаркины двое, садовника помощник. Обо всем на свете забудешь, пока слушаешь. А у жены его пианино было. Я сунулся как-то, открыл крышку и пальчиком так тихонько по клавишам. Глядь, а она в дверях стоит. Думал, заругает. Ан, нет, учить взялась. Сказала, есть во мне это...

— И вы стали музыкантом? — предположила девочка, оглядев наряд старика.

— Стал, — не без гордости кивнул он. — Раньше с оркестром выступал и сам, бывало, концерты давал. Да годы уже... Но играю до сих пор. Я тапер в кинотеатре при студенческом клубе, здесь недалеко. Приходите. На этой неделе дают чудесную комедию. Не поверите, но когда гаснет свет, звучит музыка, и люди смеются, мне иногда кажется, что я слышу смех госпожи Александры. Такой смех раз услышишь, никогда уже не забудешь: чистый, искренний, словно хрустальные колокольчики звенят. А сынок ее... Э-хе-хе... Вот уж кого больше всех жалко. Малыш ведь совсем. Мне почти восемь было, а ему только-только пять исполнилось. Праздник, помню, был волшебный просто. Артистов наняли, дом весь в цветах. Сударь Генрих ему пони подарил — мы, ребятня, все по очереди перекатались... А люди, что завалы после пожара разбирали, сказали, что и не осталось от него ничего, до того маленький был...

Софи жалостливо шмыгнула носом, глаза у нее вмиг сделались влажными, и старик, увидев это, с улыбкой покачал головой:

— Полно, милая барышня. Жизнь-то продолжается. Даже моя, а вам так и вовсе горевать не положено. Простите, что растрогал, поговорить вдруг захотелось. Находит порой, годы, видать.

Он поклонился, прощаясь, и медленно, опираясь на трость, поковылял через холл к гардеробной. Подождав немного, Тьен нагнал его, оставив Софи в стороне.

— Скажите, — заговорил он тихо, чтобы девочка случайно не услышала. — Тот ребенок, о котором вы рассказывали... Музейщик говорил, что в записях не осталось его имени. Быть может, вы помните?

— Конечно, помню. Этьен. Этьен Лэйд. Но сам он, как начал говорить, звал себя «Тьен», и все в доме привыкли называть его так.

Если в глубине души еще и оставалась надежда на то, что он все-таки сошел с ума, последние слова старика развеяли ее в прах.

Из музея Софи выходила, переполненная странными чувствами. История археолога и его семьи трогала до глубины души, а при взгляде на ребенка на портрете вспоминался Люк, и сердце начинало встревоженно биться в груди, так что его стук перекрывал порой рассказы экскурсовода. А еще тот мальчик очень походил на Тьена, и вор, как бы ни старался казаться сухарем, все же расчувствовался от увиденного и услышанного.

— Пройдемся? — предложил он, когда девочка уже думала, что они снова возьмут извозчика.

Она спешила домой, поскорее увидеть брата и убедиться, что с ним все в порядке, но отказать не смогла. Молча взяла парня под руку и так же молча пошла за ним по широкой незнакомой улице, время от времени оглядываясь по сторонам на красивые высокие здания, проезжающие неспешно экипажи и изредка — шумные автомобили, но больше — смотрела прямо перед собой, просто, чтобы не задеть никого из прохожих. День пока был далек от своего завершения, солнце, пусть и не так высоко, еще светило, и даже, если поднять к небу лицо, как будто грело, бросая робкий вызов пощипывавшему щеки морозу... Белье на веревке, должно быть, задубело — снова Люк будет хохотать, когда она внесет в комнату и шутки ради поставит на пол его штанишки, словно в них влез невидимка. Его смех тоже похож на звон хрустального колокольчика... Но с ним никогда не случится ничего плохого, потому что она всегда будет рядом.

— Хочешь, на будущей неделе сходим на фильм? — спросил Тьен, не глядя на нее, а думая, видимо, о старом тапере.

— Только с Люком.

Братишке понравится, он такого никогда не видел. А она видела, не в кинотеатре — в клубе железнодорожников. Отец тогда еще жил с ними. В большом зале повесили на стену белый экран и поставили проектор. Крутили не комедию, а пуск состава по новому мосту, и Софи до конца показа боялась, что издали похожая на лесенку из спичек конструкция вот-вот обвалится под поездом. Ей было семь, и она еще не знала, что фильм — это то, что уже давно случилось, и если бы мост обвалился, вряд ли бы это стали показывать.

— Ладно, — согласился парень. — С Люком, так с Люком.

Хотел добавить что-то еще, но неожиданно запнулся и крепче перехватил руку Софи — видимо, чтобы ее не сбила с ног с визгом бросившаяся на них девица.

Не было печали...

Тьен только и успел, что досадливо цыкнуть, а в следующую секунду Иветта уже повисла на шее.

— Валет! Миленький! — Как ни старался увернуться, обслонявила, оставив на его лице разводы ярко-красной помады, а напоследок со вздохом припала к груди: — Живой!

— Я тоже рад тебя видеть, Иви, — изобразил вежливую улыбку он.

С той же улыбкой, оттащил рыжую шалаву в сторону, подальше от Софи, и, не меняя выражения лица, прошипел:

— Повидались? Довольна? Теперь иди, куда шла.

— Ой, ну ты чего? Ну в бани меня позвали, работа, сам понимаешь.

— Угу. Гляди, помыться не забудь.

— А завтра я свободная, — растянула девица, кокетливо стреляя подведенными сурьмой глазками. — Ой, Валет...

Ой, дура!

— Пшла отсюда. — Улыбка на миг превратилась в оскал. — Я неясно сказал? И в слободе обо мне трепаться не вздумай. Узнаю, убью.

Иви побледнела, отступила на шаг, но не ушла. Обернулась на Софи и скривилась:

— Так ты меня из-за этой лярвы малолетней гонишь?

Если бы мелкая не смотрела, и людей на улице поменьше было, Тьен ей ухмылку с физиономии враз смазал бы.

— Пасть закрыла и пошла, — приказал он ровно. — Ляпнешь кому, что меня видела, — я предупредил.

Вернулся к Софи, взял под руку и спокойно провел мимо застывшей на тротуаре бланкетки, с квартал еще чувствуя упершийся в спину взгляд.

— Я видела тебя с этой девушкой на набережной, — еще через квартал припомнила Софи. — Твоя подруга?

— Знакомая, — ответил он, отстраненно отметив, что память у девчонки отличная. — Просто знакомая проститутка. Это как куртизанка, только...

— Я знаю, кто это, — мелкая отвела взгляд, но, на удивление, не покраснела. — А почему «Валет»?

— В карты играешь? Знаешь по старшинству?

— Не самая крупная карта. Но не мелкая.

— Вот и я такой был.

— А теперь?

...На площади у пожарки Тьен нанял извозчика и отправил ее домой, сказав, что еще погуляет.

Но куда идти, что делать и как вообще быть, он не знал.

Календарь сообщил с утра, что сегодня пятница, но, дотемна бродя по городу, Тьен и не рассчитывал повстречаться с Фером. Что-то говорило, что загадочный родственник затаился надолго. Бросил, как кость, подсказку и не появится до тех пор, пока не произойдет что-то еще.

А ему очень не хотелось, чтобы что-нибудь происходило.

Жизнь разделилась надвое: в одной был он Валетом, ловким карманником, никогда не знавшим семьи, в другой — получил вдруг эту семью в виде старого портрета и кучи вопросов, один другого страннее. И тут выяснилось, что хорошо ему было не в той жизни и, уж тем более, не в этой, а в аккурат между, и лучше того времени, что он провел в тихом домике рядом с Софи и Люком, было разве что самое детство, когда он имел, наверное, все, о чем только можно мечтать, но о котором по-прежнему ничего не помнил, кроме всплывших случайно сцен.

Но в детство нельзя возвратиться, а в доме Софи уже не получится спрятаться — от самого себя не убежишь...

Вернулся он около полуночи. Мелкая уже легла, как обычно, оставив для него на плите ужин. Тьен прислушался у ее двери: тихо.

Вошел к себе. Бросил на стул пиджак, не расстегивая, стянул через голову рубашку и только тогда понял, что не зажег лампу. Темнота, разбавленная жиденьким светом с улицы, не мешала видеть. Ну, здравствуй, очередное чудо! Юноша тяжело вздохнул и потянулся за спичками: так привычнее.

Он зажег фитилек, выкрутил на полную силу и, присев у стола, долго смотрел на огонь. После, решившись, снял с лампы стекло и протянул руку к огню.

— Я знаю, что ты там, — прошептал он, вновь почувствовав себя помешанным. — Выходи. Ну, давай-давай, выходи.

Язычок пламени лизнул пальцы, но Тьен не отдернул руку, и вскоре перестал чувствовать боль — только тепло.

— Выходи, — повторил он, словно выманивал забравшегося под диван щенка. — Ну, пожалуйста.

Огонек дрогнул, увеличился в размерах и медленно сформировался в маленькую верткую ящерицу. Саламандра покрутила головой, словно хотела убедиться, что кроме юноши никого больше в комнате нет, и проворно взобралась на предложенную ладонь.

— Красавица, — с искренним восхищением выдохнул Тьен.

Ящерица злобно зашипела, вздыбив колючий гребень пламени.

— Ладно-ладно, красавец! — исправился вор.

Саламандра скривила морду — вышло очень похоже на ухмылку — и неожиданно прыгнула с его руки на пол. Взметнувшийся к потолку столб огня заставил юношу отшатнуться и зажмурился, а когда он открыл глаза, вместо дымящихся половиц и занявшихся занавесок увидел как в зеркале самого себя, только сотканного из искрящихся огненных нитей.

— Красавец, м-да...

Огненный гордо выпятил грудь.

— Лучше бы ты говорить умел.

— А с чего ты взял, что я не умею?

«Ну и ехидная же морда, — подумал, глядя на пылающего собеседника Тьен. — Неужели и у меня такая?»

— Даже не сомневайся, — заявил огненный. — И хуже бывает. Это все, о чем ты хотел спросить?

— А ты... Ты сможешь ответить на все? — внутри все сжалось от страха и предвкушения.

— Нет.

— Но...

— У тебя в голове тысяча вопросов, включая «Куда же подевался полосатый носок?», а у меня только... минут десять, если пользоваться вашим понятием времени. Так что определись, что интересуется тебя в первую очередь. Если что, он под шкафом.

— Кто?

— Носок. Я берегу твое время.

Время, время... Вот, о чем нужно спросить! Но все по порядку.

— Я на самом деле — Этъен Лэйд? — произнес он, запинаясь.

— Нет.

Юноша не ожидал такого ответа и растерялся.

— Но ты жил когда-то под этим именем, — продолжил огненный.

— Хорошо, — вздохнул вор, приходя в себя.

— Не очень, — пламенное отражение передернуло плечами.

— Почему?

Забыв, что говорит не с человеком, Тьен попытался взять его за руку, но огненный дернулся в сторону.

— Не нужно. В тебе теперь слишком много воды, мне это немного неприятно.

— Много воды?

— Да, ты впустил ее в себя недавно... Или она сама втекла. Скромностью она никогда не отличалась, а в тебе была шикарная дырка — как тут не воспользоваться? Впрочем, если бы не вода, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

— Да?

— Да, — перекивлял огненный. — Ты собираешься задавать вопросы, или я должен сам себя спрашивать и сам же и отвечать?

— Вода исцелила меня после ранения? — тут же сформулировал вопрос Тьен.

— Нет. Ты исцелился сам. Но вода научила тебя, как это сделать. Не хватало только сил. Ты мог бы попросить меня, хотя живая энергия для таких целей подходит, конечно, лучше. Ты взял часть силы у девочки, а остальное — у растений и бедной мышки. Но тебе ведь не жаль мышку? Нет? А девочку?

— Я мог убить ее. — Юноша закрыл лицо ладонями.

— Мог. Если бы она осталась с тобой до утра. Но для этого малыш Софи слишком хорошо воспитана. Кстати, она мне нравится, так что, если можно, поосторожнее в другой раз.

— Другого раза не будет, — пообещал Тьен. Ему неприятна была эта тема: огненный говорил так, словно он намеренно обидел девочку, тогда как парень до недавнего даже не подозревал, что причастен к той ее болезни. — Скажи, ты знаешь, что со мной случилось после пожара? Где я был столько времени?

— Ты не был.

— Я... — Тьен сглотнул подступивший к горлу ком и с трудом выдавил из себя страшное слово: — Умер?

— Нет. Ты остановился.

— Остановился?

— Да. Не умер. Остановился. Как... — огненный завертел головой, а потом указал на стену: — Как часы. Часы мертвы, когда в них заканчивается завод?

— Я помню... Мне кажется, что я помню пожар. Помню, как в наш дом пришли крылатые тени... Кто они?

— Слуги.

— Чьи?

— Того, кто их призвал.

— Я выпал из окна, — закончил юноша.

— Ты пытался лететь. Но воздух отказался от тебя.

— Почему?

— Наверное, потому, что твоя мать однажды отказалась от него. Мы бываем, нет, не злопамятны, немного обидчивы. Но с тобой я всегда неплохо ладил. Потому и забрал тебя.

— Ты? — поразился Тьен. — Там был ты?

— Ох, дитя, — пламенный лик на мгновение исказился, и вместо своего отражения

юноша увидел древнего старца, смеющуюся девушку, ребенка — словно тысяча лиц промелькнула перед ним. — Я — Огонь, и я един во всех своих воплощениях. Иначе как бы я мог ответить на твои вопросы?

Тьену некогда было осмысливать услышанное, хотелось узнать как можно больше, и его собеседник это понял.

— Я забрал тебя, — продолжил он прерванный разговор, — а после вернул обратно.

— Через шестьдесят лет?! — рискуя разбудить спящих в соседней комнате детей, выкрикнул с горечью юноша. — Когда все, кого я мог знать, или умерли или состарились?

— Вернуть жизнь нелегко, — спокойно ответил Огонь. — Проще создать новую. Шестьдесят лет — пять раз по двенадцать. Всего лишь пять, я и так торопился. Двенадцать лет — полный цикл, за который управляющие миром светила, делают оборот и снова занимают то место, где они находились в момент изменения. Три цикла ушло на то, чтобы собрать твою душу. Воля, разум и чувства — по двенадцать лет на каждую составляющую. Один цикл — чтобы восстановить твоё тело. И последний цикл — на то, чтобы соединить их вместе. Я торопился, но я сделал все, как нужно и вернул тебя в то же место, тем же ребенком, которым ты был до того, как решил полетать.

— Нет, не тем же. Ты забрал мою память.

— Я забрал твою боль.

— Память, — повторил упрямо Тьен. — Ты забрал у меня мать, отца, друзей... Даже пони.

Он чуть ли не плакал, понимая, какую чушь несет, а огненный улыбался:

— Давай я верну тебе пони, и оставим этот разговор? — предложил он миролюбиво.

— Нет. Верни мне все.

— Тебе это не поможет. — Огонь посерьезнел и потемнел. — Не возвратит тех, кого уже нет.

— Ты знаешь, кто их убил?

— Ты видел, — ответил огненный коротко.

— Тени... Слуги... Чьи слуги, кто их послал?

— Я не тот, кто может ответить на этот вопрос. — Сказал так, что Тьен сразу понял, спрашивать дальше бесполезно: знает, но не скажет.

— Тогда верни мои воспоминания, — юноша был непоколебим в своей настойчивости.

— Хорошо, — сдался огненный. — Но не вини меня потом.

Он встал ровно напротив, сделавшись теперь абсолютным его отражением, повторяя каждый, даже случайный жест, а потом начал медленно приближаться — не шел, а словно скользил навстречу. Сердце забило в панике, но Тьен уже не мог уклониться, и через мгновение он и Огонь слились в единое целое...

Нечеловеческий крик разнесся по дому, сметая сон.

Софи вскочила и села на матрасе. В кроватке заплакал Люк, и она тут же бросилась к нему, успокоила, уложила снова. Но воцарившаяся тишина не смогла обмануть тревогу. Дождавшись, пока братишка успокоенно засопит и выпустит во сне её руку, девочка вышла в коридор.

Из щели под дверью соседней спальни пробивался свет.

— Тьен? — Она тихонько постучала. — У тебя все в порядке?

Ответа не последовало, и Софи вошла в комнату.

Постоялец лежал на полу, свернувшись калачиком и тихо, почти беззвучно плакал.

— Тьен. — Она опустилась на колени рядом с ним. — Что случилось? Снова кошмары?

Он не сразу услышал, а услышав, не понял. Размазал по щекам слезы и посмотрел на нее, словно видел впервые. Затем вдруг схватил за руку, сжав так крепко, что Софи тихонько вскрикнула.

— Его зовут Шарль, — прошептал он. — Шарль. И в клетке у него жил щегол...

Он весь горел и, наверное, бредил. Как знала, что не нужно ему никуда ходить, пока не поправится полностью.

— Вставай, — она потянула его с пола. — Поднимайся, пожалуйста. Тебе надо в кровать. Я заварю липы, и разотру тебя уксусом.

Если к утру не станет лучше, придется бежать за доктором. Софи не думала о том, как станет объяснять присутствие в своем доме постороннего парня — не до того, лишь бы только выздоровел.

— Не надо липы, — попросил он, когда ей кое-как удалось довести его до постели и укутать одеялом. — И уксуса не надо.

— Надо.

— Нет, просто побудь со мной. Просто. Я ничего не возьму, ни капельки, обещаю. Только не уходи.

Тьен заговаривался, и от этого делалось еще тревожнее. Нет, все же нужно будет позвать доктора.

Но это утром. А пока Софи, как он и просил, сидела рядом, позволив парню крепко держать себя за руку — иначе он не спал. Несколько раз она пыталась отобрать у него ладонь, и тогда Тьен вскакивал, испуганно оглядывался и снова хватал ее ладонь и прижимал к горячей щеке.

А ведь ей и самой хотелось спать, и утром, после того, как сбегает за доктором, еще в лавку идти. Когда усталость стала сильнее сомнений, девочка осторожно, поверх одеяла, прилегла рядом с захворавшим квартирантом. Подумалось было, что так можно и самой от него заразиться, но глаза уже закрылись. Она не чувствовала, как Тьен, не просыпаясь, обнял ее и притянул к себе. И не видела, как из открытой почему-то лампы выскочил маленький огонек, спрыгнул со стола на пол и вырос в высокого мужчину в длинном плаще, как на старинных картинах.

Огненный подошел к кровати и с ухмылкой покачал головой.

— Погорячился я насчет воспитания. Но что поделать — люблю я горячиться. Очень люблю.

Погасив фитилек лампы, он быстрым сполохом нырнул в камин.

Проснулась Софи, как обычно, по фабричному гудку. Потянулась спросонья и вздрогнула, обнаружив себя под одеялом, лицом к лицу со спящим постояльцем. То ли сама забралась погреться, то ли Тьен укрыл, увидев, что она зябнет. Но девочка недолго смущалась: парень крепко спал, а его состояние волновало больше всего остального.

Софи всмотрелась в бледное лицо заболевшего: губы даже сейчас плотно сжаты, вокруг прикрытых глаз расплываются голубоватые тени и видна на веках каждая прожилочка. Но дыхание ровное, и тело уже не пышет жаром.

Не ворочаясь, не вытаскивая из-под одеяла рук, она лишь чуть-чуть подалась вперед, потянулась и дотронулась губами до лба под темной челкой, проверяя, держится ли еще жар.

— Заметь, ты первая меня поцеловала, — не открывая глаз, произнес Тьен.

Софи кубарем слетела с постели.

— Ох, и шуганная же ты, мелкая, — тихо рассмеялся он.

— Я тебя не целовала! — поспешила объяснить девочка. — Я...

— Да понял я, понял, — уверил парень, вольготно располагаясь на освобожденной кровати. — Не бойсь.

Девочке подумалось, что он и сам немало сконфужен подобной побудкой, но умело прячет чувства под привычным ерничеством. Софи такими умениями не обладала.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, на корточках подобравшись к кровати.

— Уже лучше.

За короткий миг, пока губы касались прохладной кожи, она успела понять, что ночная лихорадка схлынула, но уточнить было нелишне.

— Так я пойду? Мне в лавку еще...

— Иди. Только... Софи! — окрик остановил уже в дверях. — Спасибо тебе.

— Не за что, — пробормотала девочка.

Станный он все-таки. То плохо ему, что кажется, и до утра не доживет, то вдруг хорошо. И ни хворями, ни пулями не пронять. И, кстати, раз уж про пули вспомнилось, не она его первая целовала, если это вообще поцелуй был...

Холодная вода смыла со щек жар.

Умывшись, Софи распалила плиту, поставила чайник и пошла будить Люка. Начинался новый, самый обычный день.

Тьен не спешил выбираться из кровати. Лежал и смотрел в грязно-белый, исчерченный трещинками потолок. Думал... Вернее, пытался думать о ночном разговоре и обо всем том, что пришло с вернувшейся после стольких лет памятью. А под левым боком еще долго держалось тепло...

— Съеду, — с силой зажмурившись и сжав кулаки, решил он. — К бесям на веси съеду.

Но едва хлопнула, закрывшись, входная дверь, мысли вернулись в нужную колею.

Воспоминания больше не жгли душу, но подсказок в них было немного. Точнее, совсем не было. Только беспричинная детская радость, домашнее тепло, мелкие обиды и неприятности, тут же забытые в черед простых, казалось бы, но безоблачно-светлых дней, добрые сказки и похожий на звон хрустального колокольчика смех. И пожар,

перечеркнувший все это разом...

Сбросив одеяло, юноша рывком вскочил на ноги, от стены до стены прошелся по комнате, размялся, разгоняя по телу кровь, и присел перед очагом. По углям ползали маленькие ширококоротые саламандры, таращили на него горящие глаза и приветливо водили длинными хвостами.

— Глупые ящерицы!

Огонь, единый во всех своих воплощениях, бывал порой и таким, бездумным, голодным и неразговорчивым.

А общение с водой и вовсе свелось к умыванию.

— Ну ладно, — протянул Тьен, в душе понимая, что обижаться на стихии глупо, да и помогать они ему не обязаны. И так уже дважды спасали. Дальше — сам.

Желание вернуться в постель, предаться воспоминаниям и жалеть себя до вечера, а то и до следующего утра с трудом, но поборол. Заставил себя позавтракать, взбодрился крепким горячим чаем, оделся и вышел в город.

Можно было снова пойти в музей, в свете вскрывшейся памяти по-новому взглянуть на экспонаты, или в кинотеатр, где играл престарелый тапер Шарль. Но он решил, что это для него слишком. Пока. Сейчас нужно было другое — удержаться в реальности, увериться в собственной нормальности и уже потом, когда разум, без риска скатиться в не раз помянутое в последние дни помешательство сможет осмыслить новые знания, обмозговать все с начала и до конца. Покуда же он постановил, как и прежде, считать себя не Этьеном Лэйдом, а Тьеном Реми, появившимся на свет спустя шестьдесят лет после пожара в имении известного археолога... К слову, о времени и циклах, о которых говорил огненный: еще через двенадцать лет в городе появился Фер, и вряд ли чтобы это было совпадением. Но об этом юноша тоже старался не думать. Потом, все потом. Сегодня же, в качестве лечения от ненужных мыслей — от всех ненужных мыслей — он прописал себе прогулки на свежем воздухе.

Прогулки, но отнюдь не праздное шатание.

Кто знает, кем бы стал, не случись того пожара, Этьен Лэйд к семнадцати с половиной годам, скорее всего, что никем еще не стал бы, только учился бы где-нибудь на доктора или на того же инженера, а Тьен Рэми, чьими университетами были слободские улицы, давно уже освоил интересную и достаточно прибыльную профессию. И неизвестно, что делал бы умница Этьен, поняв вдруг, что видит людей даже с закрытыми глазами, а сам может оставаться для них незаметным, будучи тих как вода и быстр как огонь, но Тьен, последние три года ходивший в колоде валетом, принял новые способности как дар судьбы и не преминул тут же проверить их в деле. Ведь как бы там ни было, жизнь продолжалась, и он не собирался больше ни "останавливаться", ни умирать, ни прозябать в нищете. Все это с ним уже было однажды. Хватит.

Центр. Театральная площадь. Парадное "Золотого двора". Деловой квартал. Рынок Трамвай...

Тут пришлось быть особенно осторожным: ограниченное пространство и явно не бесхозное. В толчее вагона уже работал шустрый парнишка лет тринадцати. Красиво работал — далеко пойдет. Тьен не стал протискиваться в середину, остался на подножке, и, когда малец уже выходил, облегчил тому ношу, избавив от парочки позаимствованных у пассажиров кошельков. Но не совсем гладко вышло. Мальчишка что-то почувствовал, обернулся, и Тьен, прикрыв лицо рукой (со стороны — вроде как от испуга, а на деле, чтобы

пацан не успел его рассмотреть и запомнить), выкрикнул:

— Куда руки тянешь, ворье!

Ошарашенный таким поворотом коллега соскочил на мостовую и дал деру, а в трамвае поднялся шум. Добрые граждане, проверив карманы, не досчитались часов и бумажников, разорались, кто-то спрыгнул вслед за сбежавшим мальчишкой, кто-то ратовал скопом идти в управу, но никому и в голову не пришло в чем-то заподозрить прилично одетого молодого человека, сошедшего на следующей остановке.

Красный вагончик привез к Техническому университету, туда, где они с Софи были только вчера. Снова появилась мысль заглянуть в музей... Но нет, не стоит. Побывает там, когда за фотографиями пойдет.

Изучив новый для себя район, Тьен нашел маленький уютный ресторанчик, с удовольствием пообедал, воспользовался уборной, чтобы пересчитать дневную выручку, и решил, что потрудился уже на славу. Дальше просто гулял.

День, как и накануне, выдался морозным, но солнечным, и юноша решил убить время, добравшись домой пешком. Дорогой рассматривал витрины и вывески, купил газету, после — пастилы для Люка и остановился в конце концов у входа в небольшой ювелирный магазин. Зачем зашел, сам сразу не понял. Возможно, погреться.

— Предложить вам что-нибудь? — приветливо поинтересовался продавец, яркий блондин лет тридцати, весь такой холеный и доброжелательный, что зубы сводит. А под прилавком у него, должно быть, заряженная винтовка или, на худой конец, пистолет...

— Да, пожалуйста, — так же мило, но не размыкая губ, улыбнулся Тьен. — Я хотел бы сделать подарок... одной девушке. Но сейчас несколько ограничен в средствах.

Приветливости на физиономии продавца после такого заявления не убавилось, в как раз наоборот: стесненный в средствах молодой человек — это не подозрительно, а вполне обыденно. И такому клиенту есть, что предложить.

— Взгляните. Чудный кулон-капля на цепочке из мельхиора. Это — лунный камень. Изящно, романтично. Если ваша подруга увлекается мистикой, сейчас это снова модно, то, наверное, знает, что лунный камень принадлежит стихии воды...

— Вы зачем это сказали? — подобрался Тьен. Стихии, мистика, вода... Кто-то подает ему знак? Возможно, наблюдает со стороны?

— О чем сказал? — переспросил продавец. — О мистике? Ох, простите. Молодежь сейчас увлекается подобными вещами, и я решил... Но раз нет, посмотрите-ка на этот браслет.

— Нет, не нужно. Я возьму кулон.

Камень воды для девчонки, которая теперь навсегда будет связана для него со стихией исцеления. Может быть, и знак.

Софи дома не оказалось. По времени она давно должна была уже возвратиться из лавки и, видимо, возвратилась, покормила брата и ушла с ним на каток. Тьен вполне мог бы подождать ее в комнате, но сидеть одному не хотелось: того и гляди, снова затеет игры с огнем...

Вор оставил в шкафу между рубашек большую часть сегодняшнего улова, по-быстрому перекусил и отправился на площадь Адмиралов.

Народу тут заметно прибавилось. Никак горожане почувствовали скорый приход весны и решили, пока есть время, сполна насладиться ледовыми забавами. Но Софи он отыскал сразу же. Оставив Люка на попечение подруг, она кружила по льду в компании незнакомых

Тьену мальчишек. Один, по виду ее ровесник, скромно держался позади, а второй, постарше на год или два, легко скользил рядом, что-то на ходу рассказывал и периодически придерживал девчонку за руку, хоть не похоже было, что ей в тот момент грозило падение — на коньках Софи стояла уверенно.

— Виктор? — удивилась, заметив его Анна. — Ваша кузина сказала, что вы болеете.

Удивилась, обрадовалась, покраснела...

— Мне стало лучше, решил пройтись.

— С непокрытой головой, в мороз?

Шапку он и с утра не надевал. Зачем, когда огонь греет изнутри? Но не объяснишь ведь.

— Кто это с Софи? — спросил он, отводя разговор от себя.

— А, это братья Руж. Не переживайте, очень хорошие мальчики. Наши соседи, кстати. Так что Софи в хороших руках.

— Я и вижу, что в руках, — раздраженно буркнул юноша: мелкая снова "чуть не упала". — А вы... — он обернулся к Анне и запнулся, наткнувшись на ее взгляд. — Вы чудесно выглядите.

— Спасибо. — Она опустила глаза.

— И этот шарф вам к лицу.

— Мамин подарок. Сегодня день святой Анны Карсонийской...

— Ваши именины. Да, я помнил, — уверенно соврал вор.

Ох, как она посмотрела. Надо же, он помнил! И не только — еще и пришел, пренебрегая собственным здоровьем.

— Не хотите пройтись к реке? — предложила девушка. — Ами и одна посмотрит за малышом.

— К реке?

Почему бы и нет? Не в сувенирную же лавку.

Но оказалось, на набережной вдоль высоких каменных перил гуляет не так уж много народа, а если спуститься к воде — там и вовсе никого. А она в самом деле чудесно сегодня выглядит, и новый шарф такой мягкий на ощупь... Но волосы, упавшие из-под слетевшей с головы шапочки, еще мягче, длинные огненно-рыжие. Вспомнилась Иви: наверное, ему вообще нравились рыжие, хоть до этого и не задумывался. Сейчас тоже думать не получалось. Огонь внутри уже не просто грел, жар разлился по телу, заполнив все его естество. Он сам стал огнем...

— Анна... — Тьен с трудом оторвался от сладких губ. Действительно, сладких — наверное, она ела перед тем конфеты. — Я... У меня подарок для вас ко дню тезоименитства. Скромная безделушка, но я буду счастлив, если вы его примете.

— Какая красота!

— Это лунный камень... И стоит вернуться, пока нас не хватились.

Скандала в этот раз не было. Мелкая надулась как сыч и молчала и по дороге домой, и за ужином. Потом увела Люка в комнату и больше не показывалась.

Тьена это раздражало, в чем-то даже немного огорчало, но вор мужественно держался и первым не заговаривал. В конце концов, его личное дело, что да с кем, и малолетки гонористые ему не указ. Хотя, да, обещал, и с подарком, пусть Софи о нем ничего не знала, нехорошо вышло... Но у него и так проблем выше крыши, чтобы еще из-за всякой ерунды переживать!

Сейчас его больше занимала грядущая ночь. Мысли, сны, воспоминания. Не появится ли вновь огненный, чтобы еще что-нибудь рассказать? Не накатит ли снова? И кто поможет, если опять душу вывернет наизнанку и захочется выть от боли?

Но, к счастью, обошлось. Юноша и сам не заметил, как уснул, — видимо, прогулка длиною в день возымела действие. И кошмаров не видел. Когда Софи, уходя в лавку, громко захлопнула за собой дверь, он на миг оторвал голову от подушки, огляделся без тревоги, просто машинально, и опять закрыл глаза. Окончательно проснулся почти в полдень, отдохнувший и в прекрасном настроении, которое ничуть не подпортило то, что злобредная девчонка «забыла» оставить для него завтрак.

Тьен и прежде не склонен был впадать в уныние и подолгу обдумывать свалившиеся на него проблемы. Правда, ничего подобного с ним раньше не случилось, но ведь жизнь не остановилась? И в этой жизни новые способности и знания отнюдь не были лишними. А остальное: пожар, крылатые тени, таинственный Фер и его подружка — всему этому однажды найдется объяснение. И если не знаешь, что делать, делай то, что умеешь.

А умел Тьен не так уж и мало. Например, поесть приготовить — для него вообще не проблема. Что бы там некоторые себе ни вообразили. Позавтракав, бросил на столе грязные тарелки и сковороду с остатками подгоревшей картошки, оделся и ушел из дома с твердым намерением не возвращаться до наступления темноты.

Но погода внесла коррективы в планы. В отличие от вчерашнего дня, солнечного и морозного, нынешний выдался более теплым, но пасмурным и сырым. Бродить по улицам было неприятно, а с учетом того, что горожане в такой день лишний раз из тепла носа не казали, еще и бесполезно. Не совсем, конечно, кое-что с прогулки выручил, пообедать хватило и зонт купить (не зря ведь небо затянуло?), но в целом — мелочевка. Пришлось топтать домой. По пути купил в знакомой булочной сдобных кренделей и взял на лотке рядом два леденца.

На следующий день Софи снизошла до «Доброго утра». На деле никаким добрым оно не было, а скорее наоборот: из-за нависших над городом туч день обещал стать лишь чуть-чуть светлее ночи, поднялся ветер и зарядил мелкий холодный дождь.

— Малого оставь, нечего ему мерзнуть, — не предложил, а почти приказал Тьен. — И зонт возьми.

Хотел дать ей свой, только купленный, но мелкая заартачилась, отрыла где-то старый, с вывернутыми спицами и заявила, что ей и с таким неплохо. Но брата по сырости в лавку не потащила — тут хватило ума не спорить.

Сразу же после ее ухода вор вернул пацаненка в кровать, а сам, с намерением досмотреть прерванные сны, улегся рядом на матрас, на котором спала ночами Софи. Тут же выяснились две вещи. Во-первых, по полу тянуло — как только мелкая не мерзнет? А во-вторых, Люк повторно засыпать не собирался. Сначала копошился на постели, потом перебрался в угол к коробке с игрушками, гремел там безбожно, но вскоре ему и это наскучило и мальчишка, нагло взобравшись вору на грудь, потребовал кушать и сказку.

— Ты же ел уже, — вяло запротестовал Тьен.

Недавнего ночного кошмара хватило, чтобы он начал ценить спокойный сон. Но сегодня с этим явно не сладилось. Пришлось вставать, заваривать малому чай и греть сладкую пшенку с тыквой.

— А сказки сам читай, — заявил он ребенку, сунув тому в руки книжку.

Минуты три Люк честно пытался самостоятельно одолеть грамоту, а затем без слов подошел и стукнул опять развалившегося на матрасе вора книгой по голове. Не дай бог, кто-нибудь другой такое сделал бы, хоть взрослый, хоть такой же шкет, — не поздоровилось бы. Но с этим малым случай был особый. Тьен давно привык разделять для себя людей на своих и... нет, даже не чужих. Те, которые не свои, были для него никто. Вот так: свои и никто. Если подумать, набиралось еще десятка полтора таких, которые где-то посередине. Не совсем никто, но и не свои — это те, кого по жизни вроде как жалеешь, а разведет судьба, и думать забудешь: Ловкач Мило, обучавший его когда-то тонкостям воровского дела (обходился бы без оплеух, может, и стал бы своим), тетка Клара, соседка по старой квартире, иногда бравшая в стирку его белье, Иветта, безымянный шарманщик с ярмарки, теперь еще Анна и, за компанию, Амелия. А вот Люк, согласно этому делению, как ни крути, свой. Люк, сестра его, Ланс и Манон — немного у Тьена своих получалось. Но оно и к лучшему: что, если каждый решит вот так запросто по темечку лупить?

— Сказку! — топнул ногой мальчишка.

Из Софи он веревок не вьет, с нею всегда тихий и покладистый. А тут позволили на шее покататься, теперь не слезет!

— Какую? — послушно уточнил вор.

Малыш порылся в книге и нашел картинку с драконом и рыцарем.

— Жил был дракон, — начал зевая Тьен. — Тихо жил, никого не трогал. Даже на отары не посягал, у себя в горах дикими турами перебивался. Там же золотишко искал, сам плавил и слитки в пещеру складывал. А в соседнем королевстве жила принцесса. Дура дурой, но красивая. Рассказал ей кто-то про то золото...

— Не павильно! — возмутился Люк.

— Правильно-правильно, — уверил его юноша. — Так оно и было, ты уж мне поверь. Принцесска народ собрала и говорит: кто меня такую раскрасавицу хочет... в жены, в смысле, тот пусть мне принесет голову дракона и все золото из его пещеры. А я тебе так скажу, ни одна баба столько золота не стоит. И на мокруху я ради шлюхи хрена с два подписался бы. Но дураков хватает...

— Плохая сказка! — понял малой и захлопнул книгу.

— Вот и ладненько, — потянулся вор, поудобнее устраиваясь на матрасе.

Но не тут-то было.

— Хаосую давай! — потребовал Люк.

Тьен устало прикрыл глаза.

...Много чудес и красот в дивном мире, но чудеснее всего и прекрасней — вечно юные сильфиды, девы воздуха...

— Будет тебе хорошая, — пообещал он малому. — Только не перебивай, я не очень хорошо ее помню. Далеко-далеко... Не знаю, где, но очень далеко, есть дивный мир. Людей там мало, попадают туда лишь избранные, зато живут многие чудесные создания. Альвы и дворги — дети земли. Ундины и тритоны — водные создания. Флеймы, рожденные огнем... Но никто из них не сравнится красотой с сильфидами, девами воздуха. На прозрачных крыльях парят сильфиды над землей, а голоса их похожи... похожи на звон хрустального колокольчика или на журчание прохладного ручья в знойный день. В общем, они просто чудесные. И вот однажды маленький мальчик, такой как ты, гулял по берегу реки и повстречал сильфиду. У нее были белые, как пушистое облако, волосы и голубые, как небо, глаза. Ну и голос. Обычно сильфиды не любят показываться людям, но мальчик был маленький, и дева воздуха не увидела ничего страшного в том, чтобы поболтать с ним немного. И потом еще, и еще... А потом мальчик вырос и понял, что полюбил свою сильфиду. Но когда признался ей в этом, она сказала, что им лучше больше не встречаться. И исчезла. Но мальчик, точнее, уже не мальчик, а молодой человек, не сдался. Он стал искать ее или того, кто мог бы рассказать, где ее найти, кого-нибудь из дивного народа. Он исследовал древние города, изучал старинные надписи, собирал легенды... Кажется, попутно сделал какие-то важные открытия, но они не были важными для него — он по-прежнему искал дорогу к своей сильфиде. Наверное, кто-то рассказал ей об этом, и она пришла к нему сама. Он был уже солидным ученым, с усами и в очках, потому что испортил зрение, разбирая древние тексты, а она — такая же юная и прекрасная, как когда-то. Он был счастлив наконец-то увидеть ее, а она... Она сказала, чтобы он не искал ее больше. Сказала, что встретила свою любовь и желает ему того же. Но он все равно не смирился, и когда она опять ушла, продолжил поиски. Годы шли, он старел, усы поредели, а стекла в очках стали толще. Он уже почти потерял надежду, но тут его сильфида появилась снова. Она была такая же красивая, но теперь очень-очень грустная. Что-то случилось, и в дивном мире ей теперь грозила беда. Нельзя было больше там оставаться, и она решила отказаться от своих крыльев и поселиться в мире людей... И пришла к тому единственному человеку, который был верен ей все это время. Не думаю, что она любила его... — В горле запершило, и Тьен откашлялся. Сморгнул с ресниц непрошеную слезинку. — Не думаю, что она любила его, как женщина может любить мужчину, но она любила его так, как только можно любить друга и защитника. Отдав свои крылья, она перестала быть сильфидой и стала обычной женщиной, вышла замуж за своего археолога, родила сына, и все они жили счастливо, до тех пор, пока...

Нет, они просто жили долго и счастливо. Ну как, хорошая сказка?

— Ага. — Пригревшийся под боком Люк закивал сквозь дрему.

— То-то же.

Тьен дождался, пока мальчишка крепко уснет, перенес его в кроватку и вернулся на матрас. Но сон начисто смело воспоминаниями. Какое-то время он лежал, ежась от сквозняка, поглядывал на копошащихся в очаге саламандр и думал — о чем, сам не мог после сказать...

А вечером все же грянул отложенный на сутки скандал, но вовсе не из-за Анны, о которой Тьен за день почти уже забыл.

Софи вернулась из лавки в плохом настроении и вымокшая до нитки. Старый зонт, как и ожидалось, сломался под ветром, а дождь к тому времени усилился. Девчонка чихала, терла нос, пересолила ужин, как бывает, когда из-за простуды не чувствуешь ни вкуса, ни запаха, а вместе с обонянием потеряла, видимо, и способность понимать шутки.

— Что это такое?! — размахивая книжкой, она влетела без стука в комнату к Тьену, когда тот уже готовился ко сну. — С каких таких пор принцесса — дура и шлюха?

— Ну, дура она, думаю, с рождения была, а шлюхой уже попозже стала, — ответил резонно вор.

— Ты чему моего брата учишь?!

Ну и так далее.

Парень благоразумно молчал, поэтому управилась мелкая быстро, всего минут за десять высказалась и ушла, напоследок хлопнув дверью так, что шпукатурка вокруг косяка осыпалась.

На следующее утро брата она с ним не оставила. Но от зонта не отказалась, и Тьен решил, что не так уж у них все плохо.

После смерти мамы с Софи случилось уже много чего. И плохого, и не очень плохого, и, пусть редко, но хорошего. Плохое она старалась тут же забыть, из не очень плохого — сделать нужные выводы и тоже забыть, а хорошее, как могла, берегла.

Знакомство с сестрами Ламиль, ставшими для нее единственными подругами в последние полтора года, относилось к хорошему. Ну и что, что встречались только на катке и то, если погода не подведет? Зато было с кем поговорить о своем, о девчоночьем. Не о модных юбках и не о мальчишках, конечно, — о другом, о чем ни с Люком, ни с сударыней Жанной, а тем паче — с господином Гийомом не поговоришь. И весело с ними было, и интересно... Пока квартирант на площадь не зачастил. Теперь только одной Амелии весело. Анна то краснеет, то бледнеет, вздыхает ежеминутно, а Софи — хоть на части рвись. Потому что Тьен и все, что с ним связано (кроме Анны, естественно), тоже, как ни крути, в ее жизни — хорошее. И ссориться с постояльцем ей не хотелось, хоть и видела, что ничего доброго из его с подружкой отношений не выйдет — при его-то «просто знакомых проститутках»! Анна, та вроде бы и умная, и порядочная, но как увидит его, прямо тает, со стороны смотреть противно. А когда они стали вдвоем уходить куда-то, Софи совсем покой потеряла. И было отчего. Сегодня они у реки целуются (было-было, сама видела), а завтра — как в той книжке...

А на днях зашла в лавку одна тетка. Софи ее по имени не знала, но та частенько у них бакалею брала. Так вот, зашла она в этот раз, товар рассматривает, а сама между делом

господину Гийому на племянника жалуется: мол, сбежал из дома и у нее теперь прячется, потому как девицу какую-то, шельмец, совратил, обрюхатил, а жениться не хочет. Софи сразу про Тьена с Анной подумала. Ведь ужас, что будет! А потом еще раз подумала и решила: не будет. Появилась у нее мысль, как эту историю по-своему перевернуть. Вот, например, если она сама Анне расскажет, что Виктор этот, якобы кузен ее, из Галора совсем не учиться приехал, а от девушки сбежал, которую он, значит, того. И зуб он не в аварии потерял, а ему его отец или брат той девицы выбил, ну за это самое... Да Анна его после такого и знать не захочет! А Софи как бы и ни при чем будет. Скажет, что сама ни о чем не знала до недавнего, а как узнала, так сразу подружке любимой обо всем доложила, хоть этот соблазнитель коварный ей и родня: пусть ценит, как она о ней печется... Хотя нехорошо выйдет. Тьен он, может, и не образец порядочности, но ответственный вроде как, вряд ли от девицы прятался бы. Тогда можно просто сказать, что у него в Галоре невеста осталась, и он ей письма по два в неделю шлет и фотокарточку ее под подушкой хранит. Или вообще ничего Анне не говорить, а только Тьену сказать, что скажет, если он от подруги не отстанет.

Но так или иначе, решение Софи нашла и немного успокоилась. А потом дожди зачастили, таять все стало — не до катка. Подумала, может, само собой образуется. Не будут они встречаться, и забудется все. А с девочками она все равно свидится. Ами ей давно адрес написала, и Анна загодя на день рождения позвала — в самый первый день весны, Софи помнила, и деньги уже на подарок отложила... Но, если что, история про галорскую девицу в запасе есть!

Ненастье затянулось не на день и не на два. Поговаривали, что теперь до самой весны такое продлится. Значит, каток точно растает, и просто на набережную погулять не пойдешь.

Впрочем, Софи и так было не до гуляний. Промокнув в первый же вечер непогоды, к утру она поняла, что простудилась. Проснувшись с заложенным носом, саднящим горлом и тяжелой головой, еле-еле поднялась с матраса, но после горячего чая с медом чуть-чуть взбодрилась и собралась в лавку. Люка взяла с собой, чтобы постоялец еще чему не выучил, и дорогой пожалела не раз: малыш канючил, на ручки просился, и зонт приходилось только над ним держать — снова вымокла.

К вечеру пришла вконец разбитая, а поутру хуже прежнего встала.

Но до выходного кое-как на чаях и растирках продержалась. Только последние два дня снова братишку с Тьеном оставляла: тащить совсем не вмоготу было.

— Теперь отлежусь денек, и все пройдет, — сама себе сказала она, рассматривая в зеркало свое бледное лицо с красным носом и темными кругами вокруг помутневших глаз.

Но прежде, хотела с вечера Люка выкупать, самой обмыться и постель сменить. А уж завтра, если полегчает, можно было бы и перестирать все. Она помнила, что Тьен неделю назад приглашал на фильм сходить, но сам он больше не напоминал, и погода противная — из дома выходить лишний раз не хочется. Да и вообще они вроде как поссорились, почти не разговаривали и ужинали снова врозь.

Девочка раскочегарила кухонную плиту, чтобы прогрелось как следует и достала из чулана большой таз. Воды, так получилось, Тьен наносил: первое ведро сама от колонки дотащила, а потом уже он увидел, цыкнул сердито, ведро отобрал, второе схватил и за две ходки бадью наполнил.

— На кухню не ходи, — предупредила его Софи, вспомнив, что дверная защелка из пазов вылетела и запереться не выйдет. — Я Люка искупать хочу, не нужно открывать, чтобы холода не натянуло.

Она и в спальне заранее протопила, чтобы братишка после купания не зяб. Если бы он еще сам купаться хотел! Нет, летом, когда в воде подольше поплескаться можно, и проблем не было, а сейчас, когда по-быстрому надо, и шею мочалкой потереть, и голову намылить, а после смыть как следует — скандалит, просто жуть. Но Софи его все-таки изловила, в таз усадила и ковш воды сразу на голову вылила, чтобы скорее было. А когда ножницы взяла, отросшие волосики подравнять, строго пригрозила, что уши отрежет, если дергаться станет, — тогда уже смиренно сидел.

Все равно намаялась с этим купанием, и не скажешь, как: вспотела вся, жар к лицу прилил, даже дышать тяжело стало. Зато Люк после импровизированной баньки, распаренный и разморенный, за пять минут уснул, и сказок не просил.

Сестра посидела с ним немного, перевела дух и, пока вода не остыла, решила ополоснуться после братишки. Правда, только таз с пола на табурет подняла, голова закружилась, но потом, когда косу расплела и опустила волосы в теплую воду, полегчало. Не зря, наверное, в народе говорят, что вода хвори смывает. Но даже если врут, все равно приятно освежить разгоряченную кожу и, приспустив с плеч рубашку, растереть замлевшую шею и обмыть грудь. А была бы росточком с Люка, так целиком в таз влезла бы и из ковшика поливалась. Это он, дурашка, своего счастья не понимает...

Скрипнула дверь, и Софи, резко вскинув голову, в секунду успела подтянуть спереди рубашку и для верности прикрыться руками. Мокрые волосы, рассыпавшиеся по обнаженным плечам, показались ужасно холодными, и кожа тут же покрылась мурашками.

— Я же просила не заходить, — выдавила девочка, глядя на остановившегося в дверях квартиранта.

— Нормально объяснять нужно. — Тьен, как ни в чем не бывало, прошел в кухню и направился к ней. Сердце в пятки ушло, но парень просто обошел, даже не задев, и завожился у плиты. — Ты сказала, что малого покупаешь, а он дрыхнет давно.

Загремела посуда, но Софи не решилась посмотреть, что он делает. Так и стояла, прижав руки к груди, чувствуя, как скользит по голой спине, от шеи и до пояса юбки, чужой медлительный взгляд.

— Не кипешуй, кипятка себе плесну и уйду, — успокоил постоялец. — И воду не сливай. Оставь, сам потом вынесу.

Выходя, он не обернулся, но Софи и того, что было, хватило с лихвой. Наспех обмотав голову полотенцем, а вторым укутав озябшие плечи, она пулей пронеслась по холодному коридору и спряталась у себя в спальне. Впервые за все время, что Тьен жил в их доме, подперла дверь стулом и только тогда, вздрагивая от каждого шороха, сняла влажные вещи, надела ночную рубашку, нырнула под одеяло и сжалась в дрожащий комочек. Ее трясло, как от холода, а внутри полыхал огонь...

К утру жар усилился.

Софи казалось, что она лежит на опаленном солнцем берегу, воздух пышет зноем, а где-то совсем рядом шумит река. И чайки — чаек она слышала отчетливо. А иногда даже видела: они парили высоко в белом (почему — в белом?) небе и порой опускались к ней и бережно касались крыльями лица. И кричали так: «А! А! А!». Если бы у нее был с собой хлеб, она

бросила бы им кусочек. Давным-давно они с мамой ходили на мост и кидали чайкам хлеб, те ловили его прямо в воздухе, а Люк смеялся... Хотя как он мог смеяться, если его тогда еще не было? Значит, это она, Софи, смеялась, а мама бросала хлеб с моста. А Люк почему-то заплакал... Наверное, расстроился, что его еще нет...

— Ну ты даешь, подруга, — сердито сказала большая серая чайка, проведя крылом по ее лбу.

Девочка хотела сказать, что ничего она не дает, вот был бы хлеб, тогда дала бы, но тут откуда-то появился Тьен, он всегда неожиданно появлялся, разогнал чаек и стал стягивать с нее одеяло.

— Пусти, — всхлипнула Софи, пытаясь снова укрыться, одновременно отбиваясь от нахала ногами.

— Да не брыкайся ты! — прикрикнул вор, стащил все-таки одеяло, скрутил ее и куда-то понес.

Какое-то время она еще сопротивлялась, сколько было сил, но после сдалась. Даже не думала, что теперь будет... Только о том, что рубашка задралась до колен, и то — недолго.

— Ну вот, сходили в кино, — бурчал недовольно парень. — Посмотрели комедию. У нас у самих тут комедия — животики надорвешь.

Он уложил ее на что-то холодное и белое, на снег, наверное, и снегом же и присыпал. Софи задрожала, и свернулась в клубок, но все равно зуб на зуб не попадал.

— Не ной, — велел тем временем кому-то постоялец. — Ничего с твоей сестрой не случится. На вот, посмотри пока. Нравятся аэростаты? А автомобили?

Кому это он? У кого с сестрой беда?

Сделав над собой усилие, девочка зажмурилась и зажала уши, чтобы не слышать шум волн и чаек, а когда открыла глаза, оказалось, что она вовсе и не в сугробе, а в своей бывшей комнате, на своей бывшей кровати, а Люк сидит прямо на столе и листает книжки, которые Тьен снял для него с полки...

— Что в доме есть кроме липы и меда? — наклонился к ней квартирант. — Чем жар сбить?

— Кому? — спросила она. Подумала, что он, наверное, снова заболел.

А вдруг — Люк?!

Девочка резко рванулась вперед, к брату, но сильные жилистые руки за плечи придавили к подушке.

— Куда?! Лежи, не рыпайся! Люк, гляди за ней, чтобы не вставала. Я уксус принесу. Поможет же? Поможет?

Он так на нее накинулся, что Софи и ответить не смогла, только закивала быстро-быстро, что даже голова закружилась.

Через минуту в комнате завоняло кислятиной, а на шею шмякнулась холодная мокрая тряпка, и Софи поняла, что это она сама, видимо, заболела. Кожу защипало...

— Уксус водой развести надо, — прошептала девочка.

— А раньше сказать могла? — разозлился вор. — Как будто я только то и делаю, что малолеток мариную!

Он был очень злой сегодня и все время кричал на нее, непонятно почему. Она же ему ничего не говорила. И ни о чем не просила. Ей вообще ничего не надо, только поспать, и все пройдет...

— Все, развел.

Тряпка заелозила по плечам, по рукам, по шее, после забралась под рубашку...

— Еще раз дернешься, сам придушу, — прорычал сквозь зубы парень.

Софи подумала, что лучше бы придушил, но потом вспомнила о Люке, закрыла глаза и тихонько заплакала от стыда и от того, что вдруг поняла, как ей на самом деле плохо.

Чего Тьену для полного счастья не хватало, так это чтобы мелкая слегла и оставила его один на один со своим драгоценным братом, пустыми кастрюлями, немытыми тарелками и полной корзиной грязного белья! Хватило же ума с вечера с мокрой головой спать на полу улечься, когда там из всех щелей дует. На кой вообще купаться нужно было, если уже себя плохо чувствовала? А ведь чувствовала же! И молчала, ни слова не сказала. Что, он сам ужин не приготовил бы и малого, если так нужно было, не выкупал бы? А теперь еще с ней возиться!

И это еще хорошо, что Люк с утра шум поднял, а то вор и не кинулся бы: ну отсыпается девчонка в свой выходной... А она там не отсыпается, а догорает уже, что та свечка. Нет, ну не дура ли?

Юношу буквально трясло от злости. Или не от злости, но руки дрожали, пока он обтирал уксусом хрупкое тельце. Софи, бледная и слабая, напоминала сейчас фигурку из воска, и казалось, от сжигающего ее огня этот воск вот-вот начнет плавиться. А ее свет, всегда такой ясный и чистый, померк и помутнел. Тьен хотел поделиться своим, но, как и в первый раз, когда он пытался это сделать, ничего не вышло.

«Значит, нужно по-другому», — решил он, через полчаса убедившись, что толку от уксуса никакого.

— Люк, есть хочешь?

Глупый вопрос: давным-давно уже встали, а еще и крошки во рту не было.

Он заварил малому чай и намазал маслом большую сдобную булку — хватит до обеда дожить, а там можно будет и приготовить что-нибудь. Оставив мальчишку за столом в кухне, юноша вернулся в свою комнату и тихонько присел рядом с больной. Непонятно, спала она или была без сознания: лежала неподвижно, лишь ресницы едва заметно вздрагивали, словно ей снился тревожный сон. Вор потрогал рукой сухой лоб — все еще пылает.

— Вот же дурочка! — прошептал он тихо. Раздражения в этой фразе вышло куда меньше, чем он планировал в нее вложить. — Ничего, сейчас полегче станет.

Тьен склонился над девочкой и аккуратно, чтобы ненароком не коснуться губами ее пересушенных жаром губ, втянул в себя горячее дыхание недуга. Если он не может отдавать — будет брать. Заберет сжигающий ее изнутри огонь, и Софи выздоровеет...

— Вряд ли, — слышалось от очага.

Юноша не прервал своего занятия, а в сторону непрошеного огненного советчика, явившегося на этот раз в образе статного мужчины с длинными, развевающимися языками пламени волосами, даже не взглянул.

— Я говорю, это не поможет, — произнес тот.

— Поможет. Уже помогает.

Обхватив ладонями маленькое бледное личико, он чувствовал, как постепенно остывают еще минуту назад горевшие щеки, видел, как набирает силу окружающее девочку сияние. А вместе с тем нездоровый огонь все сильнее и сильнее обжигал его самого, будто в грудь вложили тлеющие угли, но юноша знал, что вода в нем не даст разгореться пожару болезни.

— Вот, ей уже лучше! — утерев со лба пот, сообщил Тьен. — Намного лучше!

— Намного — это не вопрос. Вопрос — надолго ли?

— Заткнись! — бросил вор грубо, но слова огненного уже посеяли сомнения в душе. Приподняв голову Софи над подушкой, он прижался щекой к ее щеке, и едва уловимое дыхание легко касалось его виска. Секунда, вторая, третья... Почти минута, и вдруг он почувствовал, что ее кожа снова нагревается, а дыхание становится тяжелее и прерывистее. — Нет! Нет, нет... Так нельзя!

— Я с самого начала это сказал, — пожал плечами огненный.

— Что же делать?

— Ну-у... Ты можешь позвать доктора. Он осмотрит ее, пощупает, послушает через большую трубку, придет к выводу, что у нее пневмония и выпишет рецепт, по которому в аптеке тебе приготовят лекарства... Я неплохо знаю людской уклад, да? А ты будешь поить ее микстурами и опять обтирать уксусом. Неделя, две, и девочка выздоровеет. Или повторит судьбу своей матери. У людей бывает наследственная предрасположенность к некоторым заболеваниям. Думаю, это как раз тот случай...

— Да помолчи ты! — со злостью рявкнул Тьен.

Несносный Огонь! Лучше бы Вода разговаривала с ним, но та никогда не отвечала.

— Она вообще молчаливая, — просветил огненный. — К тому же, со мной ты познакомился раньше и, наверное, всегда будешь немножко больше флеймом, чем тритоном, альвом или сильфом...

— Умолкни!

Юноша сходил на кухню, проверил, как там малыш, высыпал на стол перед ним две пригоршни конфет, чтобы было чем заняться, а сам набрал в таз воды и отнес в комнату.

— Ты знаешь, что делать? — заинтересовался огненный.

— Нет.

Он сдернул с Софи одеяло, девочка не шелохнулась. Присев на кровать, Тьен взялся за ворот ее рубашки и рывком разорвал обветшалую от частых стирок ткань.

— Но-но, поменьше страсти! — с наигранным возмущением воскликнул огненный.

Тьен с удовольствием выплеснул бы на него принесенную воду и посмотрел, что было бы, но тогда пришлось бы заново наполнять таз. Сбросив обрывки рубашки на пол и, как получилось, расправив под больной постель, он зачерпнул в ладони воду и поднес к лицу Софи. Несколько капель сорвались ей на лоб и ударились о кожу с хрустальным звоном.

— Может, все же доктора? — уже без насмешки предложил Огонь. — Поверь, среди них есть такие, что действительно умеют лечить. В отличие от тебя.

Но юноша не слушал. Он уже понял.

С водой получалось то, что не давалось самому. Как бы ему ни хотелось, он не мог поделиться с Софи своей силой, своим светом, но вода растворяла этот свет в себе и отдавала той, кому он был так необходим. Он наполнял воду энергией жизни и поливал ею девочку. Целительная влага не стекала по коже, не скатывалась на простыни (разве что — самая малость), она ровным сверкающим слоем покрывала неподвижное тело, расплываясь блестящими лужицами, и Тьен откуда-то знал, что нужно залить Софи всю, от макушки до кончиков пальцев ног, чтобы сила воды и его собственная сила могли по-настоящему ей помочь. Изнеможенное личико, покрытое водным блеском, засияло чистой красотой юности, разгладилась усталая складочка между бровей, посветлела кожа вокруг прикрытых глаз. Дальше — тонкая шея, выпирающая ключица, худенькие плечи, маленькая округлая

грудь, просвечивающие под тонкой кожей ребра и впалый живот...

— Она прекрасна, — с искренним восхищением прошептал огненный. — Вода. Мы не очень ладим, и она всегда сердито шипит при моем приближении, но не любоваться ею невозможно.

— Да, наверное, — пробормотал Тьен, занятый другими мыслями.

Закрыв глаза, но странным образом не перестав при этом видеть, он смотрел на окутанную сиянием фигурку, видел, как энергия воды и вложенная им сила сотнями ниточек-потоков вплетаются в собственный свет девочки. Какие-то из этих потоков, пробиваясь под кожу, находили путь внутрь ослабленного болезнью тела и напавали собой кровь, наполняя ее жизнью и убивая недуг. Даже след от сквозного темного луча, фантомной пули, боль от которой Софи приняла вместо раненого вора, посветлел, и, заметив это, новоявленный целитель не сдержал улыбки.

Понаблюдав еще немного и оставшись довольным результатом, он вытянул вперед руки и, как будто сматывая невесомый покров, собрал в дрожащий прозрачный шар не впитавшуюся в кожу влагу.

— Неплохо, — похвалил из-за плеча насмешливый голос. — Теперь бы самому остыть, да?

Вода была уже не нужна, и Тьен без раздумий запустил огромную, с головку капусты, каплю в ехидное воплощение пламени. Действительно, зашипело. К потолку поднялся пар, а на полу осталась лужа. Зато никаких тебе пышущих язвительностью доброхотов.

Пока Софи не пришла в себя, вор достал из шкафа одну из своих рубашек, кое-как натянул ее на девочку и укутал сверху одеялом. Оставалось только пол протереть. И съесть что-нибудь.

Софи не знала, сколько она проспала, но, открыв глаза, чувствовала себя намного лучше, чем утром. Голова не болела, дышалось легко. Осталась лишь легкая слабость и желание перевернуться на другой бок и снова уснуть. Она так и сделала. Точнее, перевернуться перевернулась, но вместо того, чтобы закрыть глаза, испуганно вскочила на кровати. Медленно вытащила из-под одеяла руку и с ужасом уставилась на длинный, дюймов на пять свисающий с кисти рукав. Внутри все похолодело, а щеки наоборот вспыхнули пожаром.

Оглядевшись, девочка поняла, что в комнате никого больше нет. Хотела выйти в коридор, но длинные рукава, как оказалось, компенсировались коротким подолом (или как там оно называется у мужских рубах?). Осталось только спрятаться под одеялом и ждать, пока кто-нибудь придет.

Хорошо это или плохо, но долго ждать не пришлось.

— Отоспалась? — постоялец, как и утром, недовольный, заглянул в комнату. — Пить хочешь? Или есть?

— Нет, я...

— Ну и ладно.

— Тьен, я хотела спросить, — начала она нерешительно. — Почему я... вот?

Она показала ему кошмарный рукав.

— Передел тебя, — коротко ответил квартирант.

— 3-зачем? — Теперь кожу обдало холодом, а внутри запылало.

— Стошнило тебя, — раздраженно дернул губой вор. — Нужно было так в блевотине и

оставить?

Только теперь она обратила внимание, что простыни на кровати влажные и пол в комнате мокрый — видно, еще и мыть пришлось. От стыда захотелось под землю провалиться.

— В общем, если есть захочешь, я там каши сварил. Малого накормил уже.

— А... А ты...

— А я кофе хочу.

— У нас нет, — растерялась девочка. — Только ячменный...

— Ну ты сказала, — ухмыльнулся квартирант. — В город пойду, там и попью. А ты чтоб до моего возвращения из кровати не вылезала, ясно? Только поесть и попить. Матрас я твой убрал от греха подальше. Одеяло на окне увидишь — это специально так, тянет у вас там.

— Но...

— Вернись, софу тебе из гостиной притащу, на ней спать будешь, — тоном, не терпящим возражений, заявил Тьен.

— Она тяжелая, — прошептала, потупившись, девочка. — И ножка отваливается.

— Дотащу, не бойсь. А ножка — скакать не будешь — выдержит. Все, я пошел.

— Тьен!

— Чего еще? — обернулся через плечо вор. На миг почудилось, что вид у него какой-то усталый, словно он уже ту софу по всему дому битый час таскал.

— Зонт возьми, — только и промямлила Софи.

— А то я сам не знал.

Через пять минут примчался Люк с альбомом и цветными мелками, и с перепачканной шоколадом мордашкой. Уселся за стол и принялся что-то рисовать, негромко напевая:

— К бесям на веси, к бесям на веси.

— Какие беси? — нахмурилась, разобрав слова, сестра. — Снова от напарника своего глупостей нахватался?

— Ага! — гордо признал мальчик. — Тьен так казал. Седу, да. К бесям на веси!

...А девчонка вообще ничего не поняла. И не помнила. Абсолютно. С утра еле дышала, к вечеру уже порывалась постирушку устроить. Вообще суетилась, как белка, хоть за ногу к кровати привязывай.

Мог бы, но не стал.

Во-первых, видел, что от болезни уже и следа не осталось.

А во-вторых, кто он ей такой? Сама сказала: кто, мол, ты мне такой, чтобы указывать. Это когда он ей, дуре, предложил из лавки с концами уйти. Горбатится за гроши, мало того, что встает ни свет, ни заря, так и там, небось, целый день на ногах, то тяжести таскает, то метет чего-то, то моет. А ему на день всего в люди выйти, и уже на неделю заработал, и себе и ей с малым. Так нет, zenки в пол вперила, стесняется типа, а сама свое гнет. Ты, говорит, завтра съедешь, и поминай, как звали, а я себе потом такого места не найду. Ну и про «кто ты мне такой» — тоже.

Ну никто, так никто. На том и порешили.

На следующий день, как положено, в лавку пошла. Люка, правда, не потащила. Разрешила оставить. Вот, поди ж ты, разрешила! Как будто не он ей одолжение делает, что за братом ее присматривает, а она ему счастье великое позволяет — полдня малому сопли утирать и сказки рассказывать. Еще и внушение, уходя, провела, чтобы никакой крамолы про легкодоступных принцесс недалекого ума и прочих речей, для младенческих ушек не предназначенных.

Ладно. Раз такое дело, вместо сказок в кинотеатр пошли — там вообще все без слов. Одно плохо, что не комедия: на новой неделе другой фильм зарядили, про любовь. Но Люку понравилось. Особенно, когда трепетная барышня, за которой сразу двое кавалеров увивалось, закатывала глаза и падала кому-нибудь из них на руки, вроде как в обморок. В итоге допадалась, что эти придурки из-за нее стрелялись, а она скакала между ними и визжала (слава богу, не слышно, как), но рот открывала — мама не горюй! Надо было кому-нибудь из кавалеров курок ненароком спустить... А так — свадьба и все дела. Ерунда, короче. Только зря пленку перевели.

Но может, и нормальный фильм был, просто Тьен весь сеанс не о том думал. В итоге, когда свет зажгли, подошел все-таки к таперу, поздоровался. Шарль его узнал... Не совсем узнал, а по музею вспомнил. Малому разрешил на клавиши понажимать...

И на следующий день они с Люком гуляли. Взяли извозчика и в частный зверинец поехали: в кинотеатре накануне афишку видели. Зверинец маленький, слонов и жирафов в нем не держали, зато чистый, теплый, звери — мартышки, еноты, лама, козочки какие-то — все сытые и ухоженные, не то, что в загоне при ярмарочном поле. После зверинца с Лансом встретились, поболтали немного. Шут на работу уже не жаловался, хоть Тьен и ожидал, что теперь еще из-за непогоды брюзжать начнет. Нет, наоборот, всем доволен. Особенно тем, что Манон его в кои веки не распекает, а радуется, что он наконец-то «человеком» стал. По дружбе у Тьена денег занял до следующей зарплаты, сказал, Манюне колечко купить для полного счастья. Не обручальное, конечно, но... чтобы было, значит.

Затем у Софи в лавке крысы обнаружили, целый выводок, и хозяин временно прикрыл заведение, пока не потравит, а мелкой три выходных кряду отпустил. Как раз вовремя: Тьену

теперь не нужно было с Люком таскаться, а можно было самому выбраться. Деньги пока не кончились, но о будущем тоже думать надо.

С утра вышел, погулял неплохо так. К обеду уже на фунт шоколада и бутылочку легкого вина хватило, еще и на гусиный паштет осталось и... ну, на безделушку одну. Думал, придет домой к ужину, посидят, винца выпьют. Может, поговорят нормально.

Размечтался.

Только переступил порог, как услышал незнакомый голос с кухни. Зашел осторожно, остановился в дверях...

— Тьен писол! — радостно сдал его напарник.

Пришлось показаться. Заодно и посмотрел, кого там нелегкая принесла.

— Это Тьен, — смущенно представила его Софи сидящему за столом мужчине с жиденькими усиками и наметившейся в неровно стриженных каштановых волосах проплешиной. — Я тебе о нем говорила. А это... — она почему-то запнулась, и вор заподозрил неладное. — Это мой отец.

Вона как. Вор, не выказывая пристального внимания, бегло оглядел гостя. По тому, что рассказывала о нем Софи, как и по тому, чего она не рассказывала, Тьен давно уже составил представление о блудном папаше, а сейчас лишний раз в нем утвердился.

— Рад познакомиться, — кивнул он, вполне учтиво, но без помянутой радости. — Надолго вы... к нам?

От в последний момент вверченного «к нам» любящего родителя передернуло, но, к чести своей, лицо он сохранить сумел.

— Мой поезд отходит в пятнадцать минут пополуночи, — ответил спокойно. — Так что в одиннадцать вынужден буду уйти.

— Жаль, — сказал Тьен. Вот сейчас получилось почти радостно.

Но продолжать беседу вор не стал. Оставил на столе конфеты и паштет, пожелал приятного аппетита и пошел к себе.

Первым делом зажег лампу.

— Рассказывай, — потребовал у трепещущего огонька. — Заходил этот? Обсматривал все тут, да? Обнюхивал?

— Наглеешь, — огрызнулась, спрыгнув на пол, соткавшаяся из пламени девчушка лет пяти. Поправила короткую пышную юбочку, подтянула бантики на тонких косичках, и, недовольно поджав губки, заявила: — Я к тебе в служанки не нанималась!

— Заходил? — повторил вопрос Тьен.

— Зашел бы, — хрипло пробасила «крошка». — Софи не пустила. Сказала: «В чужое жильё без приглашения не входят».

Огонь настолько точно скопировал голос девчонки, что юноша вздрогнул от неожиданности.

А мелкая у него все же умница. Тьен по-настоящему чувствовал себя в безопасности в этом доме, а потому никаких особых тайников не придумывал: деньги лежали одной пачкой вместе с бельем, а пистолет, завернутый в полотенце, — под матрасом. Ринься папаша обыскивать комнату квартиранта, наверняка нашел бы и то, и другое, и разговор вышел бы потом очень неприятный. Впрочем, если бы и не нашел, если бы только смог отодвинуть девчонку, прикрикнуть, мол, цыц, малявка, и по-хозяйски влезть в «чужое жильё», уже тогда все иначе сложилось бы. Но не та порода.

Хороший вор «видит» клиента задолго до того, как запустит руку в его карман.

Случаются — редко, но случаются — такие, к которым даже не подходишь, еще и на другую сторону мостовой от греха подальше перебежишь. А есть и такие, что хоть в открытую обрабатывай. Только скажешь: «Ша!», а он уже стоит и не шевелится. Но стоит отойти на шаг, как за твоей спиной «Караул!» орут, и тут уж беги, пока ноги не устанут. По производимому впечатлению, отец Софи подходил больше ко второму типу.

— Все равно, еще зайдет, — таким тоном, словно делала ставку на кулачные бои, сказала огненная малявка.

— Я тоже так думаю, — согласился Тьен. — Так что денься куда-нибудь.

— Наглеешь, — вздохнул Огонь, прежде чем вернуться в лампу.

Заявился папаша где-то через час. Как и ожидалось, постучался, а затем приоткрыл дверь и заглянул:

— Не побеспокою?

— Не очень.

Тьен жестом пригласил мужчину войти и сам прикрыл за ним дверь, предварительно прислушавшись и убедившись, что Софи играет с братом в детской.

Гость нежданный перво-наперво обшарил взглядом комнату, книги на полке, аккуратно застеленную кровать, пустой стол, и, кажется, немного успокоился.

— Хотел бы задать вам несколько вопросов, молодой человек, — начал он никак не подходящим ему покровительственным тоном. — Софи сказала, что вы приехали из...

— Галора, — легко выдержал первый экзамен вор. Старая сказочка, и удачная. Мелкая не стала бы новую придумывать. — Собираюсь поступать в мастеровое училище, а потом, если получится, продолжу учебу в Техническом университете.

— Похвальные стремления, — одобрил папаша. Тьен так и не узнал его имени, но это было и ни к чему. — Но немного странно, что из всех вариантов съемного жилья, вы выбрали дом моей дочери.

Все-таки «дом дочери», отметил вор. Знает свое место родитель.

— Ничем не хуже других, — пожал он плечами. — Спокойный район, магазины под боком.

— До места будущей учебы далековато, вам не кажется? — Чем дальше, тем труднее давалось мужчине вежливое обращение, но высказать в лицо все, о чем на самом деле думал, он не решался.

— Не кажется, — ответил спокойно Тьен. — Далеко. Но меня это не смущает.

— А меня, признаться, немного смущает, что мои дети... моя дочь живет под одной крышей с-с-с... посторонним для нашей семьи молодым человеком, — выдавил-таки заботливый отец. — Я знаю Софи, и в вашей, к-хм, порядочности у меня нет видимых причин сомневаться...

— Хрена с два ты ее знаешь, — вырвалось у вора.

Совсем не так он планировал провести этот разговор, но наглая ложь резанула по ушам. Сурово нахмуренные брови мужчины удивленно поползли вверх.

— Что?

— Что слышал, — тихо, но четко повторил Тьен. — Хрена с два ты ее знаешь. Сколько раз ты ее видел за последние четыре года? С десяток наберется? Сомневаюсь.

— Ты как со мной разговариваешь, сопляк?! — вознегодовал «глава» семейства.

Слишком громко вознегодовал, за что и получил кулаком под дых. А в следующий миг оказался уже на полу и даже отдышаться как следует не смог, потому что колено вора

уперлось ему в грудь, а ладонь зажала рот.

— Значит, слушай сюда, папаша, — прошептал, приблизившись к его лицу, Тьен. — И не рыпайся, а то надолго утихомирю. Пришел сказать, чтобы я собирал манатки и валил, пока соседи лишнего говорить не начали? Так не дергайся, они давно уже говорят. С тех пор, как ты, господин хороший, жену с двумя детьми бросил и укатил, незнамо куда. Люди, они такие, им плевать, кто там в чем виноват, лишь бы посудачить. А я видел, каково брошенным бабам приходится, когда псы дворовые, и те косо смотрят, а каждый козлина норовит под юбку залезть: им ведь, что шлюха, что разведенка — все одно. И о дочке твоей, со мной или без меня, не лучше скажут. Если пока молчат, так только потому, что мелкая еще. Только последняя сволочь про нее сейчас плохое подумает... А ты, папаша, выходит, сволочь.

Мужчина затрепыхался, по взгляду показалось, хотел возразить.

— Сейчас отпущу, но хай поднимешь — пеняй на себя.

Вор убрал ногу, рывком поднял и усадил тяжело выдохнувшего человека, и сам присел на пол неподалеку: не дело стоячи серьезные разговоры разговаривать.

— Я-х-х... — попытался что-то сказать мужчина, но Тьен махнул на него рукой.

— Ты послушай сперва. Нормально послушай. Ты тут никто, если разобраться... Да и я — никто. Только я такое никто, которое твоей дочери по два листра в неделю за комнату платит и продукты сверху докупает. А еще я, никто, с сыном твоим, бывает, дома сижу, пока она на работе... Ты хоть знаешь, что она работает? С утра до вечера в продуктовой лавке вкалывает. Знаешь? А знаешь, что она всем рассказывает, если малого с собой не берет? Говорит, что папа приехал и Люка гулять повел. Ты ж хороший отец, прям зашибись, какой хороший! И наезжаешь раз по пять в месяц, и деньги шлешь. А от подарков в доме развернуться негде!

— Х-хватит, — прохрипел папаша.

— Да нет, ты уж до конца дослушай, — не хотел отступать вор, хоть и говорить, по сути, больше нечего было. Но разошелся, еле-еле выдержки хватало не орать. — Хочешь, чтобы я съехал? Ладно. Я съеду, а ты — въедешь. Будешь, как положено, на семью работать, детишек содержать... А, да, у тебя ж не одна семья. Но что ж, сам так решил. Ну тогда... Тогда забирай их с собой. А? Нормальный отец так и сделал бы. Забирай, как раз и за дочкой проследишь, что она да с кем. А то ведь год-два, девка в возраст войдет.

Сказал, и сам испугался: а вдруг, правда, заберет? Но тут же и успокоился: пускай. Если Софи захочет, так тому и быть.

А ему все равно, где жить, хоть здесь, хоть в Верене — нигде не пропадет. Переждет немного, билет купит...

— Я бы забрал, — мужчина низко опустил голову. — Не могу.

— С чего бы это?

— Не твое, щенок, дело!

— Не ори, — предупредил вор, показав кулак. — А дело — мое, если еще не понял.

— Некуда мне их забирать, — нехотя сознался папаша. — Тут у них дом, а там у меня квартира в три комнатухи. Жена болеет, так и не отошла от родов. Дочка маленькая, тоже со здоровьем не все ладно. Только и тратимся, что на врачей, да на лекарства. Думал, к новому году приехать, подарки детям привезти, а вот — только выбрался...

— Рас-с-сказал, — процедил Тьен, почему-то отводя взгляд. — Уже хочется тебе денег отвалить, чтоб не жалелся.

— А не пошел бы ты? — осмелел мужчина.

— Не дождешься.

Минут пять сидели в полной тишине, даже друг на дружку не смотрели.

— Курить есть? — нарушил молчание вор.

— Нет. Бросил.

— Я тоже... А подарки какие?

— Что? — не понял папаша.

— Подарки, ты сказал, малым привез. Какие, спрашиваю.

— А, это. Люку — лошадку деревянную.

— Дело, — кивнул Тьен.

— Да нет, — стушевался мужчина. — Она маленькая, вот такая, — он отмерил ладонями что-то размером с крысу, какие у Софи в лавке расплодились.

— Ничего, тоже пойдет. А дочке?

— Софи... рукавички. Подумал... В общем, на что хватило. И так просто денег отложил немного.

— Рукавички? — скривился парень.

Вскочил на ноги, и мужчина испуганно дернулся в сторону. Но Тьен всего лишь прошел к стулу, на спинке которого висел его пиджак и достал из кармана небольшую коробочку. Не глядя, швырнул ее на пол перед «щедрым» родителем.

— Подружке покупал, — бросил с безразличием в ответ на недоуменный взгляд. — Потом другое что-нибудь подарю.

— Я не...

— В долг, — не дал возразить Тьен. — Я тоже не бог весть какой капиталист. В следующий раз приедешь, отдашь. А не отдашь... — он угрожающе сощурился, — бог тебе судья. Но если мелкой проговоришься, на суд попадешь очень скоро.

— Да не могу я! — папаша отодвинул от себя коробочку с таким выражением лица, словно внутри — жаба дохлая.

— Бери, — коротко приказал вор. — Отец ты или хрен собачий?

Мог бы добавить, что ему на самом деле плевать, и единственное желание — видеть этого рохлю как можно реже, а то и вообще больше не видеть в этом доме, но Софи еще вспоминает «свой» поезд, и как тянули вдоль побережья новую ветку...

Выпроводив гостя за дверь, надел пиджак и достал из шкафа купленное к несостоявшемуся ужину вино. Спрятал под полою.

— Ты куда? — встретила его в коридоре мелкая.

— Прогуляюсь.

— Ночью? Делать тебе нечего!

— А ты мне кто, чтобы указывать?

Лучше бы напомнила зонт взять. А так — выскочил на крыльцо и только тогда вспомнил про моросивший весь день дождик. Но возвращаться не стал.

Дорогой вымок, но ничего: там, куда пришел, приветили, обогрели.

На какую-то минутку показалось, что вернулся в прежнюю жизнь, и даже не вернулся, а словно и не уходил никуда, и не было домика с маленьким садом, неугомонного напарника и его сестры. И музея тоже не было, и разговоров с огненным, и ночных кошмаров...

— А я знала, что ты придешь, — промурлыкала Иветта, томно поведя округлыми, обсыпанными золотистыми веснушками плечиками. — Знала-знала.

Наверное, он и сам это знал. И что с того?

Девушка соскочила с кровати на пол, повертелась напоказ, демонстрируя прелести, коими бог не обделил, дождалась шлепка по упругому заду и со смешком подбежала к столу. Сперва прикурила от лампы папироску и подала Тьену, потом разлила по стаканам остатки вина и вернулась в постель.

— Так и не сказал, что с тобой за шмакодявка была...

Откинувшись на составленные горкой подушки, вор медленно выпустил в потолок струйку дыма, отхлебнул немного вина.

— Помолчала бы за это, — посоветовал он бланкетке, пока по-доброму.

— Ладно.

Иви поднырнула под руку с папиросой и пристроила голову на плече у парня. Осторожно обвела пальчиком маленький белый шрам на его груди.

— Странно, два месяца всего, и так зажило.

— Ничего странного. Доктора хорошего нашел, бальзамы брал по специальному рецепту, не грошовые.

— Повезло, — по-своему вывела Иветта. Вскинула голову и заглянула в глаза. — Где был все это время, тоже не скажешь?

— Зачем тебе?

— Хочу знать, с кем ты без меня развлекался.

— Дурочка. — Тьен насмешливо дыхнул дымом в недовольно сморщившуюся мордашку. — Думаешь, у меня только и мыслей было, на какую б кралю влезть?

— Почему это сразу «на»? — захихикала девушка. — Можно и наоборот.

Она сорвала с него покрывало и бесстыдно уселась сверху, плотно обхватив ногами бедра. Прогнулась вперед, поцеловала оставшийся от пули шулера след и медленно распрямилась. Игриво прошлась пальчиками по напрягшемуся животу вора.

— Ш-шалава... — Парень утопил окурок в недопитом вине и отставил стакан на пол.

Освободившиеся ладони потянулись к покачивающейся в такт неспешным пока еще движениям груди распутницы, но, когда цель была уже близка, Иви перехватила его руки и развела в стороны, резко упав вперед и прильнув всем телом.

— Ну так с кем? — шепнула в самое ухо, перед тем куснув за мочку.

— Ни с кем.

— Правда? — она приподнялась, позволив ему добраться до вожаемых округлостей.

— Ммм... Истинная...

— А малолетка твоя что, не дает? Или ты ее до свадьбы бережешь?

Пальцы вора, лишь миг назад ласкавшие мягкую грудь, сомкнулись на шее болтливой шлюхи.

— Я же предупреждал? — спросил он, со злостью глядя в ее расширившиеся от страха глаза. — Предупреждал?!

Иветта прохрипела что-то невразумительное, задержалась, схватилась за него и впила ногтями в плечо. Дрянь! Тьен раздраженно отшвырнул ее к стене, вскочил с кровати и принялся собирать по комнате свои вещи, не обращая внимания на сдавленный кашель и всхлипывания, — сама, дура, напросилась.

— Валет, — слезливо позвала Иви, когда он уже надел брюки. — Валет, ну не надо, не уходи, пожалуйста. Я... я больше не буду...

Закончив одеваться, Тьен, не глядя, вытащил из бумажника две банкноты и бросил на

стол. В первый и в последний раз — деньги, а не подарки. Потому что ни хрена это не для души.

Для души можно было побродить по предутреннему городу, в котором ночная морось сменилась стелящимся по улицам туманом. Пройтись через безлюдный центр, сесть на первый выехавший из депо трамвай и проехаться дважды по кругу, а когда небо уже совсем посветлеет, сойти у музея. Дождаться открытия, узнать, что выставка находок архитектора Лэйда закончилась два дня назад, и забрать у фотографа отпечатанные карточки...

Домой попал к полудню, уставший, не выпавшийся, но вполне успокоившийся. Уже подходя к калитке, мельком подумал, что папаша, быть может, никуда не уехал, а навел в его отсутствие шороху, квартального там позвал, или еще чего. Но полиции Тьен не слишком опасался, даже если и пистолет найдут — отбредется, да и мужик ему полным придурком не показался, чтобы скандал устраивать и дочь не пойми кем выставить, поэтому юноша спокойно вошел во двор, а затем и в дом.

Еще из прихожей услышал, что Люк воюет с кем-то у себя в комнате, а Софи на кухне звенит тарелками.

— А, пришел, — встретила она вернувшегося постояльца. — Есть хочешь?

— Да.

— На плите.

Закончила раскладывать по шкафам вымытую посуду и хотела уже уйти к брату, но Тьен загородил ей дорогу.

— Что папаша?

— Уехал, как видишь, — девчонка машинально покрутила на запястье тоненький серебряный браслетик.

— Цацка новая? — вздернул бровь вор.

— Отец подарил. Перед самым отъездом.

— Грешки замаливает?

— Не говори так! — вспыхнула мелкая. — Ты... ты его не знаешь.

— И знать не хочу, — согласился Тьен. — Лучше скажи, что у нас в саду за пеньки? Раньше под снегом не видел, а теперь торчат.

— Сам ты пенек! — рассмеялась девочка. — Это розы. Я их на зиму обрезала и укутала.

— Розы? — юноша подошел к окну и озадаченно присмотрелся.

— Да. — Софи стала рядом. — Вон те три — это Маргарита, она белая. Знаешь, такая.. Как у тебя на портсигаре. А вон те кустики — Кларисса. Если полностью — Кларисса Санье по имени флориста, который ее вывел. Она ярко-красная.

— А, ну Клариссу я помню, — кивнул вор. — Красивая.

— Молодые люди барышням в подарок хорошо розы берут, — разговорила мелкая. — Но это еще не скоро. Маргарита в середине лета зацветает, а Кларисса — ближе к концу.

— А фиалки твои? — он махнул в сторону комнат. — Скоро?

— Недели через три, должны, — ответила девочка, подумав. — А что?

— Продашь мне э-э... все?

— Зачем? — удивилась она.

— Барышне. В подарок.

— Анне? — насупилась девчонка. — Не продам.

— А ессс...

Отговориться не успел: Софи уже выскочила в коридор и захлопнула дверь. Если и дальше так пойдет, штукатурка со стен совсем осыплется и придется по весне ремонт затевать.

Что ни делается, все к лучшему. Задержись Тьен у Иветты еще на час, попал бы под облаву.

Весь город шерстили, снизу доверху: накануне фабричную кассу при перевозке взяли. Всю месячную зарплату — почти восемьдесят тысяч.

Тьен сначала в газете прочел, а при встрече с Лансом и подробности узнал.

— Козырь это твой, — сообщил коммивояжер. — Вот под какое дело он народ собирал. Банковский автомобиль под старым мостом обстреляли и с сейфом ушли. С ними Берт Лапа, он любой замок вскрыет, ты ж знаешь.

Берта Лапу нашли через три дня. Рыбаки вытащили из реки вздувшийся труп с дыркой во лбу.

А в течение недели отыскалось еще четверо — те, кого козырь ангажировал на дело — вся банда за исключением главаря и его девки.

— Найдут его, — заверил Шут, с которым Тьен теперь виделся чаще обычного. — От полиции ушел бы, от наших не уйдет. Он не только наших, слободских, положил, он царям долю обещал и кинул. Найдут и шкуру живьем снимут. Из города он точно уйти не успел: вокзал и легавые и наши стерегут, поезда шерстят. С дорогами то же — и колымага селянская без досмотра не пройдет. Про порт вообще молчу.

— Рыбаки не вывезут?

— Один из тех, кого он завалил, Нильса Селедки племянник. Не вывезут, сами порвут, если попадется.

— Вот и славненько, — усмехнулся вор.

Шулера он не забыл и не простил, но самому об эту мразь мараться не хотелось. Теперь портовские или слободские на ножи суку поставят, а успеют легавые взять, так свояки его и за решеткой достанут.

— Знаешь, что, Тьен? — Ланс заерзал на стуле и подозрительно оглядел зал маленького ресторанчика, куда они завернули, встретившись в парке. — Насчет нашего дела, ну, с инженером этим... Может, повременим пока, если заказчик не сильно наседает? А то и вовсе откажемся? Полиция сейчас на ушах стоит, своих мало, так еще и из столицы на подмогу людей прислали. Опасно.

— Повременим, — легко согласился вор. — Или откажемся. Утихнет все, тогда подумаем. У тебя с деньгами как, хватает?

— Если не шиковать.

— Вот и не шикуй.

— А сам? — поинтересовался Шут. — Не рассказываешь ничего. Как ты, чем живешь? Напарника твоего нынешнего я видел, а ты еще и про напарницу какую-то говорил.

Вот же дал бог память!

Что Софи ему в напарницы-подельницы не годится, Тьен понял еще после того, как она к Гансу деньги возвращать побежала — совестливая больно. Хоть идейка тогда наметилась интересная: с такой девчонкой, что с виду — чистый ангел, господ хороших только так на шуршащие бумажки развести можно было. Но она не только с виду...

— Познакомить обещал, — напомнил Ланс.

— Познакомлю, — решил, поразмыслив, Тьен. Усмехнулся про себя, представив реакцию приятеля на такую напарницу — еще веселее, чем с напарником выйдет. — Приходи в следующую пятницу часам к трем в шоколадницу рядом с детским театром. Хочешь, Манон возьми, хоть выведешь ее куда.

И самому повод будет малых из дома вытащить.

Правда, до следующей недели юноша ждать не собирался: на улице распогодилось, Софи на него волком глядеть перестала, поостыла за эти дни, можно было и погулять вечером. От катка, небось, уже даже лужи не осталось, но карусель-то стоит еще, и оркестр играет, наверное.

На следующий день, у мелкой как раз выходной выпал, сразу после завтрака и предложил.

— Хочешь, иди, — сказала Софи. — А если Люка возьмешь, вообще хорошо будет: я без вас и приберу нормально, и постираю.

Мода у нее такая — как в лавке выходной, так нужно дома сотню дел найти. Иногда получалось отговорить, что-то самому сделать, в чем-то помочь, но сегодня девчонка конкретно заартачилась, хоть силком ее на площадь волоки.

Делать нечего, согласился с Люком погулять.

— И сейчас, если никуда не собирался, присмотри за ним часик, а? — попросила она. — Я в хозяйственный магазинчик, что за церковью, сбегать хотела, у нас мыло заканчивается, нитки белые... И так, мелочевка всякая...

За мелочевкой, по-хорошему, можно было и его послать, но Тьен не спорил. Может, ей в радость по улице пройтись: солнышко светит, птички щебечут — весна на подходе.

Пока Софи не было, в комнатах немного порядок навел, чтобы ей потом меньше работы было, воды на стирку наносил. Затем решил малого выкупать. Люк третьего дня засопливел, покашливать начал... Приболел, в общем. Сестра его говорила, что ничего страшного, чаями отпаивала, растирала чем-то на ночь, но в сравнении с тем, что Тьен мог — это все ерунда.

Если мог, конечно, ведь после того раза больше не получалось проверить. Вот и случай представился.

Налил в таз теплой воды, занес прямо в детскую. Посулил напарнику настоящий кожаный мяч вместо мотка тряпок купить, если визжать и царапаться не будет, а спокойно в воде посидит, и приступил, так сказать, к исцелению болящего.

И исцелил.

Как-то обыденно в этот раз все прошло, спокойно. Неинтересно даже.

Слил воду, малого полотенцем растер хорошенько, чаем горячим для закрепления эффекта напоил. Потом железную дорогу ему собрал, иначе снова сказки требовал бы. Тьен ему в последние недели много их нарасказывал, что-то из детства вспомнилось, что-то сам придумал, наловчился вдруг слова складывать, даже стишки иногда выходили...

Так и час пролетел, второй пошел. А Софи все не было.

До хозяйственного тут всего минут пятнадцать тихим ходом, назад столько же, и десять минут от силы — на витрины поглазеть. Пусть очередь у них там, и такое бывает. Но это — еще полчаса, самое большее. Ладно, знакомую встретила — еще пять минут, Софи не из тех, кто полдня может среди улицы языком чесать. Вспомнила, что дома чего-то из продуктов нет и на рынок или в лавку свою же завернула? Нет, это вряд ли, позавчера только накупили всего...

Когда часы показали, что и второй час на исходе, Тьен по-настоящему занервничал.

Девчонка — не свиристелка какая-нибудь, из тех, что скажут и тут же забудут, раз обещала за час управиться, значит, должна была уже домой вернуться. Собрался малого одевать и идти ее искать, но тут услышал, как открылась входная дверь.

Выскочил в прихожую и все слова забыл, когда ее увидел.

Софи стояла, покачиваясь, волосы растрепаны, пальто расстегнуто, все в листьях каких-то сухих, в грязи, платье тоже, шапка в руке, на второй — сумка с покупками висит. А на чумазом лице — светлые дорожки от слез.

— Что... — начал Тьен, но в горле перехватило.

— Я через парк пошла, — всхлипнула девочка. — Думала, быстрее. А он как вылетит из кустов... Я... А он... — Шмыгнула носом, растерла по щекам слезы и закончила зло, на одном дыхании. — Налетел, завалил, кобелина проклятый! Что б ему...

В глазах потемнело, а потом вспыхнуло огнем. Пальцы свело в кулак...

— Убью, — прохрипел вор. Шагнул к девчонке. Обнять бы, пожалуй, но вместо этого схватил за грудки, чуть из пальто не вытряхнул: — Кто?

В ключья порвет тварь, найдет и порвет...

— Ты глухой что ли?! — заорала на него Софи. — Совсем меня не слушаешь? Сказала же, кобель! Кусай, паркового смотрителя псина. Из загородки вырвался. Я его подкармливала раньше, косточки приносила. Видно, узнал, обрадовался... А он с лошадь размером! Гадина такая, в грязи всю извалял, пока смотритель прибежал... Чтоб у него хвост отсох!

— У смотрителя? — переспросил Тьен. Из груди рвался смех, и он с трудом сдерживался, понимая, что Софи, если и оценит, то не иначе, чем веником — вон он, стоит в уголке. — Ох, мелкая, я с тобой раньше времени поседею. Долго так почему? Или Кусай этот час тебя по парку таскал?

— А как мне идти было? — озлилась она. — Что то пугало. Я закуточками, чтоб не видел никто.

— А реवेशь чего? — спохватился парень. — Ушиблась? Что болит?

— Ничего. — Она наморщила нос, словно готовилась опять разрыдаться. — У меня... Вот!

Развернулась к нему боком, и стало видно, что правый рукав отошел по шву, и клоч ткани вырван, не пришьешь без заплаты — разошелся Кусай на радостях.

— Дурочка, — улыбнулся Тьен. Притянул девочку к груди, пригладил ладонью волосы. — Нашла из-за чего. Хочешь, шубу тебе новую купим? Да хоть песца!

— Сам дурак, — хлюпнула мелкая, вытирая грязные щеки об его рубашку. — Весна скоро, зачем мне твоя шуба?

Кобеля Кусая при случае следовало поблагодарить и костей ему в мясницкой взять три фунта, не меньше. Во-первых, после встречи с ним Софи обо всех стирках-уборках забыла, а во вторых, повод нашелся пальтецо ее заношенное сменить. Тьен спровадил мелкую умываться, сам тем временем одежду ее кое-как от грязи очистил, а потом пробежался до почтового отделения, извозчика взял. Коляска прямо к калитке подкатила (будет соседям языки почесать), погрузились всей честной компанией и поехали в центр, туда, где магазинов побольше.

Софи не она бы была, если бы собственных денег с собой не прихватила и не ныла перед витринами, что сюда да туда не пойдём, потому что дорого, а подешевле что подыщем.

Но Тьен ее не особо слушал. Сам нужное место подыскал, сам пальто выбрал. На цену не смотрел, лишь бы сидело хорошо, и чтобы не слишком жаркое было — впрямь ведь потеплело, а к зиме другое что-нибудь купят, хоть ту же шубу.

— Дорого, — нахмурилась девчонка, до того минут пять провертевшись перед зеркалом. — И цвет такой...

— Отличный цвет, — честно высказался вор.

Цвет, и правда, замечательный был, кофе со сливками. И фасон симпатичный, фигуру не скрывает, хоть той фигуры пока — одно название. А воротничок и манжеты с норковой оторочкой, мех мягонький, блестящий.

— Маркое, — по-своему рассудила Софи. — И шапка моя под такое не пойдет.

— Ты в нем уголь грузить собираешься? А шапку тоже новую возьмем, — закончил пререкания Тьен.

Нарядили мелкую, что куколку. Еще бы сапожки новые — совсем хорошо было бы. Но она уперлась и в обувной идти наотрез отказалась. И старое барахло выбрасывать запретила, мол, послужит еще, если подштопать. Пришлось в тюк увязать и с собой тащить — ни в театр с таким багажом не пойдешь, ни в ресторан приличный. В чайную при пекарне зашли, перекусили, а оттуда уже пехом, без спешки, на площадь Адмиралов, как Тьен еще с утра предлагал.

На месте катка теперь было пусто, даже бортики убрали. Но карусель и помост с музыкантами остались. Народу поубавилось, конечно, но не так чтобы совсем, и реши Тьен стоимость покупок возместить, вполне может быть, что удалось бы. Но на промысел не тянуло. Гуляют себе, хорошо. Пусть и другие погуляют.

— Софи? Ой, Софи, я тебя сразу и не узнала!

Стоило о других подумать, так они тут как тут. Сначала Амелия подбежала, схватила подружку за руки, закружила, чтобы со всех сторон обсмотреть, а потом и все семейство Ламиль подкатило, папаша с мамашей под ручку и Анна, тоже в обновках: шубку на палевый бурнус сменила, муфточку — на мягкие перчатки, а вместо меховой шапочки вязаный берет, из-под которого свободно спадают закрученные в завитки рыжие локоны.

— Здравствуйте, Виктор.

Если бы Амелия родилась в Дивном мире, то была бы, верно, сильфидой — ураган, а не девчонка. Тьен и на приветствие ответить не успел, как она буквально смела его с пути, и ринулась к родителям, не отпуская руки Софи.

— Мама, папа, мы к цветам пойдем, хорошо?

И, не дожидаясь ответа, к подруге:

— Там сегодня выставка цветов, не знала? Тюльпаны — загляденье! А орхидеи какие! Ты же говорила, что тебе цветы нравятся.

А потом сразу к Тьену:

— Но Люк с вами пусть останется. Не нужно ему туда. Вдруг сломает что-нибудь?

Даже захоти Софи что-нибудь вставить, ей просто не дали на это времени.

— Дети, — вздохнула с умилением госпожа Ламиль.

Анна с улыбкой кивнула, словно грань проводила между собой и «детьми», с которыми лишь недавно веселилась на катке.

— Хороший день для прогулок, — папаша Ламиль выразительно уставился на перевязанный бечевкой тюк в руке Тьена. Хорошо, что в магазине не отказались помочь упаковать старье, и даже бумагой обернули.

— И для покупок, — ответил на незаданный вопрос вор. — Прошлись по магазинам...

— Купии Софи пайто! — вылез из-под его руки Люк

— Сами? — удивилась мамаша Ламиль, а папаша нахмурился очень неодобрительно.

— Почему бы и нет? — спросил Тьен.

— Нуу... — Госпожа Ламиль явно чувствовала себя неловко. — Подобными вещами занимаются обычно родители...

Вор невесело усмехнулся про себя: очнулись. Дети всю зиму ходили на каток без взрослых, а их отсутствие заметили, только узнав о самостоятельных покупках. Выходит, гулять одним можно, а деньги тратить — ни-ни.

— Родители Софи никак не могут этим заняться, — со всей возможной вежливостью сообщал юноша господину старшему наборщику и его супруге.

— Почему? — любопытствовала мамаша Ламиль.

Тьен подумал, что мелкая долго ему этого не простит, но все равно решил, что так будет лучше.

— Мать Софи и Люка умерла.

— Бог мой! Когда это случилось?

— Полтора года назад, — ответил юноша. — А отец уже давно живет в другом городе, с новой семьей.

Папаша и мамаша онемели, а Анна недоверчиво улыбнулась, будто надеялась, что он шутит:

— Софи всегда рассказывала нам с Ами...

— Софи очень ценит ваши отношения, — серьезно сказал Тьен девушке. — И она не хотела, чтобы вы с сестрой подумали, будто она вам не ровня. Не хотела, чтобы вы знали о сложностях в ее семье или о том, что ей пришлось оставить школу и искать работу, чтобы обеспечивать себя и брата.

— Бедная девочка, — отмерла госпожа Ламиль. — Бедные дети! Если бы мы с самого начала знали, то, возможно, могли бы чем-то помочь.

— В этом нет нужды, — решительно заявил вор. — Я... Я как раз за этим и приехал из Галора намного раньше, чем начнется набор в училище. Смогу присматривать за детьми, а деньгами поможет мой отец.

— Это так благородно с вашей стороны, — восхищенно прошептала Анна и вдруг уставилась ему за спину.

Резко развернувшись, Тьен увидел незаметно вернувшихся девочек.

— Там большая очередь, мы решили не ждать, — пролепетала Амелия.

Стало понятно, что пришли они не только что.

— Ненавижу тебя, — прошептала сквозь слезы Софи. — Ненавижу.

— Милая моя, — ринулась к ней мамаша Ламиль. — Не нужно сердиться на Виктора...

Но девочка ее не слушала.

— Захотел покрасоваться? — наступала она на «кузена». — Рассказать, какой ты... благородный?! Я тоже могу про тебя рассказать... Я...

Тьен не верил, что она изболит его перед подругами. Да и что скажет? Это вор, которого я подобрала на улице?

— Вот возьму и расскажу Анне про твою невесту! — топнула ногой Софи.

— Какую невесту? — Такого поворота он не ожидал.

— Которая тебя в Галоре ждет! Которой фотография у тебя под подушкой вся

обцелованная! Которой ты письма по два раза в неделю шлешь! Которую ты совратил, обрюхатил и бросил!

Мамаша Ламиль схватилась за сердце, папаша состроил гневную рожу, но все это выглядело плохой театральной постановкой. На самом деле никто не воспринял всерьез слова обиженной девочки, к тому же, в запале противоречившей самой себе.

— Совратил, обрюхатил, бросил, а теперь письма по два раза в неделю шлю? — уточнил Тьен.

Софи на миг задумалась, поняла, что сказала полную ерунду, но оправдываться не стала.

— Ненавижу тебя!

Вырвала у него сверток со старым пальто, схватила за руку Люка и потащила малого через толпу.

— Вам нужно было поговорить с ней прежде, чем рассказывать нам, — с сочувствием высказала здравую мысль Анна. — Конечно, теперь она злится.

— Ох, эти дети, — пришла в себя мамаша Ламиль. — Такое придумают...

— Уверен, вы сумеете ей все объяснить, — подвел черту папаша. — И обиды утрясутся. Нам ведь еще предстоит видеться. Если я правильно понимаю, вы собираетесь и дальше ухаживать за моей дочерью?

Тьен медленно повернулся к мужчине.

— Нет, — произнес он рассеянно, — не собираюсь.

— Что?! — воскликнули все Ламили хором.

— Я... У меня невеста. В Галоре. Возможно, беременная. Не знаю, уточню в следующем письме.

Вот этого Софи точно не простит, но у него не было ни времени, ни желания придумывать другое объяснение.

Воспользовавшись вызванной его заявлением немой сценой, юноша хотел уже идти, когда Анна резко дернула его за рукав, разворачивая к себе, и с ходу влепила пощечину.

— Вы негодяй! — Голос девушки дрожал от гнева и подступивших слез.

Вор пожал плечами.

— Да.

— Анна, что ты себе позволяешь, — зашипела мамаша. — Тут же люди...

В дальнейшей семейной беседе Тьен решил не участвовать.

Он догнал Софи, попытался отобрать у нее тюк, но девчонка вцепилась в бечеву намертво. Тогда поднял на руки малого и молча пошел рядом.

Так до самого дома и не разговаривали. Только в том проулке, откуда она когда-то вытащила его раненого, попытался взять девочку за руку, но она вырвалась и зашагала впереди, ни разу не обернувшись.

Дома тут же разошлись по своим комнатам.

Тьен зажег лампу. Огонек колыхнулся, из пламени показалась морда саламандры, и юноша раздраженно шикнул на любопытную ящерицу: уж чего сейчас совсем не хотелось, так это выслушивать ехидные замечания. Переоделся в домашнее, сходил к рукомойнику, а затем взял с полки конверт из плотной желтой бумаги и постучался в соседнюю спальню. Когда никто не ответил, заглянул.

— Не хочу тебя видеть, — тихо сказала Софи.

Она сидела на софе спиной к двери. Может, плакала, но по голосу было не понять.

— Значит, не смотри. — Тьен вошел и остановился в двух шагах от девочки. — Просто послушай.

Люк, чувствуя, что вмешиваться не стоит, затих с игрушками на своей кровати.

— Софи, я рассказал Ламилям о тебе и о твоих родителях совсем не для того, чтобы порисоваться благородством. И, естественно, не затем, чтобы обидеть тебя или рассорить с подругами. Я действительно считаю, что так правильно. Да, нельзя было вываливать правду на них вот так, и нужно было сначала поговорить с тобой. Но так уж вышло. Разозлился из-за того, как они говорили о нашей семье, и не сдержался. Но, если честно, с самого начала не понимал, зачем нужен этот обман. Зачем тебе быть такой, как они, если ты намного лучше? Ты умная, добрая, сильная, самостоятельная. И красивая... бываешь иногда. Вот. — Он через плечо протянул ей конверт. — Тут фотографии из музея, все забывал показать. Ты замечательно получилась, только грустная немного, а может, уставшая. Или это фотограф такой момент поймал. Но мы в другой раз в ателье пойдем и нормальный снимок сделаем, честно. И Люка возьмем обязательно, чтобы уже все... Софи?

Она по-прежнему не смотрела на него и в конверт не заглянула.

— Я порвал с Анной.

Плечи девочки вздрогнули и обвисли.

— Из-за того, что я наговорила? — спросила она.

— Нет. Папаша задал вопрос в лоб, и я честно ответил. Видно, у меня сегодня приступ честности случился.

— Ясно. — Софи вздохнула, но не заплакала. — Значит, друг у меня больше нет.

— Их у тебя и не было, — Тьен осторожно присел позади нее. — Просто товарки по играм.

— Много ты понимаешь, — без злости, грустно проговорила девочка. — У самого, небось, и таких друзей нет.

— Неправда. У меня Ланс есть — самый настоящий друг. И Люк. Да, напарник? — Он подмигнул восторженному при звуках своего имени мальчишке. — И... ты.

Услышал, как она зашуршала бумагой — достала из конверта фотографии. Рассматривала молча.

— А с Лансом я тебя на будущей неделе познакомить хотел, — добавил Тьен. — Он тебе понравится. И Манон, его невеста. Она вышивкой занимается, может хоть портрет вышить, а еще картинки лаком рисует. А Ланс он вообще Ланселот. Коммивояжер. Чтобы ты не думала, что у меня друзья какие-то там... вроде меня...

Она ничего на это не сказала, молчала еще какое-то время, а после спросила, не оборачиваясь:

— Можно я снимок, где мы с тобой, себе оставлю? У меня и рамка подходящая есть.

— Конечно.

Под выпуклым стеклом лампы появилась на миг ухмыляющаяся физиономия огненной ящерицы, показала длинный раздвоенный язык и пропала...

На площадь они с того дня не ходили.

И вообще не до прогулок стало. На следующий вечер Софи, как только из лавки вернулась, пирог с рыбой затеяла. В духовку поставила, взялась за Люка вещички: что подшить, что заштопать. Потом еще капусту нашинковала на засолку. Так до ночи и провозилась.

На другой день снова работу себе придумала, чтобы из дома не выходить. Решила белье, что в выходной не постирала, с нашатырным спиртом выварить, как мама когда-то. А с утра выполоскать хорошенько, подкрахмалить и во дворе развесить. Как раз еще на один вечер дело найдется — перегладить все...

Хотела, но Тьен не дал. Как нашатырь унюхал, все, сказал, окна настежь, а самим от этой вони подальше. И вообще, говорит, для такого дела прачечные есть, а дома и с мылом простирнуть хватит, не шахтеры, чай, на этих простынях спали. Вытащил выварку на двор, чтобы в кухне не паровала, и приказал Софи с Люком собираться.

— А белье? — запротестовала было девочка.

— Сам утром разберусь. Давай, одевайся. Поприличнее только, в ресторан пойдем.

— Зачем?

— Ужинать, естественно. А то у нас на кухне вместо еды не пойми чем пахнет, и кусок в горло не полезет.

Вот так и провела Софи вечер не у корыта с бельем, а в большой ресторации, где лампы электрические, портьеры бархатные, пол паркетный... И скатерти белые-белые — видно, вываривают...

А на следующий день Тьен заявил, что не дело всего одно платье на выход иметь, про намеченную встречу со своими друзьями напомнил и в магазины потащил. Вроде как стыдно ему за нее, что в одном и том же ходит, будто те друзья ее когда видели. Но спорить девочка не стала. И платье новое самой хотелось. И просто приятно, что кто-то о ней печется.

Не понравилось только, что Тьен ее в сторонке оставил и снова сам выбирать взялся. А продавщица по всему залу за ним на каблучках цок-цок: сейчас мы вашу сестричку, говорит, нарядим, не извольте беспокоиться. И дальше за ним, бедрами виляет, что та профурсетка, цок-цок, цок-цок... Кобыла!

— Гляди, — парень подозвал Софи к себе. — Вот это, голубое, тебе пойдет. Или то, кремовое.

— Красное хочу, — заявила вдруг девочка. — Вон то.

Просто из вредности сказала, а сама ничего подобного в жизни не надела бы.

— Красное? — озадачился вор. — Оно, как бы сказать... По фигуре тебе не подойдет. И длинное.

— А у нас свое ателье, — влезла кобыла... продавщица, то есть. — Снимем мерки, подгоним. Залог оставите и через час можете забирать.

— Нет, — обрубил сурово Тьен. — Вырез глубокий... Шея мерзнуть будет. Не лето все-таки.

Взяли кремовое. Софи как примерила, уже и снимать не хотелось. Шерстяное, но тоненькое-тоненькое, к телу приятное. Воротничок отложной, рукав свободный, а манжеты

узкие, по запястью. Пуговицы на груди под оборками спрятаны. И юбка не широкая, не узкая, а такая, что в самый раз.

Люку тоже обновку купили — костюмчик твидовый, в мелкую клеточку: пиджачок и брючки, как у взрослого, только маленькие, на его росточек. Даже галстук подобрали.

— Ты так совсем без денег останешься! — спохватилась девочка, когда узнала, сколько квартирант за все это заплатил.

— Я? — усмехнулся он. — Не останусь.

Но все равно неудобно было.

Дома решила и сказала, чтобы он денег за комнату больше не давал.

Не в деньгах дело. И не в платье, пусть и красивое. Просто...

Просто жизнь, показалось, стала налаживаться, та самая, о которой Софи давно мечтала. Чтобы дом. Люк. И спокойно. И есть с кем поговорить. И на кого положиться...

А вечером можно чай заварить, полную вазочку печенья набрать и в карты играть под стук колес игрушечного поезда. На желания. И кукарекать потом на крыльце...

Еще сказки слушать. Софи давным-давно уже сказок никто не рассказывал, да и сейчас вроде как не ей, но интересно же...

И в парке гулять после работы. Костей Кусаю занести. Он вообще добрый, ласковый... Кусай, в смысле...

А после в кондитерской какао пить. С пирожными. И Люка затем от крема оттирать...

Почти неделю так было, тихо и мирно, а в тот день, когда нужно было на условленную встречу с его друзьями идти, с самого утра они с Тьеном разругались.

Началось с того, что прибежал мальчишка от господина Гийома. Принес записку, что с хозяином плохо, то ли поясницу, то ли почки прихватило, и надо, чтобы она, Софи, за него в лавке постояла.

— Никуда ты не пойдешь, — решил за нее постоялец. — У тебя выходной.

— Нельзя так, господин Гийом мне никогда не отказывает.

— В чем? В чем он тебе не отказывает? В лишней работе?

— Он меня отпускает, если спрошусь...

— Вот пусть сегодня и отпустит! — обрубил Тьен. — А если бы тебя дома не было? Если бы ты ушла куда-нибудь?

— Так я же не ушла, — понурилась девочка. Обманывать, тем более без весомой причины, она не любила, да и хорошего человека подводить не хотелось. — Я ему скажу, что мне на вечер надо, до двух постою, когда самая торговля, и сразу домой. Как раз к трем успеем. Нас же к трем ждут, верно?

— Меня ждут, — насупился парень. — А ты вообще можешь не ходить. Я вон, Люка возьму. Пойдем, погуляем, шоколаду поьем с бисквитами. А ты торгуй там своей картошкой!

Но Софи тоже бисквитов хотела, а потому постаралась до двух управиться. И домой со всех ног торопилась...

— Ох, ты ж, мать моя женщина! — схватился за голову Тьен, увидев ее сапог.

— Я за бордюр зацепилась, — чуть не плача объяснила девочка. — А подошва, она того... Может, примотать чем-нибудь получится?

— Примотать? — квартирант уже лютым зверем глядел. — Примотать?! Я тебе, еще когда пальто покупали, говорил, что новые сапоги брать надо! Говорил?! А теперь —

примотать?!

Но примотать все равно пришлось.

А потом — на извозчике в магазины. Пока нужный нашли, пока обувь приличную выбрали и не слишком дорогую...

— Ну, спасибо тебе, мелкая. Погуляли. Встретились, познакомились...

Всего на несколько минут опоздали... на двадцать, если уж точно. А друг его с невестой их не дождались. Тьен у официанта расспрашивал, заходили ли похожие и когда ушли, но у того за день столько людей перед глазами было, что он и не вспомнил: вроде да, а вроде и нет. Побродили по улицам, если вдруг они неподалеку прогуливаются, но, видать, не судьба.

— Ладно, пошли уже домой. — Парень в расстроенных чувствах даже про бисквиты не вспомнил.

Правда, по дороге спохватился: булочек купил с корицей. И два леденца. Оба Люку, конечно же.

Себе газету взял.

А Софи — ничего.

Дома оттаял немного. С ужином помог, потом еще с Люком играл, пока она посуду мыла. И сказку на ночь рассказал, как уже повелось...

— Ничего, мелкая, — сказал он ей перед сном. — В другой раз познакомлю. Только ноги береги. И сапоги тоже.

Девочка подумала, что он совсем уже успокоился, и перестала волноваться.

Расстелила постели, уложила братишку, посидела рядом, пока не уснет и собиралась уже лечь сама, как услышала в коридоре быстрые шаги. Затем хлопнула входная дверь.

— Тьен! — выскочила она следом. — Тьен, ты куда?

Но парень был уже за калиткой и не откликнулся.

Стало страшно. Случалось, он и раньше неожиданно уходил, но всегда предупреждал, не то что сейчас. Софи постояла еще немного на пороге, в надежде, что он вот-вот вернется, но скоро поняла, что только холод в дом напускает.

Лампу в комнате он не погасил и дверь бросил приоткрытой. По распахнутому настежь шкафу и валяющимся на полу вещам, стало ясно, что собирался в спешке. Матрас с кровати зачем-то сдвинул и не поправил.

Девочка подошла к столу, чтобы потушить свет и увидела лежащую под лампой газету. «Курьер» был развернут на странице криминальных новостей. Ограбления, убийства, пьяная драка. Почти целую полосу занимала статья о ревнивом муже, зарезавшем жену и любовника, а после пытавшемся покончить с собой. Полиция успела вытащить ревнивца из петли, и теперь тому предстоял суд и, скорее всего, смертная казнь через повешение...

А в самом низу страницы — совсем маленькая заметка. «Убийство коммивояжера».

Как до слободы дошел, Тьен не помнил. Не видел попадавшихся навстречу людей, не чувствовал холодного ветра, развевавшего волосы и полы расстегнутого, впопыхах брошенного пальто. Только сердце колотилось, опережая ритм шагов, и бился о бедро брошенный в карман брюк пистолет. А в барабане — всего две пули, и те неизвестно кому предназначены.

В окошке над мастерской точильщика горел свет. Ярко, что можно подумать, будто Манон, как бывало, взяла заказ, а Ланс ушел в кабак пропустить стаканчик-другой или просаживает где-нибудь в карты дневную выручку.

Вор дернул ведущую на лестницу дверь. Раньше Манон запиралась на все замки, а поскольку мальчишки то и дело обрывали шнурок звонка, приходилось кричать под окнами. Но сейчас внизу было открыто. Юноша постоял немного на входе, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями, и медленно поднялся на второй этаж. Дверь в единственную на тесной площадке квартирку тоже не заперли, словно хозяйка никого и ничего уже не страшилась. Тихо ступая, Тьен вошел в прихожую, а оттуда — в небольшую, хорошо освещенную комнату, и остановился, заметив вышивальщицу. Та сидела у стола и ночного гостя не видела, занятая работой: за порхающей серебристой пчелкой иглой тянулась красная нитка, оставляя на белоснежной ткани не видный от входа узор, а ловкие пальцы толстушки распрямляли что-то, подтягивали и вертели пальцы. Вдруг подумалось, что все это какая-то ошибка, и Ланс действительно в кабаке... Если бы только движения ее были чуть медленнее, глаза не такими пустыми, а нитка другого цвета...

— Манон, — негромко позвал вор.

Вышивальщица подняла голову, посмотрела ему в лицо, а после — на ноги.

— Ботинки.

Она всегда бранилась, если в комнату входили в обуви. Есть такие вещи, которые прочно врезаются в быт и в сознание, что бы ни случилось. Или помогают поддерживать иллюзию, что не случилось ничего...

Тьен разулся, швырнул ботинки к входной двери. Подошел к девушке и без слов отобрал у нее пальцы и иглу. На вышивку не смотрел. Лишившиеся дела трясущиеся пальцы тут же вцепились в его руки, чужая дрожь прошла по телу, и стоять стало трудно. Опустился на пол, положил отяжелевшую голову на колени вышивальщицы и прижал ко лбу ее ладонь. Подумалось, как хорошо было бы уметь делиться мыслями. Не нужно было бы слов.

— Я думала, раньше придешь, — заговорила первой Манон. — Увидишь, что нас в той кофейне нет, и придешь узнать, что случилось. Специально поезд[i] (4) почти до четырех держала, чтобы простился хоть...

— Сапог, — прошептал Тьен. — Сапог дурацкий.

Да и не будь того сапога, вряд ли бы он сразу в слободу кинулся. Подумал бы, что у Ланса дела какие-то нарисовались, или приболел. Что угодно подумал бы, но не такое!

— Позавчера ждала его, ждала, — словно в пустоту говорила девушка. — Ночь уже, а его все нет. Не в первый раз, а тревожно так стало. До утра сидела. Уже служба закончилась, люди из церкви, смотрю, идут. Прилегла, задремала. Когда приходят. Из полиции двое, в форме, бляхи показали. Знаешь, я даже обрадовалась. Думаю, влез куда-то, ночь в каталажке просидел. Он ведь по-крупному — никогда, а если мелочевка какая-то, то и ничего, подержат недельку, как, помнишь, было, и отпустят... А у него в кармане карточка от фирмы и паспорт с адресом. Он тебе говорил, что у меня записался? Решили, раз уж жить, то уже и жить... А тут... Оpozнание называется. В третий участок повезли, там мертвецкая у них. Холодно. Бумаги какие-то велели подписать. Говорят, после трех можете забирать...

— Кто, известно?

— Нет. Сказали, будут искать. Господин какой-то приезжал из торговой компании, где Ланс работал. Топал ногами, кричал, что это так оставлять нельзя, что он лично проследит.

Коммивояжер — опасная профессия. Тьен об этом еще при встрече с Морисом подумал...

— Прости, — он с нежностью сжал пухлую ладошку, коснулся губами исколотых до крови пальцев. — Это я виноват. Я ему это место нашел.

— Ты ведь как лучше хотел, — вздохнула Манон. Погладила по волосам, улыбнулась вдруг: — Спасибо. Хотя пару месяцев прожили по-людски...

Провела рукою ему по лбу, утирая пот, блеснуло на безымянном пальце тоненькое колечко с голубеньким камушком. Совсем тоскливо стало, хоть волком вой.

Но волки не только выть горазды, и зубы у них не за тем, чтобы ими от страха клацать.

— Тьен, — вышивальщица словно почувствовала что-то. Потянула за волосы, вынуждая поднять глаза. — Ты только не лезь в это, прошу. Не надо. Бог все видит, он рассудит. А ты его не ищи.

— Кого? — встрепенулся юноша. — Кого не искать? Знаешь еще что-то?

— Нет. — И губы сжала в тонкую ниточку.

— Не умеешь ты врать... Манюня.

Вздрогнула. Подбородок задрожал — вот-вот расплачется. Но утешить и потом можно.

Тьен поднялся с колен, притянул табурет и сел напротив девушки. Легонько встряхнул ее за плечи:

— Рассказывай.

— Нечего рассказывать, — всхлипнула она. — Может, это вообще ерунда какая.

— Ерунду рассказывай.

— Карандаш... Карандаш переводной, знаешь? Вроде обычный, а намочишь — синий. Ланс такие разносил, мне подарил три штуки. Удобно: узор через стекло срисуешь, потом бумажку в воду окунешь и к ткани прикладываешь — отпечатывается... А один он с собой носил, в кармане. Бумажки с записями терял вечно, так наловчился карандаш слюнить и отметки на запястье ставить, что продал, сколько. А дома уже в тетрадку переписывал. А когда... когда собирали его, я смотрю, у него на ладони слова какие-то. Обычно — буква одна и цифра, а тут — слова...

— Что за слова?

— Ерунда. — Замотала головой, а по щекам слезы полились. — Глупость полная. И стерлось наполовину...

— Манон! — сердито прикрикнул Тьен. — Какие слова?

— Ерунда, — повторила она. — «Коз» какой-то. И «гуляй». «Коз гуляй».

— В полиции про это говорила?

— Нет.

— Вот и правильно. Не для легавых записочка. Для меня. Это как кони.

Сорвавшийся нервный смех заставил Манон испуганно отшатнуться.

— Какие кони? — пролепетала она непонимающе.

— Которые масла не едят.

Он вскочил на ноги, но от того, чтобы мерить шагами тесную комнату, удержался — притопнул на месте.

— Где Ланс работал в последний день?

— Не знаю, — покачала головой вышивальщица. — Ему недавно вместо штучек разных хозяйственных книги поручили. Книги, альбомы с рисунками. Вроде стал ближе к университету ходить и в кварталах, где студенты живут.

У студентов денег негусто, вряд ли что купят. А книгами и в другом месте заинтересоваться могли.

— Его в брошенном парке у реки нашли, так? — спросил вор у девушки. В газете так писали, но он решил уточнить.

— Да.

— Саквояж украли, бумажник?

Она кивнула, рыданий уже не сдерживала.

— Тьен, ты только не ищи, пожалуйста. Хоть ты останься. Бог...

— Бог судил уже, — бросил угрюмо юноша. Достал из кармана прихваченные из дома деньги. — Лансу неделю назад аванс дали. Большой. Я боялся, что играть опять начнет, отобрал. Вот, возвращаю.

Манон посмотрела на легшие на стол банкноты и улыбнулась сквозь слезы:

— А говоришь, я врать не умею. Не надо мне, заberi.

— Ерунды не мели. Я долг отдаю. — Вор отвернулся: стыдно было в глаза ей глядеть. — И отдавать еще долго буду.

С таким долгом и до смерти не считаешься.

В том, что случилось, он один виноват. И не потому, что подбил Ланса на эту работу, раньше еще. Намного раньше, когда решил забыть о том, что случилось в игорном доме. Нужно было тогда еще искать подстрелившего его шулера и вернуть тому пулю, но он поверил, что их пути разошлись навсегда. Оставил в живых врага и потерял друга...

Как пришел, не здороваясь, так и ушел от Манон, не прощаясь, посидев с ней еще немного, просто, без разговоров.

От нее пошел на старую квартиру. Здесь его уже давно не ждали, но дверь все еще была опечатана, и, что странно, на целостность ее никто пока не покусился.

Сломав печати, юноша вошел внутрь. Не зажигая огня, оглядел комнату, два года бывшую ему домом: все на своих местах. Провел пальцем по пыльной столешнице, погладил корешки книг. Нашел в шкафу папиросы и бутылку вина, протер носовым платком бокал и выбрался через окно на крышу.

— Светлая тебе память, — прошептал он, глядя в звездное небо.

Соблазн опустошить бутылку за раз и забыться был велик, но Тьен ему не поддался. Выпил всего полбокала, а остальным вином напоил водосточный желоб. Закурил.

Размышлять о том, что случилось с Лансом, не было нужды, он все понял еще у Манон.

«Коз гуляй» — козырь, Гуляй-город. Никто кроме них с Шутом не называл так кварталы Ли-Рей, никто больше не догадался бы. И никто не стал бы всерьез искать там сбежавшего с фабричной кассой и жестоко избавившегося от подельников бандита — слишком специфическое место. Но книги и альбомы — товар как раз для тамошних жителей, и Ланс, не раз ходивший с приятелем прогуляться в Ли-Рей, наверняка подумал об этом, как только понял, что со студентами каши не сваришь. Но печатная продукция — не ухваты для сковородок. По идее, книжные новинки Шут сразу должен был в магазин какой-нибудь предложить. Правда, торговля в Гуляй-городе, начинается позже, чем везде, по утрам богема еще дрыхнет. Значит, позвонил в какую-то дверь. Потом еще. И еще. Где-то что-то купили. Где-то послали. А где-то наткнулся на козыря или его девку. Он узнал, и его узнали. Шулерский глаз наметанный, а Ланс с этой сволотой не один вечер у мамыши Бланшет играл. Его узнали, вспомнили, кто и откуда, решили, что тут же к царям побежит...

Ему бы не к царям, а в ближайший участок со всех ног, или, на худой конец, к постовому. Только нет у слободских такой манеры, они с детства приучены десятой дорогой легавых обходить, даже если за всю жизнь и грошика не стянули. Но химический карандаш достать, наслюнить и записочку другу черкануть Ланс успел. Выходит, от того дома ушел, но видел, что его ведут. Чужал, что в слободу не доберется...

А может, не просто вели. Поначалу — да, а после что стоит подойти, схватить под руку и пистолетом под шарфом, к примеру, в бок ткнуть? И идут себе два приятеля, почти в обнимку, подальше от кварталов артистов, в глухой заброшенный парк, где и выстрел услышать некому...

Тьен накрыл ладонью тлеющий конец папиросы, выманивая огненную искорку.

— Поговори со мной, — попросил он.

— Можно и поговорить. — Увеличившийся в размерах сполох принял облик присевшей рядом девчонки, и от звука ее голоса стало не по себе.

— Не делай так. — Юноша зажмурился.

— Я думала, тебе будет приятно, — не меняя голоса, сказала порождение огня.

— Нет, не приятно. Не сейчас.

Возвращаться к Софи, даже мыслями, он не желал. Рядом с ней всегда было светло и спокойно, а он не хотел сейчас успокаиваться и сам лелеял в душе тьму.

— Как скажешь.

Нежный альт сменился хрипловатым баритоном, и юноша открыл глаза. Посмотрел на знакомого уже мужчину с длинными волосами.

— Ты — Огонь. И ты везде. Значит, сможешь мне помочь.

Тьен не просил, а приказывал, и пламенеющему на фоне ночного неба собеседнику это не понравилось:

— Я уже говорил, я тебе не слуга.

— Но ты приходишь, когда я зову, — с напором произнес вор. — И не уходишь, пока не прогоню. И вряд ли можешь навредить мне. — В подтверждение этого он по локоть погрузил руку в грудь огненного, а тот даже не отстранился. — Все не так просто, да?

— Все очень непросто, малыш, — грустная улыбка на миг изогнула горящие губы. — Даже не представляешь, насколько непросто. Но я не обязан служить тебе. И я могу уйти.

— Ну и ладно. — Стало горько и жалко вылитого вина. — Вали.

В секунду огненный уменьшился до крохотного светлячка, и Тьен едва успел поймать его и сжать в ладонях.

— Подожди! — выкрикнул он. — Не уходи! Помоги мне, пожалуйста.

— Видишь, просить совсем нетрудно, — ухмыльнулся вернувшийся огненный, и вор с опозданием понял, что именно этого он и добивался: чтобы его попросили.

— Хорошо. — Тьен опустил голову. — Прошу тебя, помоги. Я искал бы его сам, но каждая минута может оказаться решающей. Я буду в одном месте, а он уже уйдет из другого. А ты Огонь, ты везде. Я ни о чем больше не попрошу, дальше — сам. Только скажи, где он.

— Собираешься его убить?

— Да.

— Это ничего уже не изменит.

— Изменит, — уверенно сказал юноша. — Мне станет легче.

— Не думаю, — покачал головой огненный. — Я видел многих, говоривших так же, но не помню, чтобы кому-нибудь из них действительно стало легче. Убивая другого, ты убиваешь часть себя.

— Часть меня убили два дня назад, — глухо выговорил Тьен. — А мне нужна твоя помощь, а не лекции.

— Прости, в этом я тебе не помощник. Я — Огонь, несущий жизнь. И мне неприятно когда меня делают пособником смерти. Но даже если я переборю себя, помочь тебе не

сумею.

— Но...

— Да, — огненный кивнул. — Всегда есть какое-нибудь «но». Ты можешь использовать мои силы и сделать это сам.

— Я? — растерялся юноша. — Могу?

— Ты — флейм... в какой-то мере. А значит, можешь ходить и видеть через огонь. Правда, — на пылающем лице промелькнула привычная ироничная гримаса, — даже чистокровные флеймы не всегда овладевают этими умениями. Но один наш с тобой знакомый нечистокровный неплохо справляется. Как, ты думаешь, дядюшка Фернан появляется и исчезает так быстро? Ой...

Огненный прикрыл рот ладонью, словно ненамеренно выдал то, о чем должен был молчать, и театральность этого жеста лишь подтвердила, что в сказанном нет ни толики случайности. Если и были какие-то запреты, Огонь находил лазейки, чтобы поделиться информацией. Зачем? Вот этого он точно не скажет.

Фер — флейм, нечистокровный. Умеет ходить через огонь. А еще он все-таки «дядюшка». Это, несомненно, очень интересно... Но не теперь.

— Научи меня, — решительно потребовал Тьен.

— Попробую, но не здесь.

— Почему?

— Слушай.

Разговор полностью отвлек от реальности. Оказалось, внизу давно уже суется люди, что-то кричат и показывают пальцами на крышу, по которой вперед-назад прогуливается пламя. А на рыночной площади бьют в набат.

— Лучше уйти до приезда пожарных, — сказал огненный. — Хотя я не отказался бы увидеть их рожи, когда они поймут, что ничего не горит.

— Не дело, когда людей ни за что, ни про что поднимают среди ночи, — пробормотал под нос себе Тьен, когда собеседник, вновь уменьшившись, растворился во тьме.

Вернувшись в квартиру, он отодвинул кровать и выгреб из тайника остававшиеся тут деньги. Потом открыл лампу, облил керосином ковер и шкаф с книгами и чиркнул спичкой.

Все равно он не собирался сюда возвращаться.

В балке под каменным мостом мальчишки летом жгли костры до поздней ночи и пекли картошку. Сейчас, зимой, сюда вряд ли кто-то заглянет даже днем. Идеальное место, чтобы уединиться с материализовавшимся из искры от раскуренной папиросы наставником.

— Зачем ты это сделал? — спросил огненный. — Зачем устроил пожар?

— Избавился от остатков прошлой жизни.

— Для кого-то они могли стать жизнью будущей. Не говоря о том, что под твоей квартирой еще три этажа, а саламандры — всего лишь глупые ящерицы, весьма неразборчивые в еде.

— Пожарный расчет уже там. Разберутся, — закончил ненужный разговор Тьен. — А ты обещал научить меня ходить сквозь огонь.

И выражение пылающего лица, и вся поза огненного свидетельствовали о его недовольстве, но отказываться от своих слов он не стал. Только поправил:

— Не обещал научить, а обещал попробовать. Для начала... Для начала немного теории. Что есть пламя?

— Не знаю, — буркнул вор. — Меня почему-то не водили в школу для маленьких флеймов. И если можно, переходи сразу к практике.

— К практике? — воплощение огня сердито сверкнуло алыми углями глаз. — Хорошо. Гори.

— Что?

— Гори. Представь, что ты — это я, и гори. Захочешь исчезнуть — потухни. Зажжешься в другом месте от свечки, печки, спички, от удара молнии, от электрического провода, от...

— Огонь есть везде, — перебил нервную речь Тьен. — Я помню. Но как я должен загореться?

— Я же сказал, как я. В тебе есть огонь, найди его и вспыхивай. И если хочешь быть таким же неуловимым, как кое-кто, учись вспыхивать и тухнуть в один миг, чтобы это выглядело так, что ты просто исчез, а не сгорел. Люди не любят, когда у них на глазах кто-то сгорает. Когда исчезают, они тоже не любят, но это не так раздражает.

— То есть, я могу загореться, потухнуть и незаметно появиться рядом с... с тем, кого хочу найти?

— Да.

— А моя одежда?

Огненный насмешливо хмыкнул:

— Хочешь спросить, не сгорит ли твоя одежда при перемещении, и не явишься ли ты вершить возмездие в чем мать родила?

Тьен нахмурился: мести не повод для шуток.

Но учитель не разделял его точку зрения, продолжая язвить:

— Ты собираешься превратить в пламя свою плоть, кости, кровь, волосы и... Из чего там еще ты сделан? Ты собираешься обернуться огнем и восстановиться в целости и невредимости, но переживаешь, что не сможешь сберечь какие-то тряпки.

— Так я смогу? — спросил юноша резко.

— Да.

— Металл я тоже смогу пронести в огне и восстановить в той же форме?

— Если ты о том куске железа, что лежит у тебя в кармане, то да, — неохотно ответил огненный. — Но для начала хотя бы вспыхни.

— Как?!

— Я объяснял.

Почувствовать в себе пламя. Стать частью этого пламени. Стать пламенем.

Тьен закрыл глаза, чтобы мелькающий перед глазами костер, притворяющийся человеком, не отвлекал, и сосредоточился на огне, горящем в нем самом. Еще вчера это были едва тлеющие угли, дающие тепло тем, кому он позволил бы потянуться к ним. Сегодня — пожар, стократ сильнее того, что он устроил в своей бывшей квартире. Вчера ему хотелось греть, сегодня — сжигать. Он вспомнил Ланса, их последнюю встречу, первую. Выбитый зуб, раскуренная на двоих папироска, поделенный пополам улов, «серенады» под окнами Манон и ухваты для сковородок. Вспомнил, как светился друг, ясным и чистым светом, совсем как ребенок... Покатившиеся из-под прикрытых век слезы стали маслом, сильнее распалившим в нем огонь ненависти. Пожар, опаливший душу, охватил тело, но, кажется, так и надо. Так и надо — гореть, пылать злобой и яростью, жечь болью, такой же болью, что сжигала сейчас его самого.

Вспышка — и он не чувствует больше оков плоти. Он свободен и могуч, как никогда. Он

— Огонь, и от его врагов останется лишь пепел.

А вслед за вспышкой что-то оглушительно хлопнуло, и вдруг стало совсем тихо и темно.

...Очнулся Тьен на дне глубокой и широкой воронки. Огненный стоял над ним, а лицо его было теперь маской из переливающихся всеми цветами сполохов, скрывающей все эмоции и мысли.

— Знаешь, что, — проговорил он неспешно, когда юноша поднялся с земли и отряхнулся, — давай, ты пока не будешь так делать? Не будешь учиться ходить через огонь. Ты же не хочешь ненароком разрушить полгорода? Я научу тебя смотреть, для твоих целей этого хватит. Только уйдем отсюда, взрыв мог привлечь людей.

[i] 4) Поезд — здесь: траурный поезд, траурная процессия.

Вечером следующего дня Тьен сидел в небольшом ресторанчике на окраине Ли-Рей. Он никогда раньше не бывал в этом заведении и вряд ли когда-нибудь придет снова: отвратительная кухня, унылый интерьер, пошлые песенки в исполнении пожилого паяца с гармоникой. Но сегодня, никому здесь не знакомый и не интересный, он мог спокойно дожидаться того часа, когда в домах начнут зажигать свет. Скоро кто-нибудь, козырь или его фигуристая подружка, поднесет горящую спичку к фитильку лампы или провернет ручку электрического выключателя, и тогда он увидит их. Обязательно увидит.

— Желаете что-нибудь еще?

— Кофе. Принесите полный кофейник, сахара и сливок не нужно.

— Что подать к кофе? Могу предложить вам крепсы с вишневым сиропом или...

— Просто кофе. И счет.

Официант собрал на поднос тарелки с нетронутым салатом и жульеном, который юноша лишь слегка поковырял вилкой, и через несколько минут принес кофейник и чашку.

— Мне кажется, вы чем-то расстроены, — обронил он негромко, наклонившись, чтобы налить кофе. — Одна из девушек, что сидят за столиком у эстрады, с радостью скрасила бы ваш вечер.

— Благодарю за заботу, но как-нибудь в другой раз.

— Вы не...

— Я сказал: нет.

Юноша резко развернулся к официанту, и тот оторопело отпятился, как щитом закрыв грудь подносом. Обычно ярко-зеленые глаза вора сейчас казались совершенно черными, словно расширившиеся неестественным образом зрачки затопили собой радужку, и если бы человеку хватило выдержки посмотреть в эти глаза подольше, он, возможно, заметил бы, как на дне их вспыхивают время от времени недобрым светом маленькие огоньки. Но официант быстро отвел взгляд и поспешил удалиться.

Кофе тут был таким же дрянным, как и еда. Или — эта мысль пришла в последний момент — он просто не чувствует настоящего вкуса. Как бы там ни было, Тьен сделал несколько глотков и отодвинул чашку. Достал из кармана спички. Пора.

Он уже видел сегодня их обоих, и шулера, и его девку, но всегда лишь мельком, в случайных вспышках, когда, как учил Огонь, обращался внутренним взором к отражениям пламенной стихии. В первый раз было сложно: долго не получалось понять, как можно слиться сразу с тысячами горящих по всему городу огней, а когда получилось, голова, казалось, разорвется на части, распираемая заполнившими ее образами. Видимо, он хватил лишку, и вместо тысячи огней перед ним их зажглось миллион, лица и силуэты накладывались друг на друга, дворцы и нищенские халупы срастались стенами, населяясь странными существами, лишь отдаленно похожими на людей, и в беснующемся пламени не разобрать было, кто есть кто. Его стошнило, кровь пошла через нос и уши. Но Тьен справился. Придя в себя, повторил снова и не раз, пока, в конце концов, к полудню, наверное, не научился концентрировать внимание на выбранных образах, оставляя из тысяч сотни, из сотен — десятки, а после сосредотачиваться на одном. Листал отпечатавшиеся в огне картинки, словно страницы книги, быстро, но внимательно просматривая каждую. Так

и нашел впервые козыря. Узнал сразу по худому, вытянутому лицу, длинному носу и тонким усикам, по темным, постоянно прищуренным глазам расчетливого хищника. Нашел его и тут же потерял. После видел белобрысую потаскуху, укравшую у него законный выстрел, который мог предотвратить немало бед и — самое главное — сохранил бы жизнь Ланса. Сучка смеялась, разговаривая с кем-то рядом, но огонь не позволял слышать — только смотреть. И Тьен смотрел до тех пор, пока и она не растаяла, скрытая другими изображениями...

Но теперь, когда наступил вечер, они уже не спрячутся от него.

Юноша зажег спичку и сосредоточенно всмотрелся в огонек. Секунда, две. Не только увидеть, но еще и почувствовать. Они где-то рядом, где-то совсем рядом...

— Простите, но у нас не курят, — несмело приблизился официант.

— Я и не курю.

Бросив спичку в чашку с недопитым кофе, Тьен оставил на столе деньги за обед, надел пальто и вышел на улицу.

Совсем рядом. Лишь пять минут ходьбы. Два поворота. Три ступеньки на крыльце.

Жаль, что он не научился перемещаться через пламя, вошел бы сейчас без стука. Можно попробовать, конечно, но риск снова взорваться вместо того, чтобы гореть был велик, а Тьен не хотел, чтобы козыря завалило обломками стен — прежде чем сдохнуть, тот должен узнать, за что.

— О, какая встреча! — громко воскликнули за спиной, когда рука вора уже потянулась к звонку. — Мой юный и, несомненно, талантливый друг-стихоплет!

Тьен обернулся. К нему, тяжело опираясь на трость, поднимался по ступеням Александр Виллер. Поэт был дважды «не»: не в духе и нетрезв.

— Шли бы вы отсюда, — посоветовал юноша спокойно.

— А почему не в рифму? — пьяно оскорбился, невзирая на почти весеннее тепло, укутанный в шубу бородач. — У тебя же такие дивные экспромты выходят... щенок!

— Пшел отсюда! — ощерился Тьен.

— А зубки, смотрю, тебе уже считали и одного недосчитались, — раскатисто рассмеялся Виллер. — Что случилось? Кому-то не понравились твои стишки?

— Иди, куда шел, — угрожающе повторил вор. Не хватало устроить шум под дверью козыря. Хотя... — Какого ты ко мне прицепился, бумагомаратель бездарный? Я уроков стихосложения по четным дням не даю.

— Что?!

— Что слышал, серость.

— Ты как со мной разговариваешь, сосунок?!

Виллер замахнулся тростью, но Тьен увернулся от удара, вырвал у поэта отполированную палку черного дерева и несильно, словно дразнясь, стукнул мужчину набалдашником по скрывающей плешь шапке, а после, опять же набалдашником — по двери.

— Думаю, мировая литература немного потеряет, если сейчас вас убьют, — совершенно искренне заявил он покрасневшему от злости бородачу.

— Литература? — взревел тот, разъяренным медведем бросаясь вперед. — Мировая? Да что ты понимаешь в литературе? Ты, жалкое подобие человека...

Рукоприкладство плохо сочетается с полемикой, и, отвлекшись на речь, Виллер пропустил удар в живот. Впрочем, не слишком сильный: Тьен не ставил целью столкнуть его с крыльца. Наоборот, он хотел подпустить поэта к входу, а сделав это, ловко обошел со

спины и пнул ногой под зад.

Неповоротливая туша врезалась в закрытую дверь, но, увы, петли сидели крепко.

— Убью сученка! — завопил поэт.

Хотел обернуться, но помешала громоздкая шуба и колено вора, снова с силой ткнувшее пониже спины. Литератор вторично приветствовал дверь лбом и, чтобы устоять на ногах, схватился за шнурок звонка.

В доме и без этого уже слышали шум на крыльце, и наверняка сейчас прислушивались. А поскольку предмет спора был далек от криминальных дел и ближе к искусству, всполошиться не должны, и либо сейчас кто-нибудь выглянет, чтобы прогнать драчунов с крыльца, либо под шумок удастся все-таки высадить дверь. Но Тьен рассчитывал, что все же выглянут: драка может закончиться поножовщиной и приездом полицейских, которые первым делом обратятся за разъяснениями к жильцам, на чьем пороге развернулось трагическое действо — козырь должен это понимать.

И он понимал. После того, как бородач, не без посторонней помощи, в третий раз врезался в дверь, та осторожно приоткрылась, и в проеме показался недовольный молодой человек лет двадцати пяти, в домашнем халате, взъерошенный и с веником в руке.

— Виллер? — узнал он известного в Ли-Рей сочинителя. — Что это вы устроили на моем крыльце? А ну-ка...

Не дожидаясь окончания гневной тирады, Тьен спихнул поэта со ступеней и втолкнул в дом замахнувшегося веником хозяина. Или не хозяина, сейчас это было неважно. Захлопнул за собой дверь, поймал за шкурку намеревавшегося сбежать в комнаты человека и, прижав его спиной к себе и взяв в крепкий захват шею, приставил пистолет к виску. Все случилось в считанные секунды и не потребовало особых усилий: людям никогда не соперничать в силе и скорости с флеймами, а сейчас Тьен ощущал себя именно флеймом, целиком доверившись бушевавшему в душе огню.

— Где он? — тихо спросил он своего пленника.

Имени не называл, да он и не знал его, но человек понял. Тяжело сглотнул, сколько позволяла сжимавшая горло рука, и указал на завешенную портьерой дверь. Но даже не сделай он этого, шулер сам выдал себя спустя лишь миг. Вероятно, услышав, что дверь на улицу закрылась, а крики на крыльце стихли, он решил, что все уже кончено.

— Тео,хвати из прихожей газету, — прокричал он из глубины дома, обращаясь, очевидно, к молодому человеку в халате. — Тео?

— Он немного занят, — ответил за заложника Тьен.

Не спеша и не убирая пистолета от его виска, он ввел Тео в просторную комнату, то ли в гостиную, если судить по дивану и креслам, окружившим маленький круглый столик, на котором стояли чашки и блюдо со сладостями, то ли в художественную студию: половину помещения занимали холсты и мольберты, а в воздухе до одури пахло красками и едко — растворителем.

Шулер сидел на диване рядом с подружкой, чаевничал, но, услышав чужой голос, успел вскочить и достать револьвер. Со щелчком взвел курок.

— Вот и свиделись, жухло, — приветствовал его вор, прячась от меткого выстрела за Тео. Кивнул замершей с открытым ртом красотке. — И тебе привет, кошка.

Что теперь делать, он не знал. Мозг, последние сутки затуманенный горем и яростью, вдруг очнулся, выдав возможное развитие дальнейших событий. Вот шулер стреляет в его «щит» (ему ведь плевать на подельников, одним больше, одним меньше), а следующая пуля

входит ему, Тьену, между глаз. Как-то невесело, но план менять уже поздно. Да и не было у него никакого плана, когда шел сюда...

— Ух ты, — выдохнул козырь, даже рука с пистолетом дрогнула. — Уж кого не ожидал увидеть.

Узнал, значит.

— Что ж вы все такие памятливые на мою рожу, — процедил недовольно вор. — Хотя с тобой, мразь, оно и лучше. Долго объяснять не придется.

— А что ты мне объяснять собрался, малыш? — шулер быстро пришел в себя. — Пришел мне мстю великую чинить? Или... — темные глаза подозрительно сощурились, — царьки по мою душу прислали? Хотя, если бы от них, ты не один явился бы. Или ты не один?

Он только спросил, а в дверь уже барабанили:

— Открывай, щенок! — разорвался оставленный на улице поэт. — Думаешь, спрячешься?

— Это не со мной, — ухмыльнулся Тьен.

А в следующую минуту дверь все-таки не выдержала натиска, и запыхавшийся Виллер ворвался в комнату.

— Я тебя...

Грянул выстрел — нервишки у козыря сдали — и стихоплет плашмя завалился на спину. Тьен не видел, куда угодила пуля, но в меткости шулера не сомневался.

— Я же сказал, это не со мной, — покачал он головой.

Мировая литература немного потеряла. Совсем ничего.

— Твою ж мать! — выругался козырь. — Патти, собирай барахло, сейчас тут будет жарко.

— Сиди, где сидишь, — прикрикнул вор на вскочившую с места потаскушку. — А жарко будет, я обещаю.

Бандит опасался, что слышавшие выстрел соседи вызовут легавых, но Тьен собирался управиться до того, как те появятся. Правда, пока не решил, как. Разум вновь уступил ненависти, но жегший нутро огонь не спешил вырваться наружу и испепелить здесь всех. Значит, надо иначе...

— Ты мне угрожаешь, щуренок? — решил взять нахрапом козырь. — Мне? Слушай внимательно, малыш. Один раз тебе повезло. Хочешь сохранить удачу и дальше, отпусти моего брата и уходи отсюда по-хорошему. Или ты думал, я тебе денег на дорожку дам?

Несмотря на то, что у Тьена было оружие и заложник, несмотря на то, что он сумел отыскать его убежище, шулер все равно не воспринимал юного вора всерьез, пренебрежительно называя малышом. Решил, что он испугается и захочет сбежать, как в тот раз, но издевательский тон лишь подливал масла в огонь.

— Так это твой брат? — спросил, слегка растягивая слова, флейм.

Козырь замер. Дернул губой, отчего навощенные усики зашевелились как у таракана. Что-то не понравилось ему в том, как был задан вопрос.

— Я художник, — промямлил Тео. — Это мой дом...

Тьен подумал, а стал бы он сам, взяв большой куш и убив подельников, прятаться в доме Софи или у Ланса с Манон. Никогда. Видно, не так уж дорожит шулер братишкой.

Хотя, встрепелся, поняв, что «малыш» настроен серьезно, занервничал.

— Отпусти его, — повторил козырь, медленно отводя в сторону руку с револьвером. — Он не при делах. Не впутывай его в наши разборки.

— Ты сам его впутал, — ровным голосом заметил Тьен. — И знаешь... Коммивояжер, которого ты убил три дня назад, тоже был братом. Моим.

Вместе с последним словом он нажал на спусковой крючок и отступил на шаг, позволяя телу художника свободно рухнуть на пол.

— Тео!

Забыв обо всем, бандит бросился к брату, упал на колени рядом. Он был всего в паре ярдов, вытяни вперед руку и всади в поникшую голову оставшуюся пулю, но Тьен медлил. Смотрел на него, тормозящего бездыханный труп, и пытался понять, действительно ли ему удалось причинить убийце друга ту же боль, что испытывал он сам. Ведь если да, это и было бы самым справедливым возмездием...

— Убью! — в секунду подорвавшись с пола, козырь бросился на него.

Иногда человек все же может сравняться с флеймом, тогда, когда в его сердце горит такая же ненависть. Налетел, сбил с ног, придавил к полу собственным весом. От удара о голые, ничем не застланные доски Тьен разжал пальцы, и револьвер выпал из руки и отлетел в сторону.

— Убью-у-у... — выл ему в ухо бандит, колотя кулаками, напроць забыв о том, что сжимает в одном из них пистолет. — Убью тварь...

Резко дернувшись, вор ударил противника лбом по носу и сумел перехватить руку с оружием. Сейчас у него был только один шанс: завладеть оружием козыря, или хотя бы выбить его, а там — поползти до своего.

Из разбитого носа шулера на лицо юноше закапала кровь. Мерзко до тошноты.

Бандит оскалился, словно хотел зубами вцепиться ему в глотку, но Тьен успел схватить его за горло, недостаточно сильно, чтобы задушить, но достаточно, чтобы удержать на расстоянии. Второй рукой вор все еще сжимал державшую пистолет руку противника... А вот третьей руки у него, увы, не было, и нечем было отвести нацелившийся в голову кулак бандита. От мощного удара в ушах зашумело. Он всего на миг потерял контроль над ситуацией, и именно в этот миг дуло револьвера уперлось ему в бок.

— Убью, — прошипел козырь.

Тьен медленно разжал сжимавшие горло шулера пальцы, но руки не убрал. Наоборот — крепко обнял бандита за шею и притянул к себе.

— Убивай, — разрешил шепотом.

Человек помедлил. Может, его смутило такое согласие. Может, успел заглянуть поверженному, казалось бы, сопернику в лицо и увидеть, как его недавно черные глаза сначала наливаются зеленью, а после желтеют, и зрачок сужается и вытягивается в тонкую вертикальную щелку. Но промедление было недолгим.

Выстрела Тьен почему-то не услышал, лишь почувствовал, как в живот всадили раскаленный вертел, а после стали наматывать на него кишки. Боль была такая, что хотелось кричать, и он не стал бороться с этим желанием, звуком собственного, похожего на звериный рев голоса, удерживая себя в сознании.

Ничего, сейчас будет легче. Сейчас...

Огонь уже уступил место Воде, и на смену флейму пришел водяной змей. Рука, словно гибкое тело удава, сдавливала шею жертвы, мнящей себя убийцей. Пока несильно, но ведь он и не собирался его душить...

Козырь попытался освободиться из захвата и вдруг хрипло закашлялся.

Значит, получается. Все правильно, жизнь покидает тело вместе с водой, и в первую

очередь пересыхают легкие. Малышка Софи сутки харкала кровью... Но шулеру это не грозит: у него не будет столько времени...

— Ян! — осмелилась подбежать к ним подружка-подельница. — Ян!

Она потянула любовника за плечи, но лишь спровоцировала новый приступ кашля, перешедший в удушливое хрипение.

«Значит, его зовут Яном», — отметил про себя Тьен, чувствуя, как боль отступает.

Вместо нестерпимого жжения в животе словно змеи зашевелились. Видимо, внутренности срастались и выталкивали наружу пулю... Щекотно...

А козырь уже просто лежал на нем и не шевелился. Но еще дышал. Еще секунд десять...

«Его звали Яном», — мысленно повторил юноша, сталкивая с себя безжизненное тело.

Поднялся на ноги, распахнул пропаленное выстрелом пальто, задрал мокрый от крови пиджак и превратившуюся из голубой в темно-лиловую рубашку и осмотрел то, что осталось от раны. Еще розовый, но белеющий на глазах шрам. В этот раз исцеление прошло намного быстрее. И ни одна фиалка не пострадала...

Откуда-то из складок одежды выпала и ударилась о пол смятая пуля.

Тьен поднял пистолет козыря и отыскал глазами его подружку, в страхе забившуюся в угол. От увиденного она онемела, только смотрела на него, в суеверном ужасе расширив наполнившиеся слезами глаза, и трясла головой.

— Патти, да? — спросил он. — Патриция? Красивое имя, тебе идет.

Силы флейма не возвращались, он не чувствовал больше огня. Силы тритона были уже не нужны.

Решил, что хватит и сил человека. Уставшего, два дня не спавшего человека, безуспешно пытавшегося утопить свое горе в чужой крови.

— Не убивай, — прошептала дрожащими губами женщина. — Пожалуйста.

— Убеди меня. Ты ведь это умеешь. — Юноша улыбнулся. — Помнишь, как тогда? Покажи мне снова тот фокус, покажи, как любишь длинные стволы.

Она приблизилась медленно, словно под гипнозом. Руки с револьвером вор не поднял, и ей пришлось стать на колени. Представление в этот раз не казалось таким соблазнительным, и он пропустил прелюдию, а когда дуло оказалось у нее во рту, спустил курок...

С улицы слышался невнятный шум, люди собирались у выбитой двери, откуда слышались крики и выстрелы, но войти до приезда полиции не решались.

Покидать студию тем же путем, что он попал сюда, было небезопасно. Тьен поставил на то, что козырь вряд ли отсиживался бы в доме всего с одним выходом, и сам у себя выиграл: окна спальни выходили в узкий пустой проулок.

А на кровати лежал чемодан. Девять к одному, что со злополучной кассой. Восемьдесят тысяч листров. Впрочем, выпущенным из лампы саламандрам было безразлично, что жрать...

Грязная ночлежка на другом конце города, недалеко от фабрики, по какому-то недоразумению именовалась гостиницей. Вместо умывальников в комнатах стояли ведра, наполнять которые следовало самому из колодца на заднем дворе, там же располагался загаженный нужник, а чтобы поесть, надо было пройтись два квартала до ближайшей забегаловки. Но плата здесь соответствовала условиям, и документов при заселении не спрашивали.

Тьен плохо помнил, как нашел это место. Силы оставили его на границе Ли-Рей, а разум сдался и того раньше, в доме, где лежали в гостиной-студии четыре трупа. Кажется, он просто брел по темным улицам, пока к утру не уткнулся в обшарпанное здание с яркой, недавно обновленной вывеской. Вошел, не глядя, бросил на стол привратника банковскую бумажку, получил ключ с привязанным к нему номерком и дотопал до двери с наведенными мелом соответствующими цифрами.

В комнате, не вспомнив о былой безгливости, скинул пальто и тут же упал на свалявшийся, весь в подозрительных пятнах матрас и уснул. Не слышал, кто и когда принес белье, еще влажное, но чистое. Проснувшись ненадолго, застелил постель, разделся до исподнего, кое-как оттер с тела кровь, закрылся на щеколду от новых непредвиденных визитов и снова уснул.

Снов он не видел, ни плохих, ни хороших. А открыв глаза, не сразу понял, что проснулся, ведь ничего не изменилось, и все та же пустота была и вокруг него, и внутри.

Тело, забыв об иных надобностях, требовало покоя, и он оставил его лежать на волглых простынях, впустив в мысли недавние воспоминания.

Дом в Гуляй-городе. Четыре трупа.

Первый — Виллер.

Умер так же бездарно, как и жил. А его ведь предупреждали. Мог пройти себе мимо. Даже не стань Тьен его дразнить, писака вряд ли бы отвязался... Или все же отвязался бы, а наутро, проспавшись, и не вспомнил бы об их встрече. Или вспомнил бы. Побегал бы в полицию? Кто теперь скажет? Никто.

Второй — Тео.

Несчастный Тео? Безвинно погибший Тео? Как бы не так! Разве он не знал, какое дело провернул его братец? Не знал о деньгах? О том, скольких козырь отправил на тот свет, чтобы заполучить в единоличное владение заветный чемоданчик? Если бы их развеселую семейку накрыли легавые, Тео пошел бы на виселицу, как соучастник... даже если в самом деле был таким идиотом, что не догадывался о делишках брата.

Их всех повесили бы, кроме Виллера, естественно, так что он всего лишь поторопил задремавшую справедливость. Хотя, если бы у художника нашелся хороший адвокат, рисовал бы в тюрьме свои картины... А первую — сразу же в участке, грифелем на листе бумаги для допросов: портрет того, кто рассчитался с его братцем, который назавтра был бы во всех газетах. Нет, Тео все равно должен был умереть, и не убей он его в отместку козырю, сделал бы это позже... И тогда бы это был поступок не мстителя, а труса, дрожащего за свою шкуру...

К тому же, за смерть художника он рассчитался сполна. Пуля в ответ на пулю, жизнь

взамен жизни. Только круг замкнулся не на нем. Жизнь за жизнь, и он тут же забрал то, что отдал...

Третий — козырь.

Его звали Яном. Странно, но и тогда, когда Тьен уже стоял на пороге дома Тео, он не задумывался об имени врага, хватало того, что он знал его в лицо. А потом, когда возмездие уже свершилось, вдруг узнал... Зачем? Чтобы помнить теперь?

Он заслуживал смерти. После суда его повесили бы. Слободские, скорее всего, порезали бы. Рыбаки за убийство одного из своих, скормили бы рыбам, в лучшем случае целиком, в худшем — предварительно порубив на кусочки...

Козырь получил свое, все, что причиталось ему в тварном мире. За остальным — к богу на суд. На настоящий, а не такой, как в тот раз, когда его спасла размалеванная девка с ловкими пальчиками...

Четвертая. Патти.

Патриция — красивая женщина с красивым именем. Как специально под конец он узнал все имена, и теперь они останутся в памяти. А она тоже получила по заслугам. Судья, доживи она до суда, поделил бы делишки козыря им на двоих, и наверняка далеко не всегда она просто стояла рядом. А Тьен припомнил лишь один случай: игорный дом в начале зимы. Выстрели он тогда, и Ланс был бы сейчас жив... Он хотел, чтобы она поняла, за что, потому и повторил этот спектакль. И она знала, он поклясться мог бы, что она знала, чем это закончится, но не стала оспаривать приговор. Иначе попыталась бы бежать, и тогда он стрелял бы в спину...

...А еще он мог взять кассу. Восемьдесят тысяч — Софи и Люку хватило бы этого на всю жизнь. Но он решил, что им не нужны кровавые деньги. Да и не за деньгами он туда шел, не как вор. Он шел не брать, а отдавать долги. И рассчитался сполна...

И если бы сейчас он искал себе оправдания, то нашел бы их без труда.

Если бы искал.

Даже не осмысливал бы случившееся, а сказал бы себе, что не думал в тот момент, что делает, ослепленный ненавистью и желая лишь одного: причинить боль еще сильнее той, которую испытывал сам...

Но он не пытался оправдаться перед собой и незримыми судьями. Просто думал. Вспоминал.

День за окном снова сменился ночью, а он так и не встал с постели. Тело вошло в странное состояние, в котором не ощущались естественные потребности, и не нужно было двигаться, словно это уже и не тело, а кокон. Только вряд ли из него выберется однажды прекрасная бабочка.

Но иногда мыслями юноша покидал студию и оставшиеся в ней трупы и летел на свет... Чтобы тут же в страхе вернуться назад, покуда не замарал этот свет кровью и грязью...

Когда очередной день подошел к концу, он снова уснул, и хоть в этот раз сам хотел увидеть сон и уже решил, какой, вновь проспал без видений.

Затем пришел еще один день.

Кто-то стучался в номер и кричал что-то о деньгах. Пришлось заставить себя встать, нарыть в кармане пальто нужную бумажку и швырнуть ее в приоткрытую дверь...

Так можно было прожить целый год. Или два. Он почти всерьез задумался об этом, но после зажег лампу, хоть до ночи было еще далеко.

— Трижды «нет», — сказал он, когда Огонь, приняв облик длинноволосого мужчины,

уже стал у стола, но вопросы еще не были заданы.

— О чем ты?

— Нет, мне не стало легче, — прикрыв глаза, медленно разъяснил Тьен. — Нет, я не считаю, что сделал все правильно. И, нет, я не хочу говорить об этом.

— Зачем же тогда звал?

— Хочу, чтобы ты рассказал мне.

— Что?

— Все.

— Все, что мог, я уже тебе рассказал, — не слишком убедительно ответил огненный. — И... почему ты решил поговорить именно сейчас?

— Устал молчать.

— Но ты уверен, что выбрал подходящее время?

— Больше, чем ты в том, что рассказал мне все, что мог, — слабо усмехнулся юноша.

Он в самом деле устал молчать. Да и вообще устал. Будь его воля, Тьен ничего не стал бы менять в своей жизни, он привык к ней такой, она ему нравилась. Даже новые знания и умения он приспособил к привычному образу существования и до недавнего не задумывался о большем, предпочитая не вспоминать о том, что могло причинить боль.

О крылатых тенях он забыл, едва вспомнив, как до этого забыл и о козыре. Но козырь вернулся...

— Так ты расскажешь мне? — спросил он у озадаченного его настойчивостью Огня. — Для начала — что я за тварь?

Ведь вполне возможно, что опасаться нужно совсем не теней...

Вор, а теперь еще и убийца, воздел к потолку голые руки. Правая тут же вспыхнула ярким пламенем, левую обвила змеей собравшаяся из витающих в воздухе паров в тонкий голубой жгутик вода.

— Ты быстро учишься, — произнес, оценив увиденное, огненный.

— Я не учусь. — Тьен резко хлопнул в ладоши. Послышалось шипение, повалил пар, и искры вперемишку с горячими каплями осыпались на пол. — Я умею. И хочу знать, откуда. Кто я такой? Флейм? Тритон? Сильф по матери и альв по двоюродной бабушке?

— Ты чувствуешь Землю? — насторожился Огонь.

— Нет. Но кое-кто, включая тебя, полагает, что за этим дело не станет. Так как же это возможно? Мои предки специально творили мне родословную, несколько поколений смешивая кровь разных народов, или я случайно такой талантливый получился?

Огненный молчал почти минуту, потом совсем по-человечески вздохнул.

— Смешать кровь разных народов, народов стихий, я имею в виду, невозможно. Вода потушит огонь, огонь оплавит землю, земля смешавшись с водою образует грязь, а воздух поднимет землю, но это будет лишь пыль, которая вскоре осядет... Несколько стихий не объединить естественным путем деторождения, разве только посредством человеческой крови. Именно так появлялись когда-то первые маги.

— Так я — маг? — недоверчиво произнес Тьен слово из детских сказок. — Человек, в крови которого смешались все стихии?

— Нет, ты не человек... В смысле — не маг. И человек лишь немного. Все несколько проще в том, что касается твоего происхождения. А потому значительно сложнее во всем остальном.

Огненный умолк, словно собирался с мыслями перед рассказом, и юноша не торопил

его. В душе шевельнулся дремавший там страх: может, не стоило ни о чем спрашивать? Жил бы себе, как и жил... Но Тьен заставил трусливый голосок заткнуться.

— Изначально все дети стихий были... детьми стихий, — неспешно и путано повел повествование Огонь. — Вода породила ундин и тритонов, воздух — сильфов, земля — альвов, которые после разделились на несколько ветвей. Из Огня произошли флеймы. Ну и саламандры — это вроде как шутка такая, переходное состояние пламени от неразумного к разумному. После поймешь. На самом деле у каждой из стихий намного больше воплощений, и я не буду перечислять все, слишком долго получится. Ведь со времени своего появления дети стихий расселились по всему древу миров, и сами породили многие народы, а с многими из народов породнились. Однако огромная их часть осталась все же в Итериане, и чтобы как-то облегчить им сосуществование был создан первый шеар. Не рожден стихией, а именно создан. И не одной стихией, а всеми. Земля дала ему плоть, Вода наполнила сосуды кровью, Воздух вложил дыхание в уста, а Огонь зажег в нем жизнь. Одно существо, объединяющее в себе силы и знания четырех элементов, тот, кто может мыслить, как сильф, альв, тритон и флейм одновременно. Знающий и понимающий их желания и потребности. В общем, идеальный шеар Итериана. Понимаешь, о чем я?

— Не все, — признался Тьен. — Что такое Итериан? И что значит «шеар»?

— О, прости, — спохватился огненный. — Итериан — это место, которое люди зовут Дивным миром. Он не совсем такой, а порой совсем не такой, как описывается в человеческих сказках, но он существует, тем не менее. А шеар... Шеар — это что-то вроде правителя. Но тоже не совсем. Шеар и хозяин, и слуга своим народам. Он имеет огромную власть, но эта власть не выше лежащих на нем обязанностей. Во всяком случае, так задумывалось. И первый шеар был именно таким — гармония силы и разума, средоточие знаний и оплот мира. Нет, были у него и слабости, куда же без этого. Вспыльчивый, как огонь, порою ветреный, иногда он просто пускался по течению, а временами становился упрямым, как скала. Ни одно живое существо не может состоять из одних достоинств. И ни одно живое существо не может жить бесконечно долго, а Итериан нельзя было оставлять без единой власти. Поэтому, как и заведено у многих народов, шеар избрал себе супругу и мать будущего наследника. И ничего страшного, что следующий шеар был рожден уже женщиной, и в нем больше стало, положим, от Воды, чем от иных стихий, остальные ведь не покинули его. Помню, кто-то хотел обязать шеаров выбирать жен всякий раз из иного народа, чередуя последовательно все начала, но вовремя поняли, что мера излишня: кровь шеара сама по себе — залог единства стихий.

Говорил огненный неторопливо, делая долгие паузы между словами, и Тьена это начало раздражать.

— Кажется, я понял, к чему ты клонишь, — непочтительно перебил он воплощение пламенной стихии, скрывая под скептической усмешкой с новой силой накативший страх. — Кровь шеара, угу. И почему я сейчас в этой убогой ночлежке, а не на троне Итериана? Рожей не вышел?

— Задом, — в тон ему ответил Огонь. — Твой под трон не подходит, только под отцовский сапог. Вернее, дедовский, но это уже не суть важно.

— А, ясно, — нахмурился юноша. — Что ж они так? Загодя знали, что из меня ничего путного не выйдет? Или мама чем-то в королевы не годилась?

— Шеари, — поправил огненный. — Супруга шеара — это шеари. Но твоя мать ею не была. И никогда не стала бы.

— Почему? — еще больше насупился Тьен.

— Потому что, хотя закон о смене стихийных родов в ветви шеаров не был принят, и первые правители Итериана, и совет глав подвластных им народов сошлись в одном: человеческая кровь никогда не должна смешаться с кровью шеаров. Вернее, не только человеческая, там есть целый список: тролли, гоблины, кентавры... Но в твоём случае именно из-за людской крови все и завертелось.

— Но ведь мама была сильфидой, — возразил юноша, сам уже сомневаясь в этом.

— Сильфидой, — кивнул огненный. — А ее двоюродный братец Фер — флейм. Вот и думай. Ты же умный мальчик.

Чуть ранее он говорил, что стихии смешиваются лишь посредством людской крови, если, конечно, речь не идет о шеарах, но Тьен все же запутался, пытаясь определить, кто из его родни кем был.

— Ладно, не ломай голову, — сжалился, махнув пылающей рукой, рассказчик. — Объясню. Лет двести назад одна хорошенькая сильфида привела в Итериан понравившегося ей паренька. Они все так делают, сильфиды, ундины, альвы... Ты же читал сказки? Иногда поиграют и возвращают человека назад, иногда оставляют себе навсегда. Эта оставила. И парня, и его маленькую сестренку. Эта сильфида, если еще не понял, была твоей бабушкой. Ее человек — твоим дедом. А его сестричке, когда она выросла, глянулся некий флейм. Юные девы имеют слабость к пылким во всех смыслах мужчинах. Вот так и получилось. А потом твоя мать встретила твоего отца. Ему стоило вспомнить о том, что нельзя смешивать кровь с низшим созданием...

— С низшим? — В памяти всплыло нереально прекрасное лицо, голубые глаза, ласковая улыбка. Пальцы сами собой сжались в кулак, и ногти впились в ладонь.

— С низшим, — повторил невозмутимо огненный. — Шеар стоит на вершине пирамиды творения, а люди, сбившись в стада, подобно животным, бродят у ее подножия. Она никогда не поднялась бы к нему, и он — не спустился бы к ней. А тебя просто не должно было быть.

И кто-то спустя несколько лет решил исправить ошибку.

Дед, о котором мать говорила, что он змей еще тот, или отец. Или оба, сообща.

Вспомнились тени, пожар. Сердце бешено забилося, на лбу выступил пот, и к горлу подкатила тошнота... Впрочем, последнее, скорее, оттого, что он уже несколько дней ничего не ел, думая совсем о другом. И то, другое, к слову, все еще не отпускало, а в свете всего только что услышанного, окрашивалось в иные оттенки. И мысли лезли совсем уж странные, что, вероятно, не так уж неправы были те, кто решил когда-то, что кровь, хранящая силу четырех стихий не должна достаться низшему, животному, которое, может быть, и научиться управлять этой мощью, но отнюдь не в благих целях сохранения мира и гармонии...

— Если меня не должно было быть, почему ты не дал мне умереть тогда? Разве это не решило бы все?

— Это было бы неверное решение, — ответил огненный туманно. — Твоя смерть стала бы такой же ошибкой, как и твое рождение. Все должно быть не так

— А как?

— Иначе.

Да уж, разъяснил...

— Как я понимаю, к твоим «нет» добавилось еще одно, — взгляделся в его лицо огненный. — Нет, ты уже не рад, что завел этот разговор.

— Нет, я рад, — через силу выговорил юноша без тени сарказма. — В другой день все, сказанное тобой, могло бы здорово испортить мне настроение. Сегодня портить было нечего. Так что рассказывай дальше.

Огненный покачал головой:

— Все. Я и так сказал больше, чем должен был. Остальное узнаешь со временем. Или не узнаешь никогда.

Он уже готов был стать частью огонька на фитиле лампы, но Тьен остановил его.

— погоди. У меня еще один вопрос. Не о том... Почему ты помогаешь мне? Ты уже говорил, что не слуга и не обязан, но все-таки помогаешь.

— Наверное, потому... — протянул огненный и задумался почти на минуту. — Наверное, это можно назвать ответственностью. Ты — порождение моего творения.

— Не только я, — не принял такого ответа юноша. — И не только твоего. Но ни Вода, ни Земля, ни Воздух не выказывают участия в моей судьбе.

— Значит, это вина, — глухо выдохнул сгусток пламени, вдруг утратив очертания. — Чувство вины за то, что происходит с тобой. Это ведь я, а не Вода или Земля, сохранил тебя и вернул. И, возможно, я сделал что-то не так. Я очень торопился, пять циклов слишком мало. Или не нужно было стирать все твои воспоминания. Я забрал твою боль, но вместе с нею отнял всю радость, что у тебя была, любовь родителей, друзей... И даже пони. Кто знает, каким бы ты был, если бы я оставил тебе это?

Тьен вспомнил слободу, ночлежку Сун-Реми — с воспоминаниями о счастливом детстве там было бы еще хуже, и не исключено, что маленький Этьен Лэйд сломался бы в первый месяц такой жизни. Или ожесточился бы еще больше, зная, что это — не его жизнь, а та, что была его, у него безжалостно отняли.

— Скоро я уже не смогу разговаривать с тобой вот так, как сейчас, — сказал Огонь. — Когда ты соберешь все стихии, это будет трудно. И тогда я уже ничего не смогу для тебя сделать.

— А сейчас можешь?

— Да. Если ты захочешь. Я могу забрать еще немного из твоей памяти. Например, последние дни. И когда ты снова попросишь меня отыскать убийцу твоего друга, я скажу тебе, что он уже мертв.

Заманчивое предложение, но Тьен нашел в себе силы отказаться.

— Нет. Я хочу помнить. Все.

Огненный смерил его долгим взглядом и, кажется, понял.

— Хорошо. Пусть будет так. Мы долго говорили в этот раз, поэтому в следующий встретимся нескоро. И раз уж ты помнишь... Помни.

Знак, такой же, как тот, что вычерчен в центре найденной Генрихом Лэйдом в центре каменной плиты, на миг вспыхнул в воздухе, и юноша остался один.

Встряхнулся, отгоняя все мысли разом. Огляделся, словно впервые увидел грязную комнату, ведро-умывальник и осколок зеркала на стене, и брезгливо поморщился.

В кармане пальто лежали деньги, которые он забрал со старой квартиры. Хватит и на новую одежду, и на баню, и на цирюльника. Еще и останется немного до тех пор, пока он решит, что делать дальше.

Можно сказать, что все время, что Тьен отсутствовал, Софи места себе не находила, но это было не так. Место она нашла сразу же: у окна в кухне, откуда хорошо просматривалась

калитка и ведущая к крыльцу дорожка. Ела здесь, хоть и не хотелось, но через силу себя заставляла, пила чай, читала брату сказки, шила что-то, чтобы занять руки...

Когда на следующий день, после того, как постоялец вдруг сорвался в ночь, а она нашла газетную заметку, девочка не вышла на работу, хозяин прислал мальчишку узнать, что случилось. Сказала чистую правду: плохо себя чувствует. Совсем плохо. И вид у нее при этом, наверное, был соответствующий, потому что пацаненок, передавший господину Гийому ее слова и, видимо, от себя чуток добавивший, через час прибежал с гостинцами от лавочника, меда баночку принес и горькой спиртовой настойки, которую хозяин велел в чай подливать.

Медом она для Люка булку намазала, а настойку, как и наказали, вылила в чай, всю сразу, и тогда, впервые за два дня, уснула. А проснувшись, снова уселась у окна в кухне.

Люк, умница, все понимал, не капризничал, просьбами не донимал, играть не звал. Только спрашивал иногда, заглядывая в пустую комнату, где его «напалник» и скоро ли придет.

— Скоро, — отвечала Софи уверенно. — Вот покушаешь, поспишь...

А когда братишка вдруг разревелся из-за того, что она отказалась ему крепость из стульев строить, строго пригрозила:

— Будешь плакать, Тьену расскажу!

Сразу прекратил.

На второй день она вдруг спохватилась: вернется квартирант, а в комнате у него не прибрано, еды нет, сама неумытая, непричесанная, показаться стыдно. Взялась за уборку, хоть на пару часов себя заняла. Быстрее бы управилась, но то и дело к окну бегала или к двери, когда слышались в улицы то скрип, то какие-то голоса. Потом собралась, братишку одела, и на рынок вышли. Тут уже быстрее старалась, купила все, что нужно, и сразу домой — вдруг уже пришел? Только зря торопилась. Но ничего, время осталось ужин приготовить. Придет Тьен, а у нее суп на плите, капуста тушеная со свиными ребрышками, блинчики...

Суп забыла в холод вынести, так он к утру забродил, что тот квас. Пришлось вылить. И блинчики не накрыла, подсохли за ночь.

— Софи, ну не пачь, — просил Люк, обнимая сестру за вздрагивающие плечи. — Не пачь, не надо.

— Убытки одни, — сокрушалась она сквозь слезы. — Столько продуктов перевела.

Супа, если честно, было совсем не жалко, да и блинов тоже, но успокоиться никак не получалось.

— Не пачь! — сердито топнул ногой братик. — Тьен пидет, все скажу!

Только хуже сделал.

Рыдать перестала, лишь услышав, как хлопнула калитка. Вскочила, кинулась не к окну, а сразу к двери, выскочила во двор, зареванная, с красными глазами и припухшим носом, и замерла на пороге каменным изваянием: никого. Просто ветер. А она забыла калитку запереть, вот та и открылась, показав кусочек пустой улицы. Девочка стояла на крыльце, пока холодный воздух не остудил горящие щеки и не высушил слезы, а затем медленно вернулась в дом. Убрала на кухне, и заново взялась за готовку. После ни с того, ни с сего решила навести порядок в запертых на зиму комнатах. Работы там было хоть отбавляй, и она провозилась до позднего вечера, как и прежде отбегая к окну или двери всякий раз, когда что-то мерещилось, или в спальню, где стояла на столике фотография из музея, словно боялась, что может внезапно забыть его лицо и не узнает при встрече...

Спать Софи не собиралась. Думала, почтить еще немного на кухне, когда уложит Люка, и даже книжку приготовила — взяла у Тьена на полке, без картинок и с непонятным названием, лишь бы не лезли снова в голову всякие ужасы. Но за день устала и, присев на пол у кровати брата, задремала, положив голову на одеяло.

Проснулась от негромкого шума — с кухни, кажется.

Вскочила, хотела тут же мчаться на звук, но помедлила. Страшно было опять обмануться.

Неспешно вышла в темный коридор и тут же заметила свет из-за плохо прикрытой двери кухни. Сердце радостно запрыгало в груди. Рванулась вперед, уже взялась за ручку... И вдруг вспомнила, что сама не потушила лампу, собираясь еще вернуться к книжке.

Тоска и тревога вернулись в одночасье, захотелось опять расплакаться, но она сдержалась...

Вошла в кухню, прищурилась от света и, взглянув на стол, чуть не закричала на весь дом. Зажала ладошкой рот, а из глаз все-таки брызнули слезы: на скатерти лежал бумажный пакет, от которого так знакомо пахло сдобой, рядом два леденца на палочке, а в стороне — завернутые в газету цветы. Три разноцветных бутона выглядывали из-под уголка печатной страницы, красный, белый и желтый. Приблизившись, девочка недоверчиво коснулась пальцами нежных лепестков.

— Розы, — прошептала она, убедившись, что это не сон. — Зимой розы. Откуда...

— Из оранжереи Батиста. — Он неслышно подошел со спины, обнял за плечи. — Я спрашивал Маргариту или Клариссу Санье, но у них таких нет. Пришлось взять Красавицу Южноморья, Филомену и Нирейскую невесту. Только не спрашивай, кто из них кто.

Софи обернулась и тут же оказалась прижата щекой к пахнущей одеколоном рубашке, по-прежнему не видя лица парня.

— Прости, что сорвался, ничего не сказав, — прошептал Тьен, ткнувшись носом в ее макушку. — Помнишь, мы собирались встретиться с моим другом, а он не пришел...

Ему нелегко давались слова, и она не дала ему продолжить:

— Я знаю. В газете прочитала. — Ланселот — слишком редкое имя, чтобы ошибиться. — Мне очень жаль.

— Я был... не в себе эти дни. Не хотел, чтобы вы с Люком видели меня таким.

— Главное, что ты вернулся.

— Разве можно не вернуться туда, где для тебя горит свет?

Софи подумала, как же замечательно вышло, что она забыла потушить лампу, хотя он, казалось, имел в виду совсем другое.

Теплые губы коснулись ее виска, и девочка дернулась, словно пчела ужалила.

— Ох, мелкая, — улыбнулся парень, разжимая руки и отпуская ее, — что ж ты мелкая-то такая?

— Цветы, — пробормотала Софи, краснея от этой его улыбки. — Надо в воду поставить.

Желтая — это Филомена, она знала. Невеста — наверняка белая. Значит, красная — Красавица Южноморья...

На следующий день Софи снова в лавку не пришла — проспала. Полночи с Тьеном просидели на кухне, говорили. Вроде бы о пустяках, о ерунде всякой, но вспоминать отчего-то стыдно: сразу кровь к щекам приливает, мурашки холодные по телу, а внутри все огнем горит...

Но потом — ничего, вернулось все, стало как и раньше. И с работой, и с постояльцем.

Господин Гийом, правда, поворчал немного, что слишком часто она хворать стала, но больше по-доброму, по-отечески. Вместо четырех дней всего два из жалования вычел, и делами на первых порах после «выздоровления» не сильно нагружал.

А с квартирантом — тут сложнее. Непонятнее. Ведь если он денег за жилье теперь не дает, то получается, и не квартирант уже. А кто?

Софи почти неделю над этим вопросом голову ломала. Никак не объяснишь. Но если не умом, а сердцем судить, то как-то правильно все выходило, словно только так и должно быть, и никак иначе. Тьена она про это, конечно, не спрашивала. О другом узнать хотела, но тоже стереглась пока. Непонятное что-то с парнем творилось, а что, так сразу не объяснить. Вроде все тот же, а в чем-то, в мелочи какой-то, во взгляде, в слове, случайно оброненном, совсем другой. И вести себя стал временами странно. Во вторник она из лавки вернулась (засветло уже, зима-то последние деньки отбывала), а он для Люка качели смастерил — веревка с дощечкой — и на яблоне повесил. Малыш катается, а Тьен тем временем в саду копошится. Сказал, убрать к весне надумал. Листья прошлогодние и впрямь в кучу сгреб, дорожку вымел. Только когда Софи пришла, он на корточках у забора сидел, сухую землю из руки в руку пересыпал и нашептывал что-то, даже ее сразу не заметил...

Еще рисовать стал, все черточки какие-то, фигуры, звезды пяти и шестиугольные, кругами обведенные. Порисует-порисует, бывало, десяток листов за раз изведет, и тут же в печку кинет...

Но не так часто с ним эти странности случались, чтобы переживать. Может, просто бездельем человек мается? Вот, например, в вечер перед выходным Софи на кухне возилась, хотела загодя еды наготовить, потому как на следующий день уже погулять договорились, вдруг слышит, у постояльца в комнате стук какой-то: бум, бум, бум. Пошла поглядеть, так оказалась, он там с табуретки прыгает. Разминка, говорит, такая, мускулатуру укрепляет. А сам до пояса раздет, и мускулатура, ага... В общем, она решила, пусть себе прыгает.

В выходной в город вышли. В парке погуляли, в кондитерской посидели. Про то, чтобы на площадь Адмиралов сходить ни один не заикнулся: Ламили там неподалеку живут, пойдешь — точно встретишь. Но о том, что у Анны скоро день рождения Софи помнила, и подарок уже купила. Решила, что занесет, поздравит, а в дом и заходить не станет. Хоть и вряд ли пригласят...

На обратном пути в книжный магазин заглянули, что недавно в центре открылся. Огромный, два этажа, и все книги, книги — глаза разбегаются. Тьен себе что-то долго присматривал, но купил только сказки для Люка — «Приключения в стране фей» какого-то Бернарда Брю.

— А вы знаете, господин Брю, наш прославленный земляк, на будущей неделе посетит наш магазин! — радостно извещил их продавец. — Есть прекрасная возможность задать

вопросы любимому автору и получить автограф!

— Придем? — спросил у девочки Тьен.

— У меня работа, — напомнила она.

Да и не был господин Брю ее любимым автором — только сегодня впервые имя услышала.

А парень решил все-таки сходить.

Накануне книжку про фей от корки до корки прочел и весь вечер писал что-то, даже с Люком играть отказался, хоть тот и упраскивал, а Софи, когда она спросила, что за писульки, ответил, что секрет и, может быть, ничего еще и не выгорит.

Но выгорело.

— Вот, держи. Только сразу не трать. — Она только-только вернулась с работы домой, по дороге из лавки заглянув на рынок за керосином, а постоялец с ходу всучил ей тонкую стопочку банковских бумажек.

— Что это?

— Да вроде бы деньги, — удивился вопросу парень. — Пусть у тебя будут, ты лучше знаешь, что в дом покупать нужно.

— Откуда столько?

Тьен усмехнулся:

— От господина Бертрана Брю. Получили сегодня вместе с автографом. Да, Люк?

Он подмигнул путавшемуся под ногами «напарнику», с которым ходил днем на встречу с писателем, и Софи за голову схватилась. Стянула шапку и спрятала в ней лицо.

— Вы... Ты... — Слов не было на такую бесшабашную наглость ответить. Но выдавила кое-как: — Ты сказочника ограбил?

Представился добродушный длиннорылый старичок в старомодном сюртуке и с клюкой, у которого бессовестный вор вытянул из кармана кошелек, лишив последнего нажитого.

— Чего? — переспросил оскорбленно парень. — Кто кого ограбил? Люк, мы кого-нибудь грабили?

— Не-а, мы не грабили! — звонко подтвердил малыш.

— Но деньги... — Софи совсем растерялась.

— Продал писаке кое-какие историйки, — объяснил Тьен. — И идею для романа — может, напишет. Почитаем.

— Продал? Свои сказки? — догадалась девочка.

Раньше ей и в голову не пришло бы, что за такое возможно денег выручить. Но сказки у Тьена были расчудесные, таких наверняка ни в одной книжке нет... А теперь будут.

Уже за ужином, хорошенько все обдумав, снова завела эту тему:

— Ты же мог сам книгу написать. Тогда бы все знали, что это твои сказки, а не какого-то Брю.

Милый старичок в ее сознании превратился в толстого сквалыгу, наживающегося на чужом труде и фантазии.

— Написать, наверное, мог бы, — согласился, поразмыслив, парень. — Но издать — вряд ли. А у этого Брю каждый год новые книги выходят. Имя, договоры с издательствами... — Он заметил ее удивленный взгляд и пожал плечами, отвечая на не озвученный вопрос: — Да, знаю об этом немножко. Когда-то один человек рассказывал. Тоже пытался книжки писать, не сказки, а серьезные вещи. Он в последнюю войну воевал,

повидал многое. Потом профессору одному записки продал, тот их в свои труды включил. И истории остались, и Михалу денюжат перепало. Михал — это тот человек, что мне о книгах рассказывал. Умер он уже... А я с лета на кладбище не был...

Тьен вдруг застыл, глаза словно остекленели, и цвет их уже не казался таким ярким. Софи сделалось страшно, и она поспешила накрыть ладонью его лежавшую на столе руку, чтобы он оттаял от ее тепла, а не превратился в ледяную статую.

— Я и к Лансу не пошел...

Глаза у парня совсем потемнели, и Софи еще крепче сжала его пальцы.

— Давай завтра сходим, — предложила она тихо.

— Куда? Я не знаю. Кладбище, что за церковью Святой Варвары, и Михал там. А где могила...

— Там смотритель есть, у него все записано. Нужно имя назвать, он подскажет, где найти, — скороговоркой проговорила девочка, как будто промедли она хоть секунду, случится что-то непоправимое. И добавила после паузы, опустив голову: — Мама тоже там похоронена, а мы с Люком еще осенью крайний раз ходили.

О сказках забыли. Договорились на следующий же день, как только она в лавке освободится, сходить на кладбище.

Но уже поздно вечером Софи заглянула все-таки к постояльцу. Не уснула бы, если бы не спросила.

— Ты теперь воровать совсем не будешь?

Даже если книжек писать не станет, можно же и другую работу найти. Вот на рынке грузчики всегда нужны, или почтальоном пойти — в прошлом месяце на почте объявление висело, в мастерскую слесарную помощником, замки-то без ключа открывать научен... Только не коммивояжером!

— Не знаю. Как карта ляжет.

Вроде и не пообещал ничего, но все равно спокойнее стало.

На кладбище пошли через два дня.

У Тьена там друг и старый книжник Михал, у Софи — мама и бабушка. Бабуле, когда еще отец с ними жил, успели гранитное надгробие справить, а у мамы второй год деревянная табличка. Вор-не вор, квартирант-не квартирант пообещал по весне этим делом заняться, сказал, нормальные плиты поставят, и маме, и Лансу, потому что у того тоже пока только табличка была...

После кладбища ему словно легче стало, не замыкался уже в себе, не отмалчивался. Чудил, правда, иногда по-прежнему, но уже не пугал. И гулять с ними вечерами ходил, и сказки опять Люку рассказывал, и с железной дорогой они с ним играли, пока Софи по дому хлопотала.

В общем, хорошо жили. До самой весны.

А весной, думала девочка, еще лучше заживут.

Тьен отлично помнил, как перешел из попрошайек в ученики, а затем и в подмастерья к Ловкачу Мило. После того на недавних коллег-побирушек смотрел уже свысока, и не было бы для него большего позора, чем вновь оказаться с драной торбой на Людном перекрестке. Вот и теперь проснулось в душе что-то похожее, стукнуло вдруг: что же это он, потомок правителей Дивного мира, управляющийся уже, пусть и не без сложностей, с двумя из четырех стихий, кошелек у мещан тырит? Мелко это для него. Низко. Но и в дворники идти

или в грузчики, как недавно Софи заикнулась, тоже не дело — это, даже в сравнение с воровством, откат далеко назад. Нет, нужно другое что-нибудь придумать.

Книжки бы, и правда, писать. Или в солидной конторе документами ведать. Или в музее том же экскурсии водить...

Но для этого нужно было хотя бы школу закончить, не говоря уже о всяких там институтах. Появилась мыслишка фокусником заделаться, начать с ярмарки, а дальше можно было бы свое шоу открыть, театрик небольшой в аренду взять, Софи билеты продавала бы, а Люк афишки и сладости по рядам разносил... Но глупо выходило, по-детски. Не для баловства такая сила, не людишкам на потеху. А для чего, Тьен сам не знал. И, если совсем честно, в глубине души надеялся, что и не узнает...

В первый день весны Софи предупредила, что задержится после работы. Тьену по-прежнему не нравилось, что она с утра до вечера торчит в лавке, но, пока сам не нашел подходящего места, о том, чтобы ушла от хозяина, больше не заговаривал. Жить за ее счет он, естественно, не собирался, но и становиться виновником того, что Софи с Люком окажутся вдруг без источника заработка — тоже. Потому без возражений провожал на работу, следил, чтобы позавтракать не забывала и обед с собой взять, а после занимался с малым и по дому делал что-нибудь, если нужно было, а когда Софи предупреждала, что продуктов возьмет или на рынок из лавки завернет, встречал на полдороги, чтобы она с сумками не тащилась.

Но в этот раз она о продуктах ничего не говорила и причин задержки не объясняла. Да и задержалась не так чтобы надолго. Только пришла грустная и сразу же спряталась в своей комнате.

С ходу лезть с расспросами Тьен не стал. Вдруг там какие-то девчоночьи проблемы, о которых ему и знать не нужно? Но Люка заслал поглядеть, что и как.

— Пачет, — со вздохом сообщил вернувшийся из разведки напарник. И у самого глазенки заблестели, вот-вот разревется.

— Разберемся.

Тьен усадил малого у себя с книжками и сладостями, а сам постучался в спальню к Софи.

— Нельзя! — выкрикнула она. По голосу подтвердилось: плачет. — Я... переодеваюсь...

— Поздно, я уже вошел, — заявил с порога юноша. Посмотрел на сидевшую на софе девочку, которая давно уже сменила рабочее платье на домашнее и успела намочить слезами рукава, и укоризненно покачал головой: — Знаешь, что обманывать нехорошо?

Подошел, присел рядом.

— Что случилось?

— Ничего, — всхлипнула она.

— Из-за ничего не ревут. — Развернул ее лицом к себе, вынул из кармана платок и стер со щек мокрые дорожки. — Рассказывай.

— У Анны сегодня день рождения. Я ей альбом купила, занесла...

— И что она тебе наговорила? — нахмурился юноша.

— Ничего, я же сказала. Я ее и не видела. Ни ее, ни Ами... Тетка какая-то дверь открыла, я подарок отдала и ушла...

— А плачешь чего?

— Не знаю. Плохо все. — Софи по новой зашмыгала носом. — Совсем плохо. Мама умерла. Отец бросил. Подружек у меня нет. И никому я не нужна-а-а...

— Мне нужна.

— Ага, нужна. Завтра съедешь, и поминай, как звали. А мы с Люком опять одни останемся-а-а-а...

— Никуда я не съеду. И вас не оставлю, — пообещал Тьен, заново оттирая от слез зареванную мордашку. — Разве что сама прогонишь.

— Не прогоню, — девочка затрясла головой, словно самой мысли об этом испугалась. — Никогда.

— Значит, никогда и не уйду. Только ты это...

— Что? — она подняла на него влажно блестящие глаза.

— Да так, ничего.

Росла бы скорее, что ли...

...Вспышка ослепительно-яркого света. Мир вокруг тонет в белом тумане. Теряются очертания домов, не видно людей...

Он идет вслепую. Почти бежит.

Кажется, ему кричат вслед, но он не слышит ничего, кроме стука собственного сердца.

— Эй, парень! — Чьи-то пальцы вцепляются в плечо.

Он взмахивает крыльями, отталкивая человека, и снова бежит.

Зрение постепенно возвращается. Незнакомые улицы, чужие люди, удивленные взгляды.

Быстрая темная тень настигает его на перекрестке. Останавливается, обретает форму. Не страшный хищник — всего лишь большой автомобиль с закрытым верхом.

Но дверца открывается, словно голодная пасть, и красная обивка салона похожа на зев...

— Залезай, быстро! — командует сидящая за рулем женщина.

У незнакомки сердитые синие глаза и длинные золотые волосы. Тревога на тонком лице совсем не портит его красоты.

— Садись, кому говорю!

Расправить крылья, оторваться от земли и улететь...

— Только посмей, — угрожающе шипит красавица. — Хватит на сегодня представлений, Этьен.

— Тьен, — поправляет он машинально. Очнувшись от звука собственного голоса и имени, оглядывается и решается воспользоваться приглашением. Хлопает дверца, авто срывается с места, а он теперь может рассмотреть следящую за дорогой женщину. В мыслях проясняется, память подсовывает подсказки. — Лили, да?

И все из-за этого дурацкого мяча...

Мяч Люку он обещал давно, а купить получилось только теперь, на второй неделе ворвавшейся в город весны. Мальчишка, невероятно довольный, шагал между «напарником» и сестрой, прижимая к груди подарок, улыбался и счастливо шурился, вдыхая запах тертой кожи.

— В кондитерскую зайдем? — предложил Тьен.

Софи огляделась, потянулась, набрав полную грудь воздуха, и шумно выдохнула.

— Нет. Давай, еще погуляем? Погода такая...

Погода выдалась замечательная. Они гуляли по широким центральным улицам, но даже здесь рычание проезжающих мимо автомобилей не заглушало птичьего гомона, а едкие выхлопы быстро развеивались, смешиваясь с ароматами теплой сдобы, кофе и продаваемых с открытых прилавков тюльпанов. Солнышко пригревало, призывая скинуть шапки долой и распахнуть куртки и пальто. Легкий ветерок обдувал разгоряченные ходьбой щеки. А встречные прохожие, все как один, лучились благожелательными улыбками, словно и люди по весне потеплели и оттаяли.

— Погуляем, — согласился юноша. — Только малому нужно хоть пирожок взять. Да и я пожевал бы чего-нибудь.

Из всей их компании только Софи не хотела есть, как будто уже одним весенним воздухом была сыта. Девчонка! А у мужчин к этому делу подход серьезный. Тьен купил на лотке пяток пирожков: два Люку, с повидлом, и три себе, с разными начинками — с картошкой, с капустой и с мясом. Вытащил первый попавшийся и загадал, что если попадется мясо, день будет удачным, а если картошка — то нет. Надкусил — капуста. Решил, что тоже неплохо.

— Люк, давай мяч подержу, пока ты поешь? — предложила Софи братишке, но тот решительно отказался расставаться с подарком. Так и шел между ними, одной рукой удерживая мяч, а во второй зажав пирожок.

— О, глядите-ка! — Тьен остановился под цветной вывеской. — «Нужные вещи». Может, нам тоже что-нибудь нужно?

За стеклом огромной витрины была разложена, развешена и расставлена всякая всячина: лампы, цветочные горшки, кашпо, картины, маленькие декоративные столики с выставленными на них статуэтками и чайными сервизами, подставки для зонтов и тростей, подносы, тортовницы, сахарницы и прочее, и прочее...

— Купим вон те щипцы, — показала пальчиком Софи.

— Зачем?

— Буду тебя щипать, — рассмеялась она, без лишних приспособлений ущипнув за плечо.

— Вот как? Тогда я куплю вон тот утюг. — Он провел ладонью по ее спине и шепнул в порозовевшее ушко: — Буду тебя гладить.

— А я куплю терку! — быстро справилась со смущением девочка. — Буду тебя тереть!

— Тут нет терок.

— Тут нет, а в магазине наверняка есть. Зайдем?

— Зайдем, — согласился Тьен. — Может, там шило есть.

— Свое, что же, потерял? — расхохоталась Софи. — Небось, выпало, когда с табурета прыгал!

— Дурочка, — буркнул с улыбкой он. — Малому думал ботинки прошить, старая нитка совсем потерялась... А где он?

Мальчишки, минуту назад топтавшегося у ног, рядом уже не было.

— Люк! — Девочка встревоженно завертелась, высматривая брата, и вдруг с отчаяньем рванулась вперед, к краю тротуара. — Люк!!!

От ее крика перевернулось все внутри. Время замерло, и Тьену сумел увидеть, рассмотреть все до мелочей и понять: не успеет. Никто не успеет. Малыш, выскочивший на дорогу за выпавшим из рук мячом, не успеет убежать от летящего на него автомобиля. Водитель не успеет нажать на тормоза или свернуть. Софи споткнется о бордюр и упадет

уже рядом с отброшенным сильным ударом безжизненным тельцем. А он, Тьен, не успеет даже сдвинуться с места. Если только...

Страх, годами преследовавший его во снах, прошелся холодными пальцами по хребту, но он стряхнул его, резко и решительно. Отбросил назад хлопнувшими за спиной невидимыми крыльями и, спружинив от мостовой, взлетел, чтобы приземлиться между ребенком и мчащим навстречу авто. Успел увидеть испуганное лицо вцепившегося в руль мужчины и с силой толкнул ладонью воздух, вперед от себя.

Мощная волна прокатилась по мостовой, выворачивая булыжники, и врезалась в автомобиль.

Лопнули со звоном фары.

Лобовое стекло пошло трещинами.

Заскрипел, сминаясь, металл.

В следующий миг машину повело в сторону и швырнуло на фонарный столб...

— Люк! — Софи подбежала к мальчику, подхватила на руки. — Маленький мой, что же ты...

Казалось, она ничего не поняла, даже не видела, глядя лишь на брата. Но остальные люди, привлеченные криком и визгом тормозов, в эти несколько секунд наблюдали нечто невероятное и сейчас замерли, сверля его десятками глаз, настороженных, испуганных, удивленных, восхищенных и откровенно злобных. С проклятиями выбравшийся из кабины водитель направился напрямик к нему.

Какие-то тени приближались с обеих сторон от тротуаров. Возбужденные голоса превратились в невнятный гул.

— Ты как, парень? — спросил кто-то.

В голосе, как и в самом вопросе, не было враждебности, но для Тьена это стало последней каплей.

Захотелось убежать от них, спрятаться, укрыться от назойливых взглядов. Крылья еще трепетали за спиной, и небо манило свободой...

Но до неба он не добрался — только на крышу. Остановился на краю, чувствуя как кружится, словно от вина, голова, и опять полетел, но теперь уже вниз.

А потом была вспышка, незнакомые улицы, на которых не отыскать ни Софи, ни Люка, и неизвестно как добраться отсюда домой, и подкативший к нему черный автомобиль...

— Лили, да?

— Нет, — улыбнулась красавица, и тень тревоги на миг слетела с ее лица. — Но можешь называть меня так. Мало кому удастся выговорить мое настоящее имя. Как себя чувствуешь?

— Уже лучше. Мне... Мне надо вернуться! Меня ждут!

Машина затормозила на перекрестке.

— Слушай меня внимательно, малыш, — строго заговорила женщина, развернувшись к нему. — Ты уже натворил сегодня дел. Но, думаю, Фер с этим разберется. Ты же уже вспомнил доброго дядю Фернана, да?

— Вроде того, — выдавил юноша. То ли от полетов, то ли от быстрой езды его начинало мутить.

— Он сейчас там, пытается ликвидировать последствия твоей неосмотрительности.

— Ликвидировать?

— Да. Немного подчистить память свидетелям твоих незапланированных подвигов.

Огонь с этим неплохо справляется, знаешь ли.

— Знаю... Они меня забудут?! — встрепнулся юноша, думая о Софи и Люке.

— Нет, милый, — с усмешкой промурлыкала красавица, — ты незабываем. Они забудут, что ты летал. Будут думать, что какой-то парень просто выскочил на дорогу, водитель вывернул руль, и машина врезалась в столб. Вот и все.

Она снова нажала на газ.

— Куда вы меня везете? — спохватился Тьен.

— В одно дивное место, — подмигнула красавица.

Через полчаса, за которые она не сказала больше ни слова, а он ни о чем уже не спрашивал, чувствуя себя полностью опустошенным и мечтая лишь о том, чтобы оказаться поскорее дома, Тьен узнал, что при определенных обстоятельствах дивным местом, оказывается, можно назвать кладбище.

Совсем не то кладбище, где были похоронены Ланс и Михал, другое, старое и заброшенное. Он даже не подозревал о его существовании.

— Чья это могила? — спросил юноша, дойдя вслед за Лили к огражденному кованной решеткой памятнику.

Женщина, игнорируя его вопрос, достала из сумочки длинный серебряный мундштук. Открыла маленькую коробочку и подцепила что-то ногтем со дна.

— Не стоит без острой необходимости использовать силу стихии, — сказала она непонятно к чему.

— Так чья это могила? — переспросил Тьен.

Лили поглядела на памятник и пожала плечами:

— Понятия не имею. А вон та, — она указала на свежевырытую яму в нескольких шагах от ограды, — твоя.

Приложила мундштук к губам и дунула в сторону ошарашенного таким ответом Тьена.

Что-то кольнуло в шею. Перед глазами все закружилось, мир снова смазался, и юноша упал, обессиленно закрыв глаза...

Но он был еще в сознании, когда роковая красотка протащила его за ноги, сбросила на дно канавы, и в лицо полетели первые комья земли.

Удушливая тьма накрыла с головой, сжала в неласковых объятьях, затушила огонь в сердце, высосала воду, обломала жадными лапищами крылья.

— Ты мой...

Зловещий шепот сыплется в уши вместе с землей.

Ни повернуться, ни вырваться.

— Мой...

Хочется вздохнуть, но судорожно открывшийся рот тут же накрывает властным сухим поцелуем, от которого после скрипит на зубах тлен.

Грудь сдавило, сплющило ребра, словно весь мир сейчас стоит на его костях. Кто-то наверху сделает неловкий шаг, и они захрустят, ломаясь.

Пальцы, и те скованы, иначе сжал бы в кулак, и ударил мерзкую темную тварь, глумливым хохотом отзывающуюся на его попытку пошевелиться.

— Ты мой...

Она гладит шершавым языком щеки. Вылизывает, как иные хищники свою жертву, прежде чем впиться зубами. Протягивает тонкие щупальца, обвивает тело, щекочет,

забавляясь...

Ну же, тварь! Не тяни. Жри! Не мучь, жри, паскуда!

Хоть бы воздуха глоток напоследок. Капельку воды. Лучик света.

Он ведь так далеко дошел уже, столько сумел.

Огонь, Вода и Воздух признали его. Оставалась только...

Земля?

Земля.

Что ж ты недобрая такая?

Или это лишь кажется?

Огонь может сжечь, а может дать жизнь. Вода — утопить или исцелить раны. Воздух — уронить или вознести до невиданных высот.

— Ты мой, — нашептывает темнота, но в зловещем голосе слышится сомнение.

— Нет, — отвечает он уверенно. — Ты — моя!

— На завершающем этапе испытания допускается помощь знающего, — сказала женщина.

— У тебя странные представления о помощи, — с легким упреком покачал головой мужчина.

— Важен результат, а не методы. Сегодня нам повезло, мы были поблизости. А завтра, когда нас здесь не будет, он вырастит в центре города гору или наоборот разверзнет пропасть до самых огненных недр. Сможешь подправить память всем жителям этого мира и убедить их, что так и было?

Фернан, пропустив насмешку, щелкнул крышкой часов.

— Долго. Ты уверена, что он там в порядке? — кивнул он на свежую горку земли.

— Он не там, — усмехнулась Лили. — Выбрался окольным путем и стоит сейчас у нас за спинами. Этьен, тебе никто не говорил, что подслушивать нехорошо?

К тому времени, как Тьен сумел договориться с Землей, наступила ночь, но темнота не мешала видеть лица развернувшихся к нему людей... нелюдей.

Флейм и... Впрочем, неважно.

— Сейчас я тебе покажу твою могилу!

Он слышал ее слова и понял их смысл. Да, если бы с Землей вышло так же, как и с Воздухом, случиться могло, что угодно. Но это не отменяет мучительного удушья, постыдного страха и того, что Софи сейчас неизвестно что думает, после того, как он вдруг сбежал, оставив их с Люком посреди дороги в окружении взбудораженной толпы.

Тьен шагнул к женщине, еще не зная, чем рассчитается с ней за все перечисленное, но земля-предательница вдруг разверзлась под ногами, и он провалился по пояс, а вылезшие на поверхность корни деревьев туго обвили руки и свернулись петлей на шее.

— Тебе пока со мной не тягаться, малыш, — рассмеялась Лили.

Значит, альва. Можно было догадаться.

— Отпусти его, — попросил ее Фер. Флейм был бледен, темные волосы слиплись на лбу от пота, а на висках пульсировали лиловые венки. Видимо, зачистка памяти горожан отняла у него немало сил, и он все еще не пришел в себя. — Нам нужно поговорить.

— Поговорим так, — серьезно сказала женщина. — Твой дорогой племянничек слишком непредсказуем.

— О чем поговорим? — хмуро спросил Тьен, оставив безуспешные попытки

освободиться.

— Хотелось бы обо всем, но времени мало, — ответил Фернан. — Проход на Итериан скоро закроется, а мы не можем оставаться в этом мире.

— Ну и валите, — сердито бросил юноша. — В другой раз пообщаемся. В другую среду или пятницу.

— Гляди-ка, — удивленно вскинула бровь альва. — Догадался. Подсчитал. Но среды и пятницы уже в прошлом, Этьен. А говоря «мы», Фер имел в виду и тебя тоже. Ты больше не можешь жить в этом мире.

— И кто мне запретит?

Старая привычка — брать нахрапом. Дерзить, ерепениться... Так глупо, учитывая, что связан сейчас по рукам и ногам...

— Ты сам. — Женщина присела рядом. — Твоя кровь.

— Плевал я на кровь, — процедил он зло. — Меня ждут.

— Мы тоже ждали, Этьен, — вступил Фер. — И ждали очень давно. Прости, что не разъяснили всего сразу, но условия испытания этого не позволили. Шеар должен найти свою силу самостоятельно. На Итериане для этого есть специальный лабиринт, в котором наследник рода проводит иногда несколько лет. Для тебя лабиринтом был этот мир. И да, на последнем этапе не возбраняется помощь знающего. Лили немного ускорила события, и теперь о тебе уже известно... там... И нужно идти.

— Я с вами не пойду, — уперся на своем юноша. — Ни в этот ваш Итериан, ни даже к папаше Лу пинту пива пропустить. Я пойду домой.

— Тебе ли не знать, что дом — плохое укрытие, — проговорил негромко Фернан. — Если в этом мире есть кто-то, кто тебе дорог, окажи им услугу, исчезни из их жизни.

— Что?

Страх во сто крат сильнее того, что он испытывал когда-то перед Воздухом, и того, что узнал недавно под Землей, сковал и так обездвиженное тело. В голове все смешалось, в груди оборвалось что-то и рухнуло в пропасть, чтобы, достигнув дна, разлететься на тысячи осколков...

— Ты нужен Итериану, — долетел издалека голос флейма. — Это не только воля шеара. Ты сам поймешь, когда увидишь. Наш мир гибнет, и если это случится, всем остальным мирам тоже недолго осталось, ведь только сила Итериана питает их. А ты можешь помочь, Тьен.

— Зачем? — спросил он глухо. — Зачем мне ваш Итериан, если вы отнимаете у меня мою жизнь?

— Жизнь шеара не принадлежит ему.

— Я не шеар! — закричал юноша в отчаянии. — Я животное! Грязное животное, что бродит у подножия пирамиды творения! Оставьте меня с моим стадом!

— Прости, малыш. Но если ты не пойдешь с нами по доброй воле, есть и другие методы...

Тени. Темные крылатые тени, вооруженные мечами. Однажды они уже пришли в его дом. Теперь, если он ослушается, они придут в дом Софи...

— Все не так плохо, Тьен, — Фер присел рядом с ним на корточки. Погладил дрожащей рукою поникшую голову. — Ты поймешь...

— Скажи ему, — шепнула Лили.

— Да, я собирался... Ты ведь хотел бы снова увидеть отца?

Отца? Ублюдка высочайшей крови, отказавшегося от них с мамой много лет назад?

— Моим отцом был Генрих Лэйд, — четко проговорил юноша, поднимая глаза на флейма.

Фернан спокойно выдержал его взгляд:

— Именно о нем я и говорю.

Ночь.

Кухня.

Лампа.

Все это уже было.

«Он вернется, — повторяла Софи, как молитву. — Он обязательно вернется».

Купит сдобы в булочной рядом с почтой. Может быть, опять принесет розы.

Или хотя бы два леденца. Один Люку, а второй — ей. Пусть так.

Он вернется.

В прошлый раз его не было несколько дней, а сегодня прошло лишь несколько часов. Конечно, вернется.

Просто он испугался. Тот водитель накинулся на него из-за того, что он выскочил на дорогу перед автомобилем. Машина вся побитая, но ведь Люк цел, а это — главное!

И с Тьеном все в порядке.

Побродит по городу, успокоится, проголодается и придет домой...

Если не сегодня, то завтра.

Вернется...

Что-то стукнуло в спальне. Люк?

Девочка заглянула в комнату, но малыш спокойно спал.

Просто упала рамка с фотографией из музея. От сквозняка, наверное...

Собирались в ателье все вместе. Она надела бы новое платье, на Люка — клетчатый костюмчик... Сходят еще, обязательно. Вот только вернется, нужно напомнить...

Софи подошла, чтобы поправить упавшее фото, и застыла, заметив на столе толстую пачку денег. Банковские бумажки, перевязанные вместо ленты носовым платком. Его платком, она не перепутала бы: сама на новый год подарила...

— Тьен?

Выбежала в коридор — никого.

Заглянула в его спальню, в кухню, даже в гостиную...

— Тьен, я знаю, что это ты.

Не дождавшись ответа, вернулась к себе.

...А через минуту рыдала взахлеб, упав на софу и прижав к груди пустую рамку, в которой когда-то стояла фотография, где они вместе...

Больше книг на сайте — Knigolub.net